

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская 5 речь

1986 СЕНТЯБРЬ · ОКТЯБРЬ

В ПОМЕРЕ: РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНИ

3 Источник духовного обогащения

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

К 100-летию со дня рождения Г. К. Орджоникидзе

11 Н. П. Кохтев. Энергия слова

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

17 Е. В. Красикова. Новое восхождение В. Быкова
(О символах в повести «Знак беды»)

Из наблюдений текстолога

24 Э. Г. Бабаев. Возвращение слова

30 Н. А. Луценко. «Месяц кипит золотые клинья,
но угасли лунные лучи» (О связях грамматиче-
ских форм в поэтической речи)

36 А. Г. Коваленко. «Я выхожу на Place de la Con-
corde» (Иноязычная лексика в поэзии В. Маяков-
ского)

Трибуна писателя

42 П. П. Дудочкин. Душа слова

Культура речи

45 П. В. Веселов, Н. В. Овчинникова. Служебный ре-
чевой этикет

*К 100-летию Большой картотеки Словарного сек-
тора*

51 Р. П. Рогожникова. Сокровищница русской лексики

Отвечает служба языка

59 Е. М. Лазуткина. Запланировать компиляцию
[кому-либо, кого-либо]

Терминология

61 В. П. Даниленко. Стандартизованные термины.
Лингвистическая правильность

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

- 68 Аптон Семенович Будилович (1846—1908)
 74 Виктор Александрович Истрин (1906—1967)

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

- 77 С. Е. Каравасва. «И носятся светлые звуки...»
 81 И. Ю. Чистякова. Пейзажная живопись К. Паустовского
 87 Г. В. Бунина. Ритмическая гимнастика или аэробика?

СРЕДИ КНИГ

- 91 А. Н. Кожкин. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 93 М. В. Горбаневский. От знания — к пониманию, от понимания — к доверию

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 100 М. В. Пименова. Обозначение цвета в древнерусских «Травниках»
 105 И. А. Кошдакова. *Скарелный вьянца*
Из бытового словаря Древней Руси
 108 Г. В. Судаков. «Каков жевиншок, таков его и сапожок»
 115 Е. М. Немировский. Н. И. Новиков — русский издатель XVIII века

РУССКИЕ ГОВОРЫ

- 120 Р. И. Кудряшова. Менцкерские говоры в Волгоградской области

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

- 123 В. Н. Вакуров. «Белая березушка низко к земле клонится»

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- 128 В. С. Филиппов. Лира, лютия, арфа
 132 И. Э. Лалаянц. Длинноволосая гостья
 134 А. А. Ивченко. Заткнуть за пояс
За знакомой строкой
 137 А. К. Гапулич. «Бубелчик под дугой лепечет...»
 144 Т. В. Горячева. Под микитки

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

- 149 Слова — приметы времени
 154 Человеческий фактор

- 147 КРОССВОРД

На обложке рисунок Б. Захарова

Рисунки портретов С. Жигина

© Издательство «Наука», Русская речь, 1986 г.

ИСТОЧНИК ДУХОВНОГО ОБОГАЩЕНИЯ

Ускорение, прогресс, интенсификация... Эти полные энергии слова как будто пришли к нам из первых пятилеток, когда страна жила единым трудовым порывом и, устремленная в будущее, торопилась: «Время, вперед!» В напряженном ритме сегодняшней жизни мы явственно ощущаем неразрывную связь поколений, единство дел и целей нашей революционной эпохи. Все мы живем и трудимся под благотворным воздействием идей и решений XXVII съезда партии, который определил крутой поворот к новому качественному состоянию общества. Концепция ускорения предъявляет свои требования не только к темпам научно-технического прогресса, к экономике и социальному развитию страны, но и к духовному состоянию советского общества. В Политическом докладе ЦК КПСС говорилось: «Повышать степень зрелости общества, строить коммунизм — это значит неуклонно повышать зрелость сознания, обогащать духовный мир человека» (Правда, 1986, 26 фев.). Стратегический курс на ускорение определил таким образом и место в нем духовной культуры, без которой немислим общественный прогресс. А орудие социалистической культуры — великий и могучий русский язык, активно участвующий в нашем поступательном движении.

Сила мобилизующего слова

Свой рабочий день редакция «Русской речи» начинает с чтения писем читателей. Письма эти — безошибочный барометр общественной жизни, чутко улавливающий ее особенности, изменения, тенденции. Партия ставит новые задачи в области идеологической работы, мобилизует на службу ускорению художественное творчество и литературную критику, устную пропаганду и публицистику, все средства массовой информации. В связи с этим неизмеримо возрастает социальная роль слова. Об этом размышляет в своем письме эстонская журналистка Н. А. Маанди: «Мы стремимся как можно полнее реализовать идеи съезда в своих практических делах. К нам, газетчикам, — особые требования: проникать в глубинные пласты жизни, смело вскрывать ее противоречия и рассказывать о них живо, ярко, убедительно. Но отвечаем ли мы

этому требованию? Читаю газеты и нередко испытываю чувство неловкости. Язык наш в иных корреспонденциях выглядит художочным, невыразительным. Убедительно прошу вас: пишите чаще и острее о стиле газет, о тех процессах, которые происходят в современном языке. Нам очень поможет такой анализ».

Этому письму вторит пропагандист из Чувашской АССР И. М. Морозов: «На занятиях школы научного коммунизма мы изучаем документы XXVII съезда партии. Но очень однообразно, неинтересно проходят занятия. А ведь на съезде сказано: умное и правдивое слово имеет огромную силу. Умное... Значит, безовинбочно найденное, яркое, убедительное».

В нашем быстро меняющемся мире язык первым отражает новые понятия, черты нарождающихся перемен. Многие читатели отмечают, что в наши дни стали крылатыми слова *интенсификация*, *эффективность*. Недавно к ним присоединилось и понятие *человеческий фактор*. «Я часто слышу его по радио, вижу в газетах. Но что конкретно означает это выражение? Равнозначно ли оно понятию «субъективный фактор»? — спрашивает житель Одессы И. Е. Долинский.

На вопрос читателя подробно отвечает доктор филологических наук Л. И. Скворцов, статью которого мы публикуем в этом номере журнала.

Мы же только добавим, что человек, его всестороннее развитие в нашей стране — цель общественного производства. Социальное содержание понятия «человеческий фактор» — это совокупность многих качеств личности, определяющих ее идейную устремленность, профессиональную подготовку, ценностные ориентиры, гражданскую зрелость, готовность трудиться с полной отдачей сил, брать на себя ответственность. Но это и забота о человеке, это и психологический климат на производстве, и характер общения людей, взаимопомощь, дружба. Вот какое это широкое понятие «человеческий фактор»! К мобилизации его направлена социально сильная политика нашей партии.

А вот как определяет это понятие Татьяна Кузовлева в «Заметках писателя», опубликованных газетой «Советская Россия» (1986, 15 марта): «Это нам — всем вместе! — решать общегосударственные задачи. Это мы — все вместе и каждый в отдельности! — и есть тот самый человеческий фактор, о котором так сжато, но емко сказано в новой редакции Программы КПСС: «Успешное решение намеченных задач партия связывает с повышением роли человеческого фактора».

А вот еще одно письмо, связанное с реалиями наших дней, с перестройкой деятельности общественных институтов. «В пос-

леднее время, — отмечает В. Д. Шеблыкин из Ростовской области, — мы ополчились — и вполне справедливо! — на такое понятие, как *заорганизованность*. Но ни в одном словаре не нашел я этого слова. Что оно означает, когда уместно его употреблять?» Объяснение ему дает словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов «Новые слова и значения» (М., 1984): заорганизованность — это чрезмерное подчинение регламенту, заранее установленному распорядку, правилам. Авторы словаря делают пометку: *используется с неодобрительным оттенком*.

Время преобразований всегда связано в нашей стране с повышением интереса к духовной сфере жизни народа. Во многих произведениях на эту тему четко выражена мысль: **язык — активный участник ускорения, владение им, культура речи — важное звено повышения культуры общества, эффективности наших идеологических институтов**. Мы видим это на примере многих газет, радио- и телепередач.

Скажем, такой традиционный жанр, как передовая статья, на страницах «Советской России» обогащен сегодня личностными раздумьями, эмоциями, образами. В этих статьях почти не осталось «бодрой» риторики, звонких фраз. Слово стало сдержаннее, весомее, а стало быть — и убедительнее. О политическом значении точности и ясности речи говорилось с трибуны XXVII съезда партии. Кто следил за освещением предсъездовской отчетно-выборной кампании, тот заметил, как изменилась подача этих материалов. Партийная тема наполнилась сегодня дыханием жизни, человеческими характерами, их столкновением, борьбой. Мы почувствовали реальный процесс обновления, стали его участниками. **Язык средств массовой информации все полнее проявляет себя как фактор нашего развития, духовного прогресса**.

Но в то же время читатели замечают и другое: штампы, шаблоны, перегруженность профессиональной лексикой ослабляют мобилизующую силу слова, его общественное воздействие. Вот пример: «Выход деловых телят составил 75 процентов. А работники передовой бригады (речь идет о зверосовхозе) обязались получить по десять центах от каждой штатной самки». Что это такое? — может воскликнуть недоуменный читатель. Оказывается, — страница районной газеты, рассказывающая о передовых методах труда рабочих. Об этом написала в редакцию корректор Л. Ершова. Наша читательница резонно замечает: «Ведь это все для «Крокодила» и его рубрики «Нарочно не придумаешь». Нужна ли такая профессиональная лексика читателям?» Вот и А. Ф. Адрианов из Ставрополя решительно отвергает неуклюжие, на его взгляд, профессионализмы: «В официальных документах работников сельского хо-

зайства часто встречаются слова „овцематка“, „свиноматка“. Лексика деловых бумаг свободно перскочевывает на газетные страшицы, и я с содроганием жду, не появится ли в очередной статье „коровоматка“ или „кобыломатка“?»

Мы разделяем опасения нашего читателя, и тем не менее не будем спешить объявлять войну неудобным нам профессионализмам и выносить им однозначный приговор. Давайте лучше без эмоциональной запальчивости подумаем об истоках этого явления и дадим ему объективную оценку.

Дело в том, что перечень современных массовых профессий насчитывает около трех тысяч названий. И список этот по мере развития производства, науки и техники, сельского хозяйства будет увеличиваться. Куда же деваться от профессионализмов? Ведь их очень много. И живут они сегодня не только в деловых бумагах, но и под надежной защитой обложек новых словарей. Откроем словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов (М., 1984). «По-хозяйски» расположились здесь десятки профессионализмов — *виброобразивный*, *бункероваться*, *шкерцик* и другие, широко употребительные в различной профессиональной среде. Кстати, не все профессионализмы так уж неуклюжи, неудобнопроизносимы. Не от всех веет холодным, равнодушным ремесленничеством. *Папарник*, *наставник* — безусловно, хорошие слова. А ведь пришли они в нашу речь из профессиональной лексики. Не так проста эта проблема, как кажется. Даже такие слова, как *заразиховиносливый* (сорт растения), *додой*, *визулизатор*, которые могут кому-то показаться уродцами, не выбросишь с легкостью на помойку. Живут они в профессиональной речи и тоже в словарь попали. Давайте поищем иной к ним подход, исходя из функциональной целесообразности их употребления. Вот здесь на помощь придут и наша лингвистическая культура, и языковое чутье, и просто здравый смысл. В самом деле, в сводке для районного статуправления, наверное, надо точно указать: «свиноматка» (а не просто хавронья, не желающая в этом году дарить нам розовых поросят). В такой сводке, возможно, и «штатная самка» уместна. Но, действительно, зачем же переносить ее на страницы газеты?

Другое дело — сознательное обыгрывание окказионального слова. Мы тщетно будем искать в словарях слово «недохвал». Видимо, оно никогда прежде не употреблялось. Но вот прозвучало в диалоге двух известных критиков на страницах «Литературной газеты» (1986, 1 янв.), которые резко осуждали нашу застарелую привычку к комплиментарным, оценочным суждениям о писателях: «Читателей не устроил „недохвал“?» — спрашивает критик, и это

слово «однообразного пользования» звучит убийственно пронзительно, несет яркую эмоциональную окраску.

Чувство меры — категория не только эстетическая. В своих размышлениях известный писатель с горечью говорит о словотворчестве работников одного собеса: они ввели в свой обиход слово «учвовы», которым называют участников Великой Отечественной войны. Наверняка у каждого из нас это вызовет однозначную отрицательную реакцию. Тема войны и все, что связано с ней, — для нас свято, и вдруг — такой бездушный канцеляризм! Его лингвистическая несостоятельность переходит в несостоятельность этическую, и даже в гражданскую безответственность.

Пропагандируя культурную политику партии, осуществляя ее, будем стремиться к тому, чтобы с максимальной полнотой использовать мобилизующую силу слова, сконцентрированную в нем духовную энергию народа.

Мы вновь творим однажды сотворенное

Читательская почта, как всегда, полна раздумий о судьбе языка, о нашем к нему отношении, о значении его как могучего средства межнационального общения советских людей. Мы не перестаем восхищаться его самобытностью и яркостью, его безграничными выразительными возможностями. О красоте, о тонкостях родного языка очень своеобразно написал нам куйбышевский радиожурналист А. А. Галкин: он прислал стихи. Приведем одну строфу:

Маленькая буква в письме,
А смотри, как в строчке много значит;
Как нарчовый узелок в тесьме,
Сразу суть и смысл переименит...

Не правда ли, точно подмечено? В языке, как и в жизни, нет незначащих мелочей. Все в нем важно, все значимо. «Как уродуют нашу речь мелкие, на первый взгляд, неточности, — пишет В. Б. Шигорин из Перми. — То и дело слышишь не только в толпе, но и по радио, и даже с телеэкрана: „скоко“, „стоко“, „счас“. Очень обедняет нашу звучную речь такая „орфоэпическая экономия“». На страницах нашего журнала об этом уже говорила артистка Рина Зелёная (см. № 1 за 1986 г.). Она писала, в частности, о том, как небрежное произношение превращает иногда Организацию Объединенных наций в Организацию *обедненных* наций.

Интересное большое письмо прислал в редакцию ставропольский журналист П. А. Петрушин. Подробно анализирует он статью С. И. Виоградова «Русский язык эпохи НТР. Споры, мнения, оценки» (Русская речь, 1986, № 1), считая ее очень актуальной, своевременной. В письме этом ставится вопрос, который стоит

обсудить подробнее. Речь идет о развитии специальной терминологии, о «терминологическом взрыве», о чем писал в своей статье наш автор. П. А. Петрушин предлагает строго упорядочить образование новых терминов, разработать стандарт на новые названия явлений. «Предположим,— пишет он,— в слове не должно быть больше трех корней, двенадцати букв. Оно должно быть удобно произносимым». Действительно, вряд ли можно говорить о благозвучии приведенных автором письма слов: «Севкавказнефть», «Севкавказпроводхоз» и им подобных. Но вот что касается точной дозировки букв и корней — возможно ли директивно это установить? Даже если эта директива будет исходить из высшей научной лингвистической инстанции — Института русского языка АН СССР, живой язык вряд ли с ней посчитается. У него свои законы, и дело ученых изучать их, обобщать и только корректировать.

На многие вопросы о процессах в современном языке дают убедительные ответы материалы журнала «Русская речь». И все же нет-нет и встречаешь в редакционной почте такие письма: «Зачем нам столько иностранных слов? Разве нельзя заменить многие из них русскими — ведь язык наш так богат, у него огромные возможности. Я иногда слушаю радио, читаю газеты и думаю: почему мы миримся с таким количеством заимствований, почему охотно обедняем наш родной язык?» (С. И. Галкин, Иркутск).

Проблема эта не нова и вероятно будет обсуждаться до тех пор, пока будут существовать язык и нация, его носитель. А стало быть, вечно. Откроем знакомые со школьных лет страницы: «Некоторые из... писателей... твердят беспрестанно, что в наше время прекрасный русский язык всячески искажается и уродуется, особенно введением в него иностранных слов... Некоторые из этих слов так и остались неперевоенными и... получили право гражданства в русском словаре. Все к ним привыкли, и все их понимают; за что же гнать их? ... Неудачно придуманное русское слово для выражения чуждого понятия не только не лучше, но решительно хуже иностранного слова». Этот мудрый участник нашего сегодняшнего разговора — Виссарион Григорьевич Белинский (Взгляд на русскую литературу 1847 года). И выводы его сделаны почти полтора столетия назад. А вот точка зрения современной лингвистики: «Заимствования из одного языка в другой — явление в целом нормальное и неизбежное в истории любого развитого общества» (Основы культуры речи. Хрестоматия. М., Высшая школа, 1984, с. 9).

Так что не стоит и в этом случае выносить суровые приговоры. Будем чутки и внимательны к языковым процессам, постараемся понять их.

Этим стремлением и отличается большинство писем. Их авторы — не сторонние наблюдатели, а заинтересованные участники, «болеельщики» развития языка. Они искренне хотят докопаться до истины, а потому — спорят с нами, уточняют ответы ученых, высказывают сомнения. Мы рады такому живому диалогу, ибо он — лучшее доказательство активного, гражданского интереса советских людей к родному нашему языку.

Виктор Матвеевич Зотов из села Новоспасского Оренбургской области прислал в редакцию такое письмо: «В 6-м номере «Русской речи» за 1980 г. сказано: «Что же касается употребления словосочетаний *провести операцию, произвести операцию*, то здесь прежде всего нужно исходить из значения слова *операция*. Если мы имеем в виду хирургическую или боевую операцию, то следует употреблять глагол *провести (проводить)*, в других случаях используется глагол *произвести (производить)*: *произвести операцию в уме*».

Многолетнее чтение научно-популярного журнала «Здоровье» вызвало у меня сомнение в этом ответе. В журнале хирургические операции и *делают*, и *проделявают*, и *осуществляют*, и *выполняют*, и *проводят*. А больше всего — *производят*. Вот несколько примеров того, что «Русская речь» не рекомендует: «Немедленно М. С. Малиновский *произвел* операцию» (Здоровье. 1980, № 11, с. 20). «Первая операция по поводу аппендицита была *произведена* за несколько тысячелетий до нашей эры» (1981, № 5, с. 9). А вот и самый свежий пример: «Его (хрусталик — В. З.) модифицируют с учетом патологии, при которой *производится* операция» (1986, № 2, с. 10). Все эти примеры говорят о том, что выражение *произвести операцию* у медиков, да и не только у них, широко распространено. По-моему, оно не должно вызывать возражения. Есть ли здесь нарушение грамматики?»

Нарушений грамматики здесь нет. В академическом 4-томном Словаре русского языка читаем: *провести* — осуществить, произвести что-либо; провести уборку урожая, ... ренетицию; *произвести* — сделать, совершить: *произвести* ремонт, следствие, обыск.

Как видим, строгого разграничения в употреблении этих слов нет, сам словарь указывает на их синонимичность, на очень тонкую стилистическую окраску. На помощь и в этом случае должно прийти языковое чутье, которое и поможет с наибольшей точностью употреблять эти глаголы, не позволит сказать: *произвести ренетицию*.

В языке постоянно происходят сложные процессы, заметные даже в рамках такого исторически короткого времени, как пятьдесят лет. Язык — организм живой, подвижный, с готовностью

откликающийся на профессиональные нужды тружеников различных отраслей народного хозяйства. И в этом смысле все мы в той или иной степени — творцы языка, мы постоянно, как сказал поэт, творим однажды сотворенное. Но эта повседневная деятельность требует и общей культуры, и вкуса, и высокой гражданской ответственности по отношению к нашей величайшей национальной сокровищнице.

Инженер-геолог В. К. Дубинин из г. Лабинска Краснодарского края далек от филологии. И оценка его труда не зависит от грамотности инженера и его коллег. Но именно чувство ответственности перед родным языком побудило его обратиться в редакцию: «Как правильно склонять слова *инженер-лаборант*, *шурф-будка*? Мы пробовали найти ответы на эти вопросы в библиотеке, но не нашли. Так и ищем в отчетах, кто как считает правильным. А ведь отчет — это документ. Да и не хочется коверкать русский язык своей безграмотностью». Такое вот письмо, вроде о мелочах, о частностях. Но позиция его автора — это уже не частность. Поэтому мы с готовностью отвечаем на Ваш вопрос, товарищ Дубинин.

Приводимые Вами слова — сложносочиненные, компоненты которых являются самостоятельными. Попадая в обиходную речь, оба они склоняются: *инженера-лаборанта*, *инженеру-лаборанту* и т. д. Однако у названий, наиболее употребительных в обиходе типа *план-карта*, *шурф-будка*, распространились в разговорной речи несклоняемые варианты на стыке слов: раскрыть *план-карту*, отремонтировать *шурф-будку* (См. об этом: Грамматическая правильность русской речи. Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. М., 1976).

Таких писем-вопросов мы получаем очень много. На все стараемся дать ответы, а наиболее интересные выносим на страницы журнала.

... Рабочий день мы начинаем с чтения редакционной почты. С ваших писем, дорогие читатели. В них — ваши мысли и суждения, вопросы и просьбы. И в каждом — стремление глубже постичь родное слово, способствовать тому, чтобы великий русский язык еще активнее участвовал в созидательном обновлении нашей жизни, в духовном обогащении социалистического общества.

К 100-летию со дня рождения
Г. К. Орджоникидзе

ЭНЕРГИЯ СЛОВА

Н. Н. КОХТЕВ,

кандидат филологических наук

Григорий Константинович Орджоникидзе (1886—1937) рано начал революционную деятельность: еще в фельдшерской школе Тифлиса весной 1902 года он стал одним из активнейших участников социал-демократического кружка. А в 1903 году Тифлисская партийная организация посылает Г. К. Орджоникидзе пропагандистом в мастерские Закавказской железной дороги. Там, среди рабочих, он и прошел первую

настоящую школу революционной борьбы. В 1911 году Г. К. Орджоникидзе приехал в Париж на учебу в партийную школу от бакинской организации, где впервые встретился с В. И. Лениным. «С тех пор он [Г. К. Орджоникидзе] стал одним из самых близких товарищей», — пишет Н. К. Крупская (Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти томах. Т. 1. М., 1979, с. 359). Г. К. Орджоникидзе вошел в состав Российской организационной комиссии (РОК) для подготовки Шестой (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (1912 г.), был избран в Центральный комитет РСДРП. Он выступал с докладами в Петербурге, Вологде, Киеве, Тифлисе, Баку, Москве, а затем революционную деятельность продолжил в ссылке. Когда после июльских событий 1917 года В. И. Ленин укрывался в подполье, Г. К. Орджоникидзе был одним из немногих надежных связных, кому доверили поездки в Разлив. В октябре он

принимал активное участие в вооруженном восстании, а затем был направлен Петроградским комитетом партии на фронт.

В период восстановления народного хозяйства Г. К. Орджоникидзе возглавлял Закавказскую партийную организацию, в 1926 году он — председатель Центральной контрольной комиссии, народный комиссар Рабоче-крестьянской инспекции и заместитель председателя Совнаркома СССР; с 1930 года — председатель Высшего Совета Народного хозяйства СССР (после реорганизации ВСНХ — нарком тяжелой промышленности), член Политбюро Центрального Комитета ВКП(б).

На каком бы посту Г. К. Орджоникидзе ни находился, большое место в его деятельности занимала пропагандистская работа. Он выступал с докладами и речами на съездах, конференциях, заседаниях, совещаниях, перед рабочими, войнами, инженерно-техническими работниками, строителями. Присущие Г. К. Орджоникидзе кипучая энергия, настойчивость, прямота, талант руководителя и организатора, сердечность и искренность ярко проявились в его выступлениях. Он разъяснял выдвинутые Лениным неотложные задачи, стоящие перед народом, разоблачал преступную роль империалистов как организаторов военной интервенции против молодой Советской республики, призывал к установлению братского сотрудничества народов Закавказья со всеми народами Советской России. Важное место в речах Г. К. Орджоникидзе занимали вопросы индустриализации страны, использования огромных резервов на заводах, фабриках, шахтах и рудниках для повышения производительности труда. Он постоянно говорил о необходимости критически смотреть на свою работу, не успокаиваться на достигнутом, всемерно двигать вперед дело технического развития нашей страны.

Выступления Г. К. Орджоникидзе тесно связаны с жизнью, с реальными условиями производства. По форме они эмоциональны, а по содержанию доказательны и логичны. Он старался убедить слушателей в том, о чем говорил. Так, в речи на собрании актива строителей Нижегородского (теперь Горьковского) автозавода он подробно проанализировал его работу, отметив достоинства и недостатки. Оказалось, что есть еще много несделанного. Оратор делает вывод: «...убедились ли вы, что вы не окончили еще завода; представляете ли вы все как следует, что

вам в этот короткий промежуток времени предстоит тяжелая работа?.. Мне говорят, что механосборочный цех красиво выглядит при солнце, а я говорю: вы установите машины, и я готов приехать в туманную погоду и посмотреть на внутреннюю красоту этого цеха!» (здесь и далее примеры из речей приводятся по изданию: Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. В двух томах. Т. 2 (1926—1937 гг.), М., 1957). Доверительный тон, искренность высказывания привлекали слушателей, ибо они понимали, что его прямота вызвана стремлением помочь увидеть и ликвидировать недостатки в промышленности, вывести производство на передовые позиции.

Доклады и речи Г. К. Орджоникидзе — это всегда своеобразный диалог, который вызывает повышенный интерес слушателей. По ходу выступления оратор ставил вопросы и отвечал на них, выдвигал доводы, возражал, приводил контрдоводы. Создавалось впечатление живого размышления, непосредственной беседы со слушателями. Например, на Всесоюзном совещании ударников черной металлургии Г. К. Орджоникидзе сказал: «Скажите мне, пожалуйста, почему это одни наши заводы могут давать хорошие результаты, а другие — плохие? „Условия“, говорят, иные. Какие условия? Никаких у них нет особых, „иных“ условий. А если уж есть иные условия на передовых заводах, то — да будет всем известно — это как раз условия, усложняющие, затрудняющие достижение лучших результатов» (с. 562); «Вы, слушая меня, можете сказать: а, ты, значит, против норм вообще, так что же ты предлагаешь? Отвечаю, дорогие товарищи: я не против норм, но я считаю, что технически обоснованных норм у нас нет, и то, что вы называете „технически обоснованной нормой“, — это не движение вперед, а это есть в лучшем случае отражение того, насколько мы сегодня освоили данный агрегат, а в худшем случае — это вчерашний день» (с. 673).

Иногда напряженность речи создавалась серией вопросов к аудитории, которые развивали высказывание. Вот как Г. К. Орджоникидзе говорил о черной и цветной металлургии: «Почему же эти отрасли отстают? Разве нет у нас хороших заводов? Нет у нас хороших доменных и мартепловских печей? Нет у нас хороших прокатных станов и блюмингов? Нет у нас хороших коксовых заводов? Все это есть у нас, товарищи! Доменные печи Магнитки и Кузнецка, Запорожья и „Азовстали“ — это лучшее, что

дает современная техника... Так в чем же дело? Как это так получилось, что мы имеем лучшую технику, а даем плохие показатели? Как это вышло, что страна сумела построить эти гиганты, но все же не имеет металла в том количестве, какое ей необходимо? Дело тут, товарищи, пужно сказать прямо, со всей откровенностью, — *в нашей плохой работе*» (с. 560—561). В этом отрывке два кульминационных пункта. В первой части — это после серии вопросов восклицательное предложение: «Все это есть у нас, товарищи!», затем идет спад эмоционального напряжения (объяснение того, что у нас есть). Во второй части — это последнее повествовательное предложение (ответ на серию вопросов).

Г. К. Орджоникидзе помогал рабочим и руководителям производства по-новому оценить работу своего предприятия. Человек темпераментный, он не переносил неурядиц и резко критиковал нерадивых производственников. Но в резких замечаниях не было ничего оскорбительного: они были вполне справедливы. Нарком не мирился с ложью, обманом, очковтирательством, плохой работой. Рассказывают такой эпизод: шло заседание коллегии Наркомтяжпрома, Г. К. Орджоникидзе резко критиковал директора большого предприятия, и тот сидел бледный. Вдруг ему передали записку: «Чего ты приуныл? Ты ведь должен знать, что я ругаю только тех, от кого много жду. Выше голову! С. Орджоникидзе» (Дубинский-Мухадзе И. Орджоникидзе. М., 1963, с. 339).

Г. К. Орджоникидзе предпочитал активные формы формирования и полемики, которые обеспечивали большой и постоянный контакт с аудиторией и сильное воздействие на нее. Он использовал слова и выражения, часто со сниженной стилистической окраской. Таким образом, отрицательные явления получали соответствующую оценку.

Вот пример из речи на собрании инженерно-технических работников тракторного завода: «Без организации, без четкой организации ни одно дело не может идти серьезно... Технику вы знаете, вас же обучали, но даже простую организацию создать не можете. Мы с т. Михайловым вместе ходили по заводу, по (не обижайтесь, инженеры и техники, мы собрались не для того, чтобы комплименты друг другу говорить) такой безалаберщины я в своей жизни не видел... Меня зло брало, хотелось

вызвать кого-либо из инженеров и мастеров и как следует взгреть. Ходишь по заводу, и никого нет. Представьте это: председатель ВСНХ... никого не может найти. А если кто другой примется искать, то и подавно не найдет никого. На что это похоже? Разве это дисциплина? Разве это организация?!» (с. 305).

Беспристрастная, справедливая критика заставляла слушателей размышлять, увидеть себя как бы со стороны. Г. К. Орджоникидзе сознательно показывал всю глубину негативного явления, с которым необходимо было бороться.

Вот пример из речи, произнесенной на пленуме Донецкого обкома КП(б)У в январе 1933 года: «Хозяйственники, которые здесь выступали, говорят о том, что все возможности имеются: и руда есть, и доломит есть, и кокс есть — все есть, программа выполнима. А не выполняют! В чем же дело? Они здесь говорят: „Мы плохо руководим“. Открыли Америку! Это мы без вас знаем, что вы куда не годные руководители... Вы простите, — нам пужны хозяйственники не кающиеся, а хозяйственники, которые умеют действовать» (с. 447). Как видим, стиль речи энергичный, гибкий, каждое острое слово направлено в цель.

Полемическая заостренность выступления достигается, например, сравнением, стилистическим и смысловым контрастом, введением одновременно положительной и отрицательной оценки состояния дела. В выступлении на собрании инженерно-технических работников тракторного завода Г. К. Орджоникидзе сказал: «Разве это плохие рабочие? Ничуть не бывало! Может быть, кто-нибудь скажет, что среди 11 тыс. все рабочие — энтузиасты? Нет, я не такой человек. Конечно, много прощелыг, лодырей. Но если взять коллектив в целом, так это — золото» (с. 304). «Мы люди сами по себе нехлохие, большевики, ленинцы, стоим за Советскую власть. Многие из директоров себя не жалели во время гражданской войны и если завтра пужно будет, пойдут и завтра драться. Но этого мало. Мы не можем уподобляться тем гусям, которые говорили, что наши предки Рим спасли» — это пример из речи на пленуме Донецкого обкома КП(б)У (с. 452—453). Контраст тоже отражал динамику речи, которая усилена вопросительными и восклицательными предложениями, образными сравнениями. Такие критические оценки воспринимались в слушателях искренность, твердость, непримиримость к недостаткам, стремление к глубокому знанию дела.

Широко использовал Г. К. Орджоникидзе в своих речах и такое явление, как аптифразис: употребление слов в противоположном смысле, обычно проницеском. Возникал двойной смысл, где истинным был не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый. Как правило, такие слова в устном выступлении выделяются интонацией, а на письме кавычками (или их значение становится ясно из контекста). Например: «Вы знаете наших „друзей“, которые нас окружают во всем мире, как они „хороши“, как „расположены“ к нам, это вы знаете» (с. 321); «Когда мы в октябрьские торжества и в мае этого года пустили шеренгу в несколько сот больших танков, все эти атташе — представители наших „дружественных“ государств — посмотрели на эти танки и сообщили, наверное, своим министерствам: шутить с большевиками дело не шуточное» (с. 499).

Выступления Г. К. Орджоникидзе насыщены конкретным фактическим материалом. Использование социально значимых фактов, умение оценивать и обобщать их — важный показатель его ораторской культуры. А яркая эмоциональная форма речи всегда находила отклик у слушателей, рождала в них веру в возможность выполнения поставленных задач, желание действовать, не оставаться равнодушными к недостаткам.

Ясность пропаганды и агитации есть основное условие. Если наши противники говорили и признавали, что мы сделали чудеса в развитии агитации и пропаганды, то это надо понимать не внешним образом, что у нас было много агитаторов и было потрачено много бумаги, а это надо понимать внутренним образом, что та правда, которая была в этой агитации, пробивалась в головы всех.

В. И. Ленин

Новое восхождение В. Быкова

О символах в повести «ЗНАК БЕДЫ»

Е. В. КРАСИКОВА

Есть произведения, постичь которые можно, только проникнув в глубинный смысл символических образов, занимающих главенствующее положение в их поэтической структуре. К ним относится и повесть народного писателя Белоруссии Василя Владимировича Быкова «Знак беды». Обычно в подобных произведениях читатель вначале сталкивается с символическим образом, и лишь по прочтении ему становится ясно, что за этим стоит, что является объектом символизации. У Быкова, наоборот, объект символизации выносится в заглавие (беда), а символические образы появляются позже, на определенном этапе развития сюжета. Таким образом, тема повести определена изначально, в названии. Казалось бы, для чего же тогда символы? Может быть, они выполняют чисто эстетическую функцию, может быть, смысловая нагрузка на них не так уж велика — раз мы сразу оноещены, что есть что? Однако рассуждать так — было бы заблуждением. Простая констатация того, что одно является символом другого, недостаточна для понимания глубинного значения символа, ибо это лишь один из необходимых моментов постижения воплощенной в нем идеи писателя.

В «Знаке беды» мы сталкиваемся с достаточно разветвленной системой индикаторных образов разной степени сложности: с метафорами, аллегориями, символами. Некоторые из них становятся узловыми пунктами, в которых завязаны смысловые нити всего произведения. Это более всего касается двух центральных символов повести: Голгофы и пещелица хутора (разрушенной, заброшенной усадьбы).

Прежде, чем перейти к анализу их значения, необходимо сделать некоторые предварительные замечания. Повествование ведется писателем в трех временных планах: центральный — война, период оккупации; далее по значимости и объему следует довоенное прошлое, и, наконец, — настоящее, в котором нет прежних бед, но есть напоминание о них. Оба символа: Голгофа и пещелица — сме-

щепы во времени, но не разделены, а частично накладываются друг на друга. *Голгофа* возникает раньше, в хронологически первый, довоенный период. Наивысшей точки в своем развитии этот образ достигает в части, посвященной войне. Здесь же по мере того, как разрушается, иссякает нормальная, то есть хотя бы в основе своей протекающая по законам человечности жизнь, начинает формироваться будущий образ *пепелища*, достигающий апогея в хронологически третьей части — в настоящем, где от прошлого остался только *знак беды*. Кроме того, оба символа, как это будет ясно из последующего анализа, обладают смысловой и, следовательно, семантической общностью.

В основе анализа значения символов лежит исследование семантических, контекстуально обусловленных преобразований, осуществляющихся в слове, наделенном определенным значением, которое закреплено в сознании языкового коллектива.

В прямом первоначальном значении слово *Голгофа* — топоним, название небольшой горы в окрестностях Иерусалима. В «Знаке беды» это значение, как и должно быть при символизации, частично сохраняется. *Голгофа* — по-прежнему гора с той лишь разницей, что находится она не в Палестине, а в оккупированной гитлеровцами Белоруссии. Однако *Голгофа* имеет и другое, узусально закреплявшееся символическое значение, сформировавшееся в христианских текстах, — символ человеческого страдания, доходящего до смертельной муки и обрывающегося небытием. В повести «Знак беды» осуществляется вторичная окказиональная символизация. Трансформация значения слова *Голгофа* протекает в направлении исторической конкретизации абстрактных понятий. Это происходит, главным образом, за счет соединения слова с языковыми единицами, обозначающими исторические реалии довоенного и военного прошлого.

Проследим в хронологическом (не соответствующем ходу новеллования) порядке формирование значения символа *Голгофа*. Вначале, еще до того, как в тексте произведения появилось само слово, описывается безмятный пригорок с трудной, малоплодородной землей, на котором бывшим батракам Петроку и Степаниде — главным героям повести — выделен участок. Со всем пылом людей, обретших право работать на себя, они берутся за его обработку и тут же сталкиваются с почти непреодолимыми трудностями: «Ее прокляли, гору эту. Не было земли, но и это не земля». Однако им куда отступать, Яхвмовщина (хутор), теперь принадлежащая им, становится их судьбой. Надеяться не на кого, кроме себя, своих рук и, может быть, бога, в которого они верят по привычке.

И тогда начинается первое восхождение на Голгофу — восхождение Петрока, восхождение — мольба. Описывая путь Петрока, несущего к вершине огромный крест, В. Быков не только самой ситуацией, но и определенным, возможно, бессознательно целенаправленным отбором лексики (иригнувшись; боролся с непокорным столбом; упираясь в землю, поднимая над собой...) подчеркивает огромное физическое напряжение, которое добровольно переносит человек во имя преодоления своей жестокой судьбы. Крест, поставленный Петроком, становится «знаком человеческой беды» — так он воспринимается людьми. И по привычной ассоциации гора получает название Голгофы. Здесь рождается быковский символ, но, едва родившись, он уже значим, и не абстрактно, а конкретно исторически. В нем заключена часть жизни двух бедняков, двух людей, обреченных на вечное преодоление.

Однако каменистая почва Голгофы — не единственная беда Степаниды и Петрока. Они живут среди людей, активно участвуют в этой жизни, и все, что в ней случается, имеет к ним такое же непосредственное отношение, как и кусок хлеба, добытый с каменистой почвы Голгофы. Болезненно проходящий процесс коллективизации, проводимой не готовыми к выполнению своей задачи людьми; перегибы при раскулачивании; нарушение законности — все это осознается Степанидой как личная беда, рождает в ней боль и гнев против несправедливости: «Она многого не понимала, но хорошо чувствовала одно: так не должно быть, не по-человечески это...». Этика Степаниды проста, но глубока и истинна. Зло ей враждебно, зло — это беда, а беда — всегда страдание, Голгофа. Так расширяется значение символа. В части, посвященной довоенной жизни героев, Голгофа символизирует страдания людей, вызванные разными бедами, в которых нет ни грамма их вины.

Наибольшей силы достигает символ *Голгофы* в хронологически второй части повести, посвященной войне. Какие бы беды ни обрушивались на людей до войны, они все же были свободными хозяевами своей земли. Самая большая и страшная беда — постоянно усиливающаяся, нарастающая угроза рабства — приходит к ним с оккупацией. Все события этой части по сути дела — процесс стихийного, неотвратимого выживания Степаниды и Петрока со света.

Впервые Голгофа упоминается здесь в связи с отгремевшими боями, отступлением советских войск: на ней «одиноко мерцала крохотная красноватая звездочка». Контекстуальное, синтагматически закрепленное соединение *Голгофы* с *красной звездой* привносит в семантику слова принципиально новый элемент. В символ возвращается значение жертвенности, но это жертвенность во имя

идеи свободы, хорошо понятной солдатам, защищающим свою Родину.

С самого начала оккупации мир для Степаниды разделился на две части: «чудовища» и люди. С каждым днем нарастают притеснения, с каждым часом «возможности человеческой жизни сходили на нет». Многократно повторяя слово *беда*, Быков создает вокруг него определенный семантический ареал, конкретизирующий его значение, а значит, и значение символа. Сюда входят слова, обозначающие ощущение героев в ситуации беды: *тревога, ощущение, близкое к страху, неотвязная тоска, горечь, презрение, ненависть* (Степанида); *тоскливый взгляд, печальный вздох, горе, испуг, страх* (Петрок).

Обращает на себя внимание, что слова, обозначающие ощущения Петрока, относятся в основном к двум семантическим сферам: печаль и страх. У Степаниды иначе: тревога и тоска — с одной стороны, но с другой — ненависть. Очевидно, что частично их чувства совпадают — когда речь идет об их душевном состоянии, непосредственной реакции на событие. Но там, где характеризуется их отношение к ситуации, они сильно различаются.

Соответственно характеру Петрок — боится, Степанида — ненавидит. Их тревога, приближение и нарастание опасности аллегорически изображены в снах Петрока: в первом, где он видит клубок копошащихся червей, во втором, где его дразнит крыса («с клыкастым, словно у кабана, рылом»). Испытывая страх, Петрок постоянно стремится приспособиться; Степанида же, ненавидя, все время ищет возможность досадить фашистам. Выражением непокорности Степаниды, ее стремления к возмездию является и дойка коровы Бобовки в траву, чтоб немцам не досталось, и брошенная в колодец винтовка гитлеровца, и бомба, и пожар, и сама ее гибель. Для Петрока такими символическими моментами являются рытье «офицерклозета» и игра для немцев на скрипке белорусской народной песни «Куналинки». Готовый на все ради физического выживания, Петрок добивается того, что к нему начинают относиться, как к скотине, и «пинок в зад» есть последнее унижение, в котором наивысшей степени достигает презрение к нему теперешних хозяев жизни.

Но, оказывается, и у Петрока есть предел терпению. Он наступает в тот момент, когда Петрок отчетливо понимает, что отдельными уступками жизни не вымолить, что надо превратиться в раба, постоянно покоряться чужой воле, — тогда останешься жить. Такой ценой он выживать не хочет, и наступает день гнева вечно безответного Петрока. Когда его уводят с хутора, он думает о Степаниде, он чувствует свое единство с ней, надеется, «что сей-

час увидит ее, и они пойдут вместе на последнюю свою Голгофу, где и примут смерть».

Внеся ситуацию, в которой не предвидится никаких реальных восхождений, Быков впервые в повести использует слово *Голгофа* в собственно символическом значении — путь через страдания к смерти. Называя грядущую Голгофу *последней*, Быков подчеркивает, что вся их жизнь была восхождением на Голгофу, но только до сих пор оно ни разу не обрывалось смертью. «Петрок пропал, исчез с этого света, как и для него пропали хутор, жена Степанида, Голгофа, пропал целый мир». В этом сдержанном, но высоком описании гибели Петрока в ряду однородных членов, обозначающих наиболее важные, существенные, определяющие его жизнь понятия, встречается и Голгофа. Тем самым писатель снова говорит о том, что страдание — постоянный спутник их жизни, которую прожили они под знаком беды, менее или более страшной, но всегда беды, закономерной приведшей их к смерти.

Однако формирование значения символа на этом не заканчивается. Еще жива Степанида, еще не завершила она, идущая по законам правды и человечности, свой путь. «Зло считается лишь с силой и страшится лишь наказания», — из этой мысли Степаниды рождается идея возмездия, воплощенная во вспомогательном символе — неразорвавшейся авиационной бомбе, таящей разрушение и смерть для тех, кто попирает «исповедуемую людьми правду». В последние дни перед гибелью Степанида одержима этой идеей, она преследует ее и во сне. Сон Степаниды — это тоже восхождение и тоже с тяжким грузом, как и у Петрока в свое время. Но если Петрок нес крест-мольбу, обращенную к богу, мольбу о спасении себя, своей семьи, то Степанида, взбираясь на крутую гору, скользя по грязной дороге, несет возмездие за попиранное человеческое достоинство всех вообще людей. Она идет к смерти сознательно, зная, что там, за вершиной, «край какого-то обрыва». И она погибает, но оставляет в душе «чудовищ» вечный страх.

Оба восхождения, Петрока и Степаниды, являются контрапунктами в сложной структуре значения символа: в одном — страдание и беззащитность, в другом — страдание и преодоление, торжество человеческого духа над обстоятельствами.

Тогда же, при повествовании об оккупации, начинается формирование второго основного символического образа повести — пещища хутора. Разорение хутора идет постепенно, но неминуемо. С приходом немцев и полицаяв на хутор начинается неотвратимый процесс притеснения и разрушения, представленный в повести своеобразным семантическим рядом, состоящим из двучленов, где одно слово обозначает какой-либо атрибут усадебной жизни, дру-

гое — уничтожающее действие, направленное на него изве: *обтрясли яблони, вытоптали огород, застрелили кур, корову, убили пастушка Янку, избили Петрока, Степаниду, увели навсегда Петрока с собой*. С этого момента разорение и уничтожение осуществляется волей Степаниды: обмен поросенка на авиационную бомбу, поджог усадьбы, смерть в огне.

Писатель показывает нам эту усадьбу, вернее, то, что от нее осталось, спустя много лет. Глагол *остаться* и производные от него слова *остатки, останки* доминируют в описании хутора в хронологически третьем пласте повествования. Метафорическое использование слова *останки*, обычно применяемого по отношению к человеку, подчеркивает, что перед нами не просто картина разрушенной усадьбы, а картина уничтоженной жизни. Это пепелище уродливо, как уродлива вообще всякая насильственная смерть. Здесь нет места элегической печали. Напротив, используя соответствующую лексику, писатель постоянно подчеркивает безобразие следов войны и невозвратимость прошлого: изуродованная липа (*опаленная, односторонняя, с уродливым стволом, прогнившая*); сгнивший сруб колодца; заросли сорняков; истрепанные остатки усадьбы; осевший бугор кирпича. На всем этом лежит «знак давшей беды». Она прошла, но осталась память, и она должна быть такой же бескомпромиссной, каким был путь на Голгофу Петрока и Степаниды. Оба символа смыкаются здесь в эмоциональной оценке событий. Но общность между ними этим не ограничивается. И Голгофа, и пепелище — воплощение беды. Но первый символ шире, так как охватывает два временных периода — военный и довоенный. Кроме того, каждый символ развивает определенный элемент значения слова *беда*, обозначающего объект символизации. Если определить *беду* как отрицательное событие в жизни людей (человека), вызывающее переживание, страдание, то можно сказать, что в *Голгофе* доминирует переживание, а в *пепелище* — событие. *Голгофа* живет и умирает вместе с героями, живыми, чувствующими, мучающимися людьми. *Пепелище* пережило их, и теперь оно сообщает о событии, косвенно указывая на испытания, через которые прошли те люди в их жизни, похожей на восхождение к бессмертию.

Помимо этих двух символов, аккумулирующих почти всю мыслительную энергию произведения, существует еще один, не менее важный. Это сам факт появления повести «Знак беды». Он говорит о том, что ни одно восхождение: ни Сотникова, ни Мороза, ни Петрока, ни Степаниды — не забыто, не исчезло бесследно, пока живы в людях законы человечности.

Рисунок В. Захарова

час увидит ее, и они пойдут вместе на последнюю свою Голгофу, где и примут смерть».

Внеся ситуацию, в которой не предвидится никаких реальных восхождений, Быков впервые в повести использует слово *Голгофа* в собственно символическом значении — путь через страдания к смерти. Называя грядущую Голгофу *последней*, Быков подчеркивает, что вся их жизнь была восхождением на Голгофу, но только до сих пор оно ни разу не обрывалось смертью. «Петрок пропал, исчез с этого света, как и для него пропали хутор, жена Степанида, Голгофа, пропал целый мир». В этом сдержанном, но высоком описании гибели Петрока в ряду однородных членов, обозначающих наиболее важные, существенные, определяющие его жизнь понятия, встречается и Голгофа. Тем самым писатель снова говорит о том, что страдание — постоянный спутник их жизни, которую пережили они под знаком беды, менее или более страшной, но всегда беды, закономерно приведшей их к смерти.

Однако формирование значения символа на этом не заканчивается. Еще жива Степанида, еще не завершила она, живущая по законам правды и человечности, свой путь. «Зло считается лишь с силой и страшится лишь наказания», — из этой мысли Степаниды рождается идея возмездия, воплощенная во вспомогательном символе — неразорвавшейся авиационной бомбе, тающей разрушение и смерть для тех, кто попирает «исповедуемую людьми правду». В последние дни перед гибелью Степанида одержима этой идеей, она преследует ее и во сне. Сон Степаниды — это тоже восхождение и тоже с тяжким грузом, как и у Петрока в свое время. Но если Петрок несет крест-мольбу, обращенную к богу, мольбу о спасении себя, своей семьи, то Степанида, взбираясь на крутую гору, скользя по грязной дороге, несет возмездие за поправное человеческое достоинство всех вообще людей. Она идет к смерти сознательно, зная, что там, за вершиной, «край какого-то обрыва». И она погибает, но оставляет в душе «чужовица» вечный страх.

Оба восхождения, Петрока и Степаниды, являются контрапунктами в сложной структуре значения символа: в одном — страдание и беззащитность, в другом — страдание и преодоление, торжество человеческого духа над обстоятельствами.

Тогда же, при повествовании об оккупации, начинается формирование второго основного символического образа повести — пелища хутора. Разорение хутора идет постепенно, но неминуемо. С приходом немцев и полицесв на хутор начинается неотвратимый процесс притеснения и разрушения, представленный в повести своеобразным семантическим рядом, состоящим из двучленов, где одно слово обозначает какой-либо атрибут усадебной жизни, дру-

гое — уничтожающее действие, направленное на него извне: *обтрясли* яблони, *вытоптали* огород, *застрелили* кур, корову, *убили* пастушка Янку, *избили* Петрока, Степаниду, *увели* навсегда Петрока с собой. С этого момента разорение и уничтожение осуществляется волей Степаниды: обмен поросенка на авиационную бомбу, поджог усадьбы, смерть в огне.

Писатель показывает нам эту усадьбу, вернее, то, что от нее осталось, спустя много лет. Глагол *остаться* и производные от него слова *остатки*, *останки* доминируют в описании хутора в хронологически третьем пласте повествования. Метафорическое использование слова *останки*, обычно применяемого по отношению к человеку, подчеркивает, что перед нами не просто картина разрушенной усадьбы, а картина уничтоженной жизни. Это пепелище уродливо, как уродлива вообще всякая насильственная смерть. Здесь нет места элегической печали. Напротив, используя соответствующую лексику, писатель постоянно подчеркивает безобразие следов войны и невозвратимость прошлого: изуродованная линия (*опаленная, однобокая, с уродливым стволом, прогнившая*); сгнивший сруб колодца; заросли сорняков; истлевшие остатки усадьбы; осевший бугор кирпича. На всем этом лежит «знак давней беды». Она прошла, но осталась память, и она должна быть такой же бескомпромиссной, каким был путь на Голгофу Петрока и Степаниды. Оба символа смыкаются здесь в эмоциональной оценке событий. Но общность между ними этим не ограничивается. И Голгофа, и пепелище — воплощение беды. Но первый символ шире, так как охватывает два временных периода — военный и довоенный. Кроме того, каждый символ развивает определенный элемент значения слова *беда*, обозначающего объект символизации. Если определить *беду* как отрицательное событие в жизни людей (человека), вызывающее переживание, страдание, то можно сказать, что в *Голгофе* доминирует переживание, а в *пепелище* — событие. *Голгофа* живет и умирает вместе с героями, живыми, чувствующими, мучающимися людьми. *Пепелище* пережило их, и теперь оно сообщает о событии, косвенно указывая на испытания, через которые прошли те люди в их жизни, похожей на восхождение к бессмертию.

Помимо этих двух символов, аккумулирующих почти всю мыслительную энергию произведения, существует еще один, не менее важный. Это сам факт появления повести «Знак беды». Он говорит о том, что ни одно восхождение: ни Сотникова, ни Мороза, ни Петрока, ни Степаниды — не забыто, не исчезло бесследно, пока живы в людях законы человечности.

Рисунок В. Захарова

Из наблюдений текстолога

Возвращение слова

Э. Г. БАБАЕВ,

кандидат филологических наук

В издательстве «Русский язык» готовился к печати сборник повестей и рассказов Л. Н. Толстого. Мне было поручено написать предисловие, составить примечания, отобрать устаревшую, специальную или просто малононятную современному читателю лексику для словарика трудностей, встречающихся в тексте, который предполагалось дать в конце книги.

Мне предстояло, по рекомендации Э. А. Веденяпиной, редактора издательства, внимательно перечитать повести Толстого. И начал я с «Холстомера». Текст этой повести был перепечатан из 26 тома Юбилейного, самого полного, в 90 томах, собрания сочинений Толстого, вышедшего в 1928—1958 гг.

Это издание в текстологическом отношении, кроме случаев, особо оговоренных в научной литературе, считается самым авторитетным. Его подготовка к печати, как известно, сопровождалась большими текстологическими работами, в которых участвовали крупнейшие ученые и специалисты по творчеству Толстого. В нем впервые были собраны воедино все произведения великого писателя.

И все же Юбилейное издание не является академическим не только потому, что здесь нет исчерпывающей полноты вариантов и черновиков, но и потому, что текстология многих, прежде всего художественных произведений Толстого не была доведена до академического уровня.

Не была доведена до академического уровня и текстология «Холстомера».

Сначала все шло хорошо. «Все выше и выше поднималось небо, шире расплывалась заря...»

Выписываю трудные слова: «варок», «строк», «панаш»...

«Ворота заскрипели. Васька сердитый и заспанный, держа лошадей в поводу, стоял у двери, пропуская лошадей». Простота описаний удивительная!

И вдруг я остановился. Выписывать было нечего: все слова сами по себе понятны и не требуют никакого пояснения. Но вся фраза в целом совершенно непонятна. На стр. 22-й Холстомер вспоминает, с чего начались его мытарства: «Меня продали барышнику в коренной». Эта фраза может показаться «понятной» лишь при беглом чтении. Холстомера продали в коренной. Что может означать это последнее слово? В коренной упряжке? Вносить или не вносить это слово в словарь трудностей? Вопрос казался неразрешимым.

И тогда я направился в отдел рукописей государственного музея Толстого, где хранилась наборная рукопись «Холстомера».

Перед тем, как отправить «Холстомера» в типографию, Софья Андреевна Толстая переписала набело всю повесть. Она старалась писать разборчиво, чтобы не затруднять наборщиков. Часть рукописи, помогая Софье Андреевне, переписал М. А. Стахович, у которого тоже был хороший почерк. Эту рукопись читал сам Толстой и внес в нее некоторые поправки и изменения.

Все так, однако в наборной рукописи, к которой я обратился, ясно, черным по белому, написано: «Меня продали барышнику в Коренной» (Толстой Л. Н. Холстомер. Наборная рукопись. Отд. рукописей ГМТ им. Л. Н. Толстого).

Коренная — название деревни, где были кожные торги или ярмарка!

Фраза наконец обрела свой настоящий смысл, и слово вернулось в текст неискаженным, как будто с него вдруг спала какая-то непрозрачная завеса.

Чтение продолжалось. И все как будто шло хорошо: «Он купил меня за то, что ни у кого не было таких лошадей. Это было мое лучшее время...»

И вдруг опять на стр. 23-й я остановился в недоумении перед непонятным словом, которое прежде, при беглом чтении, проскальзывало за обманчивым туманом «общего восприятия»:

«Кожух... отворял дверь, ... начинал ерзать щеткой по телу и скребницей класть беловатые ряды плоти на избитый шипами канатник пола». Щетку чистят о металлическую скребницу, а шерсть падает на пол — это ясно.

Нушкин говорил о своем гусаре: «Скребницей чистил он коня...». Но скребницей коня, конечно, нельзя чистить. Делается это именно так, как описано у Толстого: «ерзать щеткой по телу и скребницей класть беловатые ряды плоти на избитый шипами канатник пола...»

Но что такое капатник? Пришлось опять прибегнуть к помощи наборной рукописи. А там разборчиво написано: «избитый шипами какатник пола».

Накатник, то есть досчатый настил, а не «капатник»! Еще одно «туманное» слово вернулось на свое место...

Так, постепенно, одним усилием неторопливого, медленного чтения я приближался к радостям текстологических разысканий.

В тексте Юбилейного издания на стр. 24 говорится: «Конюх был молодой молодчик, взятый из мужиков».

Но почему «молодчик»? И что это значит: «молодчик из мужиков»?

А в наборной рукописи сказано: «Конюх был молодой мальчик, взятый из мужиков».

Или вот еще другая строка.

Холстомер был рысак и «любил перегонять». Он чувствовал, что князь Сернуховской и кучер Феофан в этом лихом деле с ним заодно, что им нравится как он перегоняет.

«Мы все молчим,— рассказывает Холстомер (стр. 26),— и делаем вид, что мы просто едем по своему делу, что мы не замечаем тех, которые попадаются нам на пути на плохих лошадях».

Но почему «на плохих»? И что за радость обгонять «плохих лошадей»?

В наборной рукописи написано: «Не замечаем тех, которые попадают на пути на тихих лошадях». Не замечают «тихих», потому что перегоняют быстрых — вот характер рысака, характер Холстомера!

Всего одно только слово...

Все привыкли считать язык Толстого «сложным» и «запуганным», так что иногда прямые ошибки и огрехи переписчиков и издателей относят за счет его сложности. Между тем язык Толстого изумительно логичен. И нарушение строя — сигнал ошибки.

Вот фраза со стр. 29, которая «проходит» при быстром чтении, когда мысль берется «в целом»: «Видно было, что он долго привык всю жизнь никого и ничего не бояться».

Но попробуйте прочесть ее медленно. И тотчас же всплывет ошибка переписчика.

Нельзя ведь так сказать: «долго привык». Следовало бы сказать: «долго привыкал...» Любой грамотный человек сказал бы так.

А Толстой? Неужели для него законы языка «не писаны». Неужели он может насильственно соединить такие слова, как «долго» и «привык»? Не может этого быть!

И что же? В наборной рукописи сказано: «Он дома привык всю жизнь никого и ничего не бояться».

Дома!

Это разочтение пастолько поразило меня, что я решил сверить всю рукопись от начала до конца с печатным текстом.

Перепечатки повестей и рассказов Толстого осуществляются по тексту Юбилейного издания. Значит, ошибки, вкравшиеся в текст этого издания, неизбежно воспроизводятся и во всех других книгах, напечатанных на его основе.

Но ведь текст «Холстомера» готовил для Юбилейного издания не кто-нибудь, а Б. М. Эйхенбаум! Как же могли возникнуть такие «разночтения»?

Э. Е. Зайденштур, которая всю свою жизнь работала в отделе рукописей музея Толстого и знала историю Юбилейного издания от его начала до завершения, на этот вопрос ответила так:

— Борис Михайлович бывал в Москве наездами, а текстология требует неотлучного присутствия. Видимо, в какой-то момент он передоверился переписчикам. А Цявловский говорил: «Переписчики врут — это закон природы!»

Очевидно, в уважение этого «закона природы» и существует текстология как наука.

Повесть «Холстомер» впервые была напечатана в третьей части пятого издания собрания сочинений Толстого в 1886 году.

«Все дело печатания, включая чтение корректур „Холстомера“, — пишет Б. М. Эйхенбаум, — было в руках С. А. Толстой». И далее иронически добавляет: «Попятно, что при таком положении не только остались неуправленными те ошибки, которые были сделаны при переписке, но и прибавились новые...» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 26, с. 667).

В примечаниях к Юбилейному изданию приводится небольшой список ошибок, сделанных «при переписке». Однако в этом списке нет ни «Коренной», ни «накатника», ни «долго привык»...

— Сравните с первым изданием, — сказали мне в отделе рукописей. — У Софьи Андреевны были свои твердые правила в отношении печатания произведений Толстого...

Сравниваю текст первого издания и Юбилейного и нахожу, что для иронии здесь не так уж много поводов. Текстология — это область, где необходимо безусловное стремление к «букве и духу» подлинника, но где следует воздерживаться от иронии, потому что никто не застрахован от ошибок.

В первом издании не было многих из тех промахов, которые появились в Юбилейном. Так, Софья Андреевна буква в букву напечатала «избитый шипами накатник пола» (Толстой Л. Н. Сочинения, изд. 5, ч. III, М., 1886, с. 534).

В Юбилейном издании сказано: «...начинал большим кнутом стегать и пугать меня». А Софья Андреевна печатает, как в наборной рукописи: «большим кнутом»...

Правда, «коренная» была напечатана и у Софьи Андреевны с маленькой буквы. И «долго привык» тоже осталось непрочитанным.

Софья Андреевна Толстая не была застрахована от ошибок.

Но ее текстологические и издательские принципы были здравыми и простыми.

«Я привыкла наилучшим образом делать все, за что я берусь, — говорила она. — А что значит наилучшим образом издать сочинения гениального писателя? Это значит издать их так, как он их написал...» (Поссе В. А. Мой жизненный путь. М.—Л., 1929, с. 127).

Таковы были твердые правила Софьи Андреевны. И она им следовала неукоснительно, хотя и ее издания подлежат научной критике. Поскольку пока нет академического издания, возможны не только исправления старых ошибок, но и возникновение новых. Однажды исправленная ошибка может снова возникнуть при переиздании... По той простой причине, что нет общего мнения относительно того текста, который следует считать каноническим.

Удивительные вещи открываются при сравнении нескольких изданий «Холстомера».

В полном собрании художественных сочинений, выпущенном в свет в 1928 году, говорится, что «Холстомер» печатается по тексту первого издания 1886 года. Но, по-видимому, все же редакция обращалась к наборной рукописи, потому что здесь единственный раз правильно напечатана фраза о конной ярмарке: «Меня продали барышнику в Коренной».

Правильно воспроизведена фраза со словом «накатник»: «на избитый шипами накатник пола».

Верно передано замечание о том, что Холстомер перегонял тех, кто ехал впереди него «на тихих лошадях»...

Те находки, которые были сделаны при подготовке текста «Холстомера» в 1928 году, оказались утраченными в Юбилейном

издании. Например: «Самовар был серебряный, сервиз тонкий» (Толстой Л. Н. Полн. собр. художеств. произв. в XV тт., М.—Л., 1928, т. III, с. 357). Так и в наборной рукописи. А в Юбилейном издании на стр. 29 почему-то напечатано по-другому: «Самовар был серебряный, сервиз тоненький...»

Тонкий сервиз — это достоинство. А тоненький?..

Любопытная деталь: в издании 1928 года была сделана попытка сгладить неловкость выражения «долго привык»: «он долго, всю жизнь, привык никого и ничего не бояться».

В Юбилейном издании занятые сняты: «он долго привык всю жизнь никого и ничего не бояться...»

Текстологические разведки могут совершаться, конечно, «на свой страх и риск», но, чтобы принять или отвергнуть ту или иную поправку, необходимо общее мнение авторитетных специалистов.

Со времени завершения Юбилейного издания прошло уже более четверти века. Сейчас его тома стали лишь достоянием музеев, библиографической редкостью, предметом исторического изучения и уважения.

И вот почему так нужно академическое издание художественных произведений Толстого, где многие актуальные и неотложные задачи текстологии могут и должны найти свое настоящее решение.

Текстологическая работа — это, прежде всего, изучение языка произведения. Н. К. Гудзий говорил, что ни одна из филологических дисциплин не дает такого чувства исполненного долга, как текстология, даже если удалось вернуть в классический текст одну занятую, одно верное, неискаженное слово.

Как он был прав!

Возвращение слова — это печальная радость филолога, которой он всегда готов поделиться со всеми.

„Месяц кинул золотые клинья, но утасли лунные луи“

О связях грамматических форм в поэтической речи

Н. А. ЛУЦЕНКО,

кандидат филологических наук

Строки, вынесенные в заглавие, взяты из стихотворения В. Луговского «На реке». В них содержательно соотносены *месяц* и *лунные*, и хотя прилагательное *лунные* образовано от слова *луна*, в тексте оно воспринимается как семантически производное от слова *месяц*. Поэт удачно использует синонимию слов *месяц* и *луна*. Этот прием не нарушает поэтичности текста и даже, наоборот, углубляет и разнообразит его ассоциативно-содержательный рисунок.

Современные поэты нередко прибегают к приему замены ожидаемой, обычной формы другой, неожиданной, необычной, но так или иначе связанной с предшествующей в тексте. Ср. (в скобках приведены грамматически закономерные, «ожидаемые» формы; курсив здесь и далее наш — Н. Л.):

И сердцу снова власть дана
стучать, как прежде билось (←стучало),
и в том, что было, ни одна
примета не забылась.

Гордеев. В мае

В лампе, мигнув, огонек потух,
А разговор не гас (←тух).

Казанцев. Время настоящее

Этот прием создает смысловую многослойность поэтического текста, обеспечивает многоплановость его художественно-эстетического восприятия. Его основу, очевидно, определяют обусловленная характером литературной индивидуальности тяга к богатству поэтических красок, стремление избежать однообразия в выражении мыслей, чувств, переживаний и т. п. Истоки данного приема сходят к фольклору; жив он в традициях русской поэзии XIX века. Ср. у М. Ю. Лермонтова в «Думе»:

И *ненавидим* мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе (*←ненависти*), ни любви (...)

Или:

Счастливы, мнил я, *не поймут*
Того, что сам *не разберу* (*← не пойму*) я (...)

И. Ф. И. ...вой

У Е. Баратынского:

Я *встретить* радость мнил — *нашел* (*← встретил*)
одну печаль (...)

К Креницыну

У А. Григорьева:

Я жду ее, я жду слезы ужасной,
Что и гранит *прожечь*, унавши, может...
На голову ее готов принять я:
Пусть падает, пускай *палит* (*← прожигает*) чело мне (...)

Борьба, 9

Одни из встречающихся в пределах строф соотношений грамматических форм полноты, предсказуемы, закономерны с точки зрения нашего знания языка, другие же — неожиданны, ориентированы на своеобразные экспрессивные смещения внутри поэтического текста. «Изучение изменчивой стилистической роли грамматических форм, — пишет А. В. Чичерин, — ведет нас... в глубь языка самого по себе и в мастерскую художественного слова. При этом появляются соответствия и знаки равенства там, где грамматика не устанавливала ни соответствий, ни знаков равенства» (Чичерин А. В. Идеи и стиль. М., 1968, с. 60—61).

Используя как основу термин лингвистики, служащий для обозначения аналогичных соотношений, существующих непосредственно в грамматическом строе языка (*ребенок — дети, хорошо — лучше, мы — нас* и т. п.), рассматриваемое явление можно было бы назвать явлением *поэтического супплетивизма*. Как следует из приведенных примеров, о суффиксальных формах говорят тогда, когда они не выводятся одна из другой, а дополняют друг друга (франц. *supplétif* — «добавочный»).

Стремление поэта избежать однообразия в выражении мыслей, переживаний, чувств и т. д., то есть, в сущности, придать своим поэтическим откровениям черты искренности, вовлечь читателя в процесс переживания, определяет собой и то, что тогда, когда употребление формы, образованной от другой основы, «диктуется» грамматическим строем языка, поэт как бы возвращается к несущей

плетивной форме — находит и использует ее:

Глухими коньтами
 Звезды *перекованы*
 почь перетопана.
 небесным *ковачом*.
Луговской. Корниловец

...Мчится к речке ручей, в море хочется рекам —

Все живое спешит, убегает, течет.

Я из дому ушла, чтобы «*стать человеком*».

Почему ж так домой «*в человеки*» влечет?

Фокина. «Я не просто грущу...»

Поэтическая речь традиционно связывается с возвышенным содержанием, насыщена лиричностью, гражданским пафосом, торжественностью и т. д.; эти содержательно-смысловые элементы, конечно, требуют особой формы. Исследование идейно-тематического замысла поэта и художественно-образительных средств стихотворного произведения, таким образом, должны находить опору друг в друге. При этом важно иметь в виду, что поэты столь же избегают традиционных средств, сколь и ориентируются на них как на «фон», позволяющий подчеркнуть тонкость и глубину выражаемых оттенков смысла. В отрывке из стихотворения В. Луговского «Корниловец» слово *ковач*, предпочтенное слову *кузнец*, по сравнению с последним выглядит как более выразительное и торжественное; к тому же повторение в пределах стиха слов с одинаковым корнем (*ковач*, *перекованы*) усиливает его экзепрессивность и возвышенность.

В отрывке из стихотворения О. Фокиной «Я не просто грущу...» вместо закрепленного в речевой традиции выражения «в людях» встречаем «в человеки», благодаря чему не только теснее сближаются два фразеологических выражения — *стать человеком* и (*выйти*) *в люди*, но и обыденная «проза жизни» воссоздается в истинно поэтической форме, становится художественно значимой.

И для многих других поэтов слово *люди* — фон, на котором отчетливо и ярко проявляется поэтический характер иной формы множественного числа от слова *человек* — *человеки*:

Я знаю, эта блажь,
 Дикарствовать,
 как говорит народ,
 Нам, *человекам*, даром не пройдет.

Поликарпов. Утерянный ключ

Кроме явления поэтического супплетивизма, в языке поэзии может быть отмечено явление «подмены» (сдвига) грамматических

форм (вида, времени, числа, степеней сравнения и т. д.), связанное или не связанное с изменением общей стилистической окраски стиха или какой-то части строфы.

Создавая стихотворный текст, поэт нередко намеренно «перескальзывает» от форм ожидаемых, грамматически закономерных, к формам, обладающим грамматически опосредствованной связью с текстуально им предшествующими. Подобным образом не только раздвигаются рамки поэтизируемых ситуаций, но и сохраняется главный принцип поэтической речи — избегать стандартных средств выражения везде, где это возможно. «... Поэзия, — справедливо отмечал выдающийся отечественный филолог А. А. Потебня, — есть всегда *иносказание*...» (Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976, с. 341). Ср. примеры:

Есть на земле высокое искусство —
 Будить в пародии дремлющие чувства,
 Не требуя даров и предпочтенья,
 Чтоб *слушали* тебя не из почтения,
 Чтоб, *слышав* (← *послушав*) раз, *послушали* и снова (...)
 Мартынов. Скоморох

Наших трюнинок узлы не развязаны,
 судеб не пройден большак.
 Столько не сделано, столько *не сказано*,
 столько *сказалось* (← *сказано*) не так.
 Гордейчев. Песня

Приведенные в скобках соответствия показывают, каким образом поэты выполняют требование «иносказания». Более того, обобщая наблюдения над подобными особенностями поэтической речи, несложно убедиться в том, что слова А. А. Потебни не метафора, а правило, довольно точно определяющее одну из главных закономерностей стихотворного языка.

В поэтическом тексте замена одной формы другой может быть связана с их стилистическим контрастом. Обычно следует говорить о противопоставлении формы, стилистически не окрашенной, форме, придающей речи высокий, торжественный характер (обратные случаи встречаются реже). Например:

Но страх пришел, когда в кольце огня
 Бежал я по нейтральной полосе,
 И *падали* друзья вокруг меня,
 И *пали* в том бою почти что все.
 Кругецкий. «Считая все невзгоды трин-травой...»

Спасибо. *Созидал* нас (...)

Ты, безусловно, *создала*
то, чем всегда сама была.

Васильева. Рассвет и закат над рекой

Незабвенен и забыт,
почему, боясь излета,
откликаюсь на зенит —
как мотор у самолета?

Цыбин. «Растерявшись, впопыхах...»

Ср., однако, у А. С. Пушкина: И, мир *забыл* и им *забвенный*,/ Покой души вкушаю вновь... (Послание к Юдину) — здесь одна форма не противостоит другой вследствие того, что строфа и стихотворение в целом принадлежат к «высокому стилю». Вместе с тем у М. Ю. Лермонтова: Тут был я счастлив... О, когда б я мог/*Забывать*, что *незабвенно!* (1831-го июня 11 дня) — стилистическая противоположность форм, как заметит читатель, сохраняется.

«Перенад» стилистических уровней, образно-смысловых линий поэтического повествования в пределах стихотворного текста может приводить к тому, что слово, не меняя звуковой оболочки, изменяет присущее ему смысловое наполнение (данное явление в лингвистике имеет свое обозначение — «паронимия») — включается в иную систему образно-поэтических средств (метафоризируется). Вследствие этого такое слово (форма) воспринимается не как семантически производное, а — скорее — как омонимичное текстуально предшествующей форме. Например:

Разметано тело свирепого ветра
По ясеням, грабам, дубам и крушинам.
Мне хочется *путь*, но *нет* километры
Угрюмое тело бронемашины.

Луговской. Сеп о броневике

Не *пели* ил «Волгу», ил «Моряка» —
Струнами живя *пела* рука.

Луговской. Одиссея

Прием замены морфологически производной формы содержательно производной (супплетивной), контрастно-стилистической и т. д. в поэтическом тексте — в силу свойственной ему содержательной и «звуковой» целостности — трансформируется в прием установления смысловых связей между такими словами, которые за пределами строфы друг с другом не связаны, кроме ничем не обусловленной (и то обычно неполной) звуковой схожести. Взаимпроникновение и согласование значений этих слов возникает на основе повторения части звучания одного слова в другом. Подобным образом расширяется и углубляется образно-смысловой подтекст

поэтического произведения:

Буревая Россия.
 Девятнадцатый год.
 Эскадрон выносило
 па чужой пулемет.
 Мётя в душу, кренчала
 огневая метель (...)

Гордейчев. Звенья доблести

Закручинилась круча в раздумье
 и прижалась к луне обнаженным
 плечом.

Вышеславский. «Закручинилась круча в раздумье...»

Поэт, поэзия, поэтическое творение — все это для нас предметы возвышенного содержания. Воспринимая стихотворные тексты, мы внутренне настроены на необычность их образно-содержательного и речевого рисунка, и несмотря на то, что с точки зрения повседневной речевой практики между *метить* и *метель*, *круча* и *кручиниться* нет никаких связей, мы расцениваем эти слова как связанные друг с другом — находим для них общий, объединяющий их подтекст.

В стихотворных произведениях, как уже отмечалось, многообразие взаимодействий словесных форм обусловлено стремлением поэта достичь большей стилистической и образной выразительности. Даже в грамматических формах они руководствуются прежде всего художественными задачами и только затем — общеязыковыми правилами.

В поэтическом произведении посетителями образности, идейно-смыслового подтекста выступают все стороны лексико-грамматического и фонетического существа слова; каждая — в соответствии с поставленной творческой задачей — предстает как единый и неповторимый элемент образно-эстетической ткани художественного произведения.

Донець

«Я выхожу на Place de la Concorde»

Иноязычная лексика в поэзии
В. МАЯКОВСКОГО

А. Г. КОВАЛЕНКО,
кандидат филологических наук

В заграничных циклах стихотворений Маяковского читатель обнаруживает, что они буквально пестрят иноязычными вкраплениями. В одних случаях это иностранное слово, переданное в русской транскрипции, в других — так называемое макароническое слово, сохранившее написание на иностранном языке. Широк тематический диапазон таких примеров — от географических наименований до типичных иноязычных речевых штампов.

При этом поэтические произведения Маяковского столь органично вбирают в себя нерусскую лексику, что она не кажется «инородным телом». Напротив, она служит художественному строю его стихотворений, заостряя отдельные образы, делая их более рельефными, яркими, придавая им особый национальный колорит.

В заграничных циклах Маяковский знакомил советского читателя с малоизвестными сторонами западной цивилизации, капиталистическим укладом жизни. В любом уголке земли — и в Париже, и в Нью-Йорке, и в Мексике — поэт ощущает себя полномочным представителем своей великой Отчизны; здесь он не отдыхает, он — работает. С присущей ему зоркостью и масштабностью политического видения он наблюдает, запоминает, активно участвует в происходящем. Стремясь дойти до сути явлений, он сливается с окружающим настолько, что мысленно и сам становится как бы неотделимой частью этого «другого» мира. Вхождение в него происходит так органично, что поэт начинает чувствовать себя ... элементом городского пейзажа:

Если б был я
Вандомская колонна,
я б женился
на Place de la Concorde.
Город

ваша свобода
над тюрьмою
Элис-Айланд.
Порядочный гражданин

Маяковскому бросились в глаза пестрота национального состава Америки, разноязычье и разностилье живой речи эмигрантов, съехавшихся сюда из разных стран. Этот факт не прошел мимо поэта, и в очерках «Мое открытие Америки» он писал: «Язык Америки — это воображаемый язык Вавилонского столпотворения, с той только разницей, что там мешали языки, чтоб пикто не понимал, а здесь мешают, чтоб понимали все». Не были исключением в этом смысле и русские эмигранты, бежавшие за океан после Октябрьской революции и с трудом осваивающиеся в новых условиях. В тех же очерках по этому поводу читаем: «Мне, не знающему английский язык, все-таки легче понимать скупослового американца, чем сыплющего словами русского. Русский называет: трамвай — стриткарой, угол — корнером, квартал — блоком, квартиранта — бордером, билет — тикетом...»

Эти наблюдения однажды обрели сюжет — разговор на улице двух «бывших» русских, ныне американцев — и выразились в публицистическом стихотворении «Американские русские»:

«Я вам,
сэр,
назначаю анбйнтман.
Вы знаете,
кажется,
мой анартман?
Тудой пройдете четыре блока,
потом
сюдой дадите крен.
А если
стриткара набита,
около
можете взять
подземный трен...»

У Маяковского иноязычные слова чаще всего стоят в конце поэтической строки. Вместе с тем известно, что поэт всегда старался завершить строку «самым характерным словом», несущим большой содержательный заряд (так, в «Разговоре с фининспектором о поэзии» рифма сравнивается с динамитной бочкой, к которой прикреплен «строчка-фитиль»). Следовательно, и среди иноязычных слов поэт искал «самое характерное», способное «удержать идею» стихотворения. Иноязычная лексика на равных правах с русской служила материалом для обновления и обогащения риф-

мических запасов поэзии, что еще раз свидетельствовало о диалектоне поисков поэта-новатора.

В свои поэтические тексты Маяковский включал не только иноязычные слова и выражения, но даже, как мы это обнаруживаем в поэме «Хорошо», иностранную песню. В одной из глав поэмы, где рассказывается о воевшей интервенции времен гражданской войны, неожиданно возникает мотив английской популярной песенки:

«Итс э лонг уэй
ту Типерери,
итс э лонг уэй
ту го!»

(«Путь далекий до Типерери, путь далекий домой!»).

Она дается на фоне рассказа о зверствах интервентов. И вот, по сути своей, веселая песенка уже звучит с горькой иронией, подчеркивая неизбежность и бессмысленность гибели англичан на чужой им земле. Так, иноязычное вкрапление сделало художественный образ более объемным, придало ему новую интонацию.

Иноязычная лексика — важный элемент в огромном арсенале поэтических средств Маяковского. Ее включение в стихотворную речь было продиктовано не только задачей реалистического изображения картин зарубежной действительности. Главное, что с помощью слов, обозначающих характернейшие «местные» реалии, с наибольшей силой заострялось революционное звучание стиха.

Рисунок И. Беланова

Душа слова

П. П. Дудочкин

Думаю, не ошибусь, предполагая, что если человек не чувствует назначения слова, его границ, халатно относится к его сути, такой человек вольно или невольно может ошибиться в оценке многих явлений жизни.

Обратите внимание, до чего легковесное отношение порой проявляется даже в печати и в телевидении, например, к слову *талант*. Вот ставшие обычными выражения: «*Талантливо* забита шайба»; «Чтоб повышать удои, для этого надо иметь большой *талант*»; «В нашем коллективе все *талантливы*». А ведь *талант* — это выдающиеся природные способности, истинное дарование. Как о рядовом явлении, о таких вещах говорить нельзя.

От небрежного отношения к слову рано или поздно утрачивается понимание его сущности, восприятие его красоты, уменьшается сила слова, и, как неминуемое следствие, все это отрицательно отражается на деятельности человека, которому ничего не стоит без всякой необходимости заменить одно слово другим.

Высокая культура языка, культура народа во многом зависят от отношения к слову писателей, журналистов, ораторов, особенно тех, кто часто выступает в печати, на телеэкране, у микрофона, на трибуне. А как много огорчительного приходится слышать и читать!

Есть люди, которые, кажется, вроде как бы стесняются говорить просто. От таких вы не услышите: «Лучший срок сева», они важно изрекут: «Оптимальный срок сева». А ведь *оптимальный* в переводе с латинского и означает «наилучший». То и дело звучат к месту и не к месту *негативный, позитивный, уникальный, ситуация, фрагмент* и т. п. Одна журналистка с телевидения обратилась на животноводческой ферме к дояркам с такими словами: «Давайте говорить на адекватном языке». Доярки даже растерялись...

Хотите верьте, хотите не верьте, но я часто разговариваю со словами. Да, да, с теми словами, которые мы пишем и говорим. Вот недавно, например, у меня состоялся интересный, но тревожный диалог с широко ныне известным словом *комплекс*.

— Как,— спрашиваю,— чувствуете себя?

Ответ был неутешительный:

— Временами очень хорошо, а временами очень плохо, даже ужасно!

— У вас,— говорю,— такая громкая, легендарная слава, такой небывалый всеобщий почет и вдруг... ужасно, плохо. Как же так? Чего хотите?

— Спасите меня от лишней славы! — взмолилось не на шутку расстроившееся слово.— Иначе потеряю свой заслуженный авторитет.

— Вашим именем,— говорю,— назвали самые великие достижения человеческой мысли. Подумать только: пилотируемый на околоземной орбите научно-исследовательский комплекс в составе орбитальной станции и космических кораблей! Это ж сказка-быль! Фантастическая мечта! А в нашей жизни — явь! Когда осознаешь все это, дух захватывает от ликования! А автоматические комплексы на заводах!? А комплексы агрегатов на колхозных полях!? А...

— Что мое имя произносится так широко на Земле и поднято столь высоко в космосе — за это спасибо! Но...— И слово комплекс вздохнуло таким горьким вздохом...— Разве не ясно, все хорошо с чувством меры. А со мной обращаетесь как попало.

В подтверждение своих доводов мой «собеседник» включил радиоприемник. Чего только мы не услышали: комплексная система мер организации труда; комплекс убедительных фактов; военные комплексы; комплекс тревожных событий; комплексные задачи по комплексному оборудованию разрешаются в комплексе.

Включили телевизор — на голубом экране показывали и объясняли: «Вот комплекс монастырских зданий среди комплексов ландшафтов юга»; «А вот развалины храмового комплекса»; даже веельможки прошлых веков требовали, оказывается, от умельцев «создать роскошный комплекс царских палат в Кремле»; выставочный комплекс; искусство с комплексом театральной техники; комплексное планирование и комплексный подход к делу; комплекс информации; комплекс будущего...

Взволнованные, мы вывали на улицу. Афиши крупными буквами вещали: «Посетите новый спортивный комплекс!..» А вот еще: комплексная тренировка; закомплексованность мероприятий... В магазине «Детский мир»: комплекс игрушек для ползунков; комплекс человек. Зашли в столовую, заглянули в меню, прочитали: комплексный обед... комплексная подлива. Вот какова она, волна стигии!

Не все ли равно, казалось бы, как сказать: профилактическая медицина или предохранительная медицина. И все же наиболее

предпочтительны слова *предохранительная* или *предупредительная*. Не только потому, что русские слова известны всем, а иностранное может случиться, кое-кому еще неведомо (в переводе с греческого *профилактика* и означает «предохранительный»), тем есть совокупность мероприятий для предупреждения заболеваний). Есть причина более важная. Сама жизнь доказала, что воздействие русского слова на русского человека намного сильнее, чем воздействие чужеземного, даже ежели оно, приплюс слово, уже бытует в параде и общепринято. Такова врожденная особенность каждого народа. Корни родного слова сызмальства, с материнским, как говорится, молоком — в душе, в сознании.

В прошлом веке, в самом начале строительства железных дорог, в официальной и деловой речи инженеров путей сообщения было очень много слов английского, французского и немецкого происхождения. Да это и понятно: техника в Европе развивалась стремительно. Всем известный ныне механизм, позволяющий перевозить транспорт с одной колес на другую, назывался тогда не *стрелка*, как сейчас, а по-французски *эжюй*, а человек, в распоряжении которого был этот механизм, назывался не *стрелочник*, а *эжюйир*. Русским инженерам, которые были образованными, культурными людьми, хорошо владевшими иностранными языками, не ложились на душу чужеродные слова. И вот вместо *эжюй* появилась *стрелка*, а *стрелочник* вместо *эжюйир*. Может быть, кое-кому это покажется мелочью, сущим пустячком, а мне хочется шквором поклониться тем людям прошлого века, столь тонко чувствовавшим и оберегавшим душу слова своего народа.

В свое время бытовало общепринятое понятие *сестра милосердия*. Потом его заменили официальным *медицинская сестра*, что, мне кажется не очень-то удачным, ибо слова *сестра* и *милосердие* — более емкие, душевные. Вдумайтесь, как много сказано словом *милосердие*: это готовность и склонность делать добро, помочь из чувства сострадания, из любви, из уважения, для чего надобно обладать именно *милым* сердцем, сохраняя в нем ради людей вековечное благородство человечности для возвышения и человека и общества!

Душа слова, конечно же, — нравственность. А все ли мы помним и сознаем это?

Калинин

Служебный речевой этикет

П. В. ВЕСЕЛОВ,

кандидат филологических наук,

Н. В. ОВЧИННИКОВА,

кандидат исторических наук

О речевом этикете написано немало книг и статей. Есть дипломатический этикет, военный, школьный. В последние годы вышли книги о русском речевом этикете для иностранцев. А вот о служебном речевом этикете в условиях социальных производственных отношений еще нет необходимой литературы. А между тем при составлении деловых бумаг возникают многочисленные вопросы: когда нужно употреблять безличные конструкции, а когда — личные; можно ли изложить приказ без слова *приказываю*; допустимы ли экспрессивные слова в официаль-

но-деловых бумагах; кого считать автором — ответственным за служебный документ: лицо, которое подписывает его, или конкретное предприятие, организацию, учреждение. Особый интерес вызывают вопросы употребления грамматических категорий в служебной документации, которые и будут рассмотрены в этой статье.

Выбор залогов

Практика подготовки актов, протоколов, распоряжений, писем и других документов показала, что их автором (ответственным) является лицо юри-

дическое, то есть предприятие, организация, учреждение. Если в служебной переписке надо выделить юридическое или должностное лицо как источник предписываемых или фиксируемых действий, то употребляется действительный залог. В этом случае фраза начинается с подлежащего: «Школа рабочей молодежи приглашает...»; «Юридический отдел канцелярии разъясняет...»; «Коллегия одобряет...»; «Управление кооперативного хозяйства извещает, что...»; «Фабрика обращается...». В сопроводительных письмах субъект действия может не указываться, а подразумеваться, поэтому в них подлежащее отсутствует: «Высылаю в Ваш адрес положенным платежом...»

Обычно предложения с действительным залогом употребляются в настоящем времени, что придает динамизм стилю изложения и производит впечатление обмена информацией между адресатом и адресантом. Исключение составляет практика составления решений, в которых сказуемое может выражаться в прошедшем времени: «Коллегия решила...»

В приказах, распоряжениях употребляется только действительный залог с ключевым словом *приказываю*. Могут быть использованы глаголы, лишенные категоричности в тоне изложения, например *рекомендую*. Конструкции с этим гла-

голом оправданы в тех случаях, когда предписываемые действия допустимы в разных вариантах: «Комиссия по противопожарной охране рекомендует...»

Действительный залог придает строгий и принципиальный тон документу, поэтому он обязателен в коллективных заявлениях граждан: «Мы, нижеподписавшиеся, постоянно просим...», а также в тех случаях, когда необходимо указать виновника нарушения профессиональной или административной этики: «Главный механик завода т. Гаврилов грубо нарушил правила техники безопасности...»

Страдательный залог употребляется тогда, когда факт свершения действия имеет большее значение, чем указание лиц, их совершивших: «Оплата гарантируется». «Справка выдана по требованию». «Выполнение плана срывается» и т. п.

Роль вида глагола

Когда нужно подчеркнуть, что действие свершилось, используется совершенный вид глагола: «Коллектив завода построил своими силами пять жилых домов по улице Институтской».

Если же необходимо подчеркнуть, что, например, какие-то действия совершаются неоднократно, используется неопределенный вид глагола: «Вы

не выполняете моих распоряжений по укреплению финансовой дисциплины». Обычно несовершенный вид используется в докладных записках и резолюциях на документах.

Употребление вводных слов и оборотов

Как известно, вводные слова не связаны грамматически с другими словами в предложении, не являются членами предложения и выражают отношение говорящего к речи другого лица. Удачно найденное вводное слово, кстати сделанное обособление снимают напряженность тона предложения, что видно при сопоставлении следующих примеров: «Просим предоставить имеющийся на вашем предприятии материал». А вот та же фраза с вводным словом: «Просим предоставить материал, *по-видимому*, имеющийся на вашем предприятии». Или: «Ваша просьба не может быть удовлетворена по следующим причинам» и «*К сожалению*, Ваша просьба не может быть удовлетворена».

С помощью обособления можно указать на связь с предшествующей перепиской и тем самым передать характер осведомленности по поводу затронутого вопроса: «*Как Вам уже известно*, мы очень заинтере-

сованы в ваших новых статьях...»

Вводные конструкции, устраняя категоричность в тоне изложения, могут способствовать большей контактности в сфере официального письменного общения: «Кафедра просит, *если это возможно*, выслать „Методические указания“, которые будут весьма полезны в нашей работе».

Местоимение *я* в служебной документации

В практике ведомственной письменной речи местоименные *я* постепенно вытесняются из употребления: вместо «Я прошу» пишут просто «Прошу...»; вместо «Я выполнил» — «Мною выполнено». Однако нельзя сказать «Мною решено», правильно: «Я решил». В целом местоимение *я* возможно только в докладных и объяснительных записках. Своеобразие русского языка заключается в том, что субъект действия обязательно выражается местоимением *я*. На первое лицо единственного числа указывает окончание глагола, например, в заголовках: «Прошу предоставить мне...»

Употребление местоимения *он*

Служебный речевой этикет предусматривает умение поль-

зоваться этим местоимением. Будучи универсальным обозначением для лиц и предметов, оно сохраняет в себе также и указательное значение. Местоимение *он* может быть средством обезличивания, фамильярности и т. д., поэтому требует особого внимания при употреблении в служебных документах. Так, в приказе, постановлении, решении, распоряжении следует указывать фамилию лица и его инициалы. А в характеристике, например, они повторяются в каждом абзаце.

циальный тон: «Глубокоуважаемый тов. Сергеев!».

Нередко возникает вопрос, как сокращается слово *товарищ*. Возможны два сокращения: *т.* и *тов.* При указании нескольких фамилий ставится *тт.*: «Задание выполнили тт. Гаврилов И. П., Добров А. П.»

Если перед фамилией стоит сокращение *т.* или *тов.*, то инициалы могут не указываться, особенно в тех случаях, когда фамилия в тексте документа повторяется неоднократно (достаточно инициалы указать один раз в начале документа).

Формы обращения

Уже сложились определенные этикетные обращения в официальной письменной речи. «Уважаемый...!» или «Глубокоуважаемый...!» — наиболее распространенные формы. «Уважаемые коллеги!» — такая форма обращения уместна среди лиц одной профессии. Более эмоциональный отклик несет выражение: «Дорогие коллеги!». Нейтральный тон документа сохраняется и в том случае, когда письмо начинается так: «Коллега!»

Если указываются имя и отчество, а фамилия не называется, то обращение приобретает несколько личный характер: «Уважаемая Анна Ивановна!» Фамилия адресата придает тексту документа вежливо-офици-

Тон служебного документа

Основное требование, предъявляемое к служебному документу, — объективность содержания, что обуславливает, как правило, нейтральность тона изложения. Следует учитывать, что деловые бумаги должны быть написаны в доброжелательном тоне, не допускать иронии, резкости и т. п. Однако эти требования соблюдаются не всегда. Приведем разные по форме выдержки из служебных документов, раскрывающих один и тот же факт: «Обещанные Вами трубы мы до сих пор не получили»; «Вы сорвали поставку труб, что вызвало...»; «Вы не сдержали своих обещаний по поставке труб»; «Вы не первый раз срываете поставку

Тов. Иванов

гг. Петров, Сидоров, Парамонов

труб». В первом предложении информация изложена в нейтрально-вежливом тоне, а в остальных форма изложения — категорическая, резкая.

Не следует впадать и в другую крайность — использовать сложные обороты с выражением чрезмерной вежливости. Совершенно неуместны в служебной документации обороты типа «Не откажите в любезности...». А некоторые слова вежливости, повторяясь из документа в документ, приобретают формальное значение и лишь вносят нежелательную избыточность в информацию.

К сожалению, еще не стало прочной традицией в практике делового общения благодарить в письме за своевременный ответ, готовность помочь другому предприятию выйти из затруднительного положения, проявленную оперативность в работе. Редко встречаются в служебной документации фразы типа: «Благодарим за своевременный ответ»; «Весь коллектив завода с одобрением встретил ваше предложение».

Составителям служебных до-

кументов нередко приходится давать оценку действиям другого предприятия или организации, объяснять собственную точку зрения, показывать виновников, предупреждать и даже обвинять. И тогда нейтральный тон повествования может уступить место изволнованной речи, а словам можно придать экспрессивный оттенок. Например, строительно-монтажное управление срывает поставку заводу строительных материалов. В адрес вышестоящей инстанции было направлено письмо, в котором говорилось:

«Считаем непереносимым такое положение, когда руководство СМУ-1 отделяется только письмами заводу и не принимает решительных мер по обеспечению пусковых объектов строительными материалами. Между тем завод оказывает СМУ-1 огромную помощь. Так, завод заморозило выдал СМУ-1 500 тыс. штук кирпича на пусковой дом № 4, а этот кирпич с большими трудностями был приобретен для строительства домов своими силами.

СМУ-1 не возвратил до сих пор взятый кирпич и тем самым подвел коллективы цехов, начавших строительство домов».

Незначительная вставка между тем и напоминание о помощи, которую завод оказал строительно-монтажному управлению, характеризуют равнодушное отношение работников СМУ к делу.

Встречаются примеры, когда ожидаемый результат как бы навязывается адресату: «Направляем Вам откорректированный вариант проекта нового положения. Просим рассмотреть и утвердить». Нарушение служебного этикета в данном случае проявилось в том, что здесь как бы не допускается вариант, что положение может быть и не утверждено.

Явно не уместен элемент сомнения, переданный с по-

монью вводного слова, в следующей выдержке: «Институт просит высказать методические рекомендации, которые, *возможно*, будут полезны в нашей работе».

Служебный речевой этикет требует также соблюдения должностного уровня при написании документов. Так, ответ на письмо, подписанное директором, должен также подписать директор, а не его заместитель.

Деловая информация эффективна тогда, когда составитель документов учитывает все этические моменты в разных ситуациях, возникающих в управленческой деятельности. Поэтому служебный речевой этикет приобретает все большее значение.

Рисунки Н. Беланова

К 100-летию Большой картотеки
Словарного сектора

СОКРОВИЩНИЦА
РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Р. П. РОГОЖНИКОВА,
доктор филологических наук

В этом году исполняется сто лет со времени организации Большой картотеки Словарного сектора Института русского языка АН СССР (Ленинград), на основе которой созданы академический «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Словарь русского языка» в 4-х томах и другие фундаментальные словари русского языка.

В ноябре 1886 года Отделение русского языка и словесности императорской Академии наук «приступило, с одной стороны, к приготовлению материалов для словаря, в котором значение и употребление слов будет подтверждаться примерами, заимствованными из сочинений лучших наших писателей, начиная с Ломоносова, в хронологической их последовательности, а с другой, к новому изданию прежнего Словаря» [имеется в виду «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г.] (Отчеты АН по Отделению русского языка и словесности за 1886–1891 г. СПб., 1903). И далее отмечается в этом отчете: «Отделение озаботилось приготовлением словарных выписок и из других писателей и в одном из своих заседаний уже рассматривало словарные выписки из „Капитанской дочки“ Пушкина».

Академик Я. К. Грот подготовил обширную и обстоятельную записку, в которой предложил план исправленного и дополненного издания академического словаря и представил образец словарных статей на одну из букв. Основная идея нового замысла состояла в том, что церковнославянский язык здесь уже не занимал того места, какое имел в «Словаре церковнославянского и русского языка». Предлагалось дополнить словник, выбирая слова из произведений русских писателей XVIII—XIX веков. Значительно больше места уделялось словам народным, а также более широко вводилась иноязычная лексика, связанная главным образом с терминологией различных наук. Отделение одобрило проект Я. К. Грота и поручило ему работу над словарем. Для подготовительного этапа были приглашены два молодых ученых, магистранты Санкт-Петербургского университета Н. А. Смирнов и Е. В. Петухов, ставшие первыми помощниками Я. К. Грота.

Это был первый в русской лексикографической практике словарь, который широко использовал материалы произведений художественной и другой литературы для пополнения словника, для разработки словарных статей, для подтверждения значений слов цитатами из литературных и других произведений. Все участники работы, в том числе и Я. К. Грот, занимались выпиской примеров.

На первых порах возникали вопросы, которые позднее были зафиксированы в инструкциях и пособиях, предназначенных для выборщиков — лиц, занимающихся подготовительным этапом работы.

Важный вопрос создания картотеки — это источники для словаря. Он волновал и самого Я. К. Грота и его помощников. Как известно, работа по подготовке материалов для словаря является очень трудоемкой. Позднее в нее включились и другие участники, например П. К. Симонн, П. В. Шейн. Выписанные материалы раскладывались в алфавитном порядке и в таком виде поступали к Я. К. Гроту. Уже в 1891 году собралось довольно большое количество карточек, при этом по нескольку из произведений разных авторов на одно и то же слово, что позволяло отбирать цитаты.

Таким образом, при работе над «Словарем русского языка» подготовительный этап — собирание материалов — занимал исключительно важное место. Здесь закладывались научные основы ведения картотеки.

При жизни Я. К. Грота вышло в свет три тома (А—Д). После его смерти (24 мая 1893 г.) Отделение русского языка и словесности поручило продолжить работу по составлению Словаря А. А. Шахматову, который внес ряд существенных изменений в это дело. Изменения касались хронологических границ Словаря и соответственно материалов, которые служили его источниками. Теперь временные границы определялись «От Пушкина до наших дней». Поэтому обращалось внимание на необходимость обработки литературных источников прежде всего этого времени.

Высказывались новые требования к материалам: из письменных источников они должны быть исчерпаны полностью или представлены в извлечениях по определенной программе. Каждое слово, оборот, выражение, приведенное в Словаре, должны быть подтверждены примером. В связи с этим А. А. Шахматов считал необходимым составить полные словари крупных писателей — имелся в виду перечень слов с цитатой к каждому слову. Ученый сам увлеченно работал над словарем к «Горе от ума» Грибоедова. Однако впоследствии он понял, что полная обработка текстов авторов слишком трудна, и вынужден был от нее отказаться.

Вопрос об источниках Словаря и об их обработке беспокоил не только Шахматова, но и Отделение русского языка и словесности. В 1895 году вместе с гранками Словаря было разослано обращение, составленное А. А. Шахматовым ко всем, кто хотел бы помочь в собирании словарных материалов. К тексту был приложен список авторов, из которых предлагалось производить выборку. На это обращение откликнулись многие любители русского языка. Материалы стали присылать деятели науки и культуры, студенты Петербургского университета и др. Гранки рассылали различным специалистам: они сообщали замечания по толкованию слов и другим аспектам словарной статьи.

Другим изменением, которое внес А. А. Шахматов в работу, было привлечение значительно большего количества слов из народного языка. Отделение признало «полезным привести в порядок находящиеся в его распоряжении лексические материалы по местным великорусским говорам». Материалов этих было так много, что уже тогда ставился вопрос о создании Словаря русских народных

говоров. Но возможностей для составления двух словарей тогда было мало, и это предприятие не было реализовано. Необходимо отметить широту и разнообразие материалов, которые уже на первых порах использовались при работе над Словарем русского языка в редакции Я. К. Грота и особенно А. А. Шахматова. Были приведены в алфавитный порядок (на первую и отчасти на вторую букву) все имеющиеся карточки (свыше 800 тыс.).

В 1917 году пополнение картотеки было прервано, хотя работа над Словарем продолжалась. Рукописи, редкие книги, материалы картотеки, другие ценности Академии наук были эвакуированы в Саратов, где они хранились более трех лет. Затем труд над Словарем продолжился в направлении, разработанном А. А. Шахматовым. В 1923 году, в связи с тем, что необходимо было показать изменения в языке, происшедшие после Великой Октябрьской социалистической революции, Академия наук решила приступить к новому изданию вышедшего Словаря. Однако в 1937 году выпуск шахматовской редакции «Словаря русского языка» (он дошел до буквы О) был прекращен.

Теперь нужен был такой словарь, в котором сочетался бы исторический принцип с нормативным. На очереди стояли задачи, связанные с отражением в словаре языка современной эпохи, с нормализацией языка. Руководство этой работой было поручено В. И. Чернышеву. К этому времени картотека насчитывала уже около 4 млн. карточек. Работа по ее пополнению продолжалась. Источниками словаря стали не только классические произведения XIX века, но и произведения советских авторов. Тогда же было принято решение о назначении ответственного лица за фонды картотеки. Заведующим картотекой с 1938 года стал А. В. Семериков, проработавший на этом посту около 30 лет и очень много сделавший для ее пополнения и упорядочения. В. И. Чернышев придавал большое значение картотеке. Он писал: «Основной принцип построения нашего Словаря — создавать его на основе фактического материала, представляемого наиболее важными литературными и научными источниками, в сущности нашей картотекой — может быть хорошо выполнен только при достаточной во всех частях полноте этой картотеки» (Русский язык в школе, 1939, № 2).

Важным моментом в работе над картотекой явилось создание инструкций, подготовленных Е. С. Истриной и И. А. Фалевым. В них отмечалось, что картотека призвана служить широким задачам всесторонней характеристики словарного состава русского языка. Опубликованный проект «Словаря современного русского литературного языка», в который входили эти инструкции — по составлению и редактированию словаря, по выборкам для картотеки, по раскладке материалов и составлению словника — имел большое научное значение как для сотрудников словаря, так и для лексикографов национальных республик, где после Октябрьской революции широко развернулась словарная работа.

Картотека стала богатейшим собранием лингвистических материалов, накопленных в течение десятков лет. Этот единственный в Советском Союзе фонд русской лексики уже тогда был базой не только для «Словаря современного русского литературного языка» (в 17-ти томах), но и для нормативной грамматики. Картотекой пользовались также научные сотрудники разных институтов Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза.

Во время Великой Отечественной войны Словарный сектор был эвакуирован в Алма-Ату и Ташкент, а картотека оставалась в Ленинграде, надежно укрытая и охраняемая (подробнее см.: Геккер С. Ф., Рогожницкова Р. П. Ленинградские лексикографы в дни войны. — Русская речь, 1985, № 3). После войны, в 1947 году, возобновилась работа над 17-томным Словарем, продолжено упорядочение картотеки и одновременно ее пополнение новыми материалами. Было решено в 1953 году приступить к подготовке «Словаря русского языка» в 4-х томах. Были составлены списки источников: в них вошли произведения главным образом советской литературы; организован картотечный совет, на котором обсуждались списки литературы и материалы выборщиков.

В 1961 году закончилось издание «Словаря русского языка» в 4-х томах, а в 1965-м — вышел последний том 17-томного Словаря, получившие признание общественности. Четырехтомный Словарь пополнился новой лексикой и фразеологией (по сравнению с Толковым словарем под редакцией Д. Н. Ушакова); в нем представлено большое количество интересных иллюстративных примеров, углублена содержательная и стилистическая разработка слов.

Все эти сведения получены из картотеки Словарного сектора. «Словарь современного русского литературного языка» в 1970 году был удостоен Ленинской премии. По количеству слов, по детальности их анализа он является наиболее полным словарем нашего времени. Лауреатами Ленинской премии стали шесть ученых, принимавших активное участие в разработке принципов Словаря, а также в подготовке материалов для него: В. И. Чернышев, С. П. Обнорский, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, А. М. Бабкин (см.: Ленинские лауреаты-словарники.— Русская речь, 1970, № 5).

После выхода в свет названных словарей (к этому времени насчитывалось около 6 млн. карточек) были подготовлены и изданы «Словарь синонимов русского языка» в двух томах (главный редактор А. П. Евгеньева), удостоенный премии имени А. С. Пушкина, однотомный «Словарь синонимов» (редактор А. П. Евгеньева), словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (редактор К. С. Горбачевич), «Краткий толковый словарь русского языка» (под редакцией В. В. Розановой).

В 1960 году Г. П. Блок, а затем Ю. С. Сорокин по предложению В. В. Виноградова начали работу по подготовке «Словаря языка XVIII в.» Еще при Гроте и Шахматове производились выборки из произведений XVIII века, по материалам для создания Словаря языка этого периода было недостаточно; организовалась отдельная картотека, которая к настоящему времени насчитывает более 2 млн. карточек.

В 1963 году Ф. П. Филин начал работу над сводным «Словарем русских народных говоров». Вначале она велась на материалах, имеющихся в картотеке, но сразу же были привлечены областные словари, рукописные и печатные, которые легли в основу самостоятельной картотеки. Многочисленные областные материалы, имеющиеся со времен Я. К. Грота и А. А. Шахматова, сохраняются и используются при работе над этим словарем. Именно в 60-е годы, когда начали создаваться специальные картотеки Словаря русских народных говоров, Словаря языка XVIII в., картотеку Словарного сектора стали называть Большой.

С 1966 года в секторе работает группа словаря новых слов, выпускаемая в свет словари-справочники «Новые слова и значения» (М., 1971, под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина; М., 1984, под редакцией Н. З. Котеловой), а также «Словарные материалы — 77, 78, 79, 80», фиксирующие лексику прессы этих лет. Они составлены на основе картотек, создававшихся их авторами, с постоянным использованием Большой картотеки, которая все эти годы активно пополнялась. С 1968 года группа сотрудников занимается созданием отдельной картотеки по произведениям авторов XX века (насчитывается к настоящему времени более 1 млн. карточек). Они были использованы при подготовке второго издания «Словаря русского языка» в 4-х томах. Эта картотека нужна и при работе над вторым изданием «Словаря современного русского литературного языка» и других словарей.

После опубликования в журнале «Русская речь» (1970, № 5; 1971, № 3) статей А. М. Бабкина и Р. П. Рогожниковой о работе над словарями в картотеку поступило большое количество писем, в которых авторы выражали желание принять участие в подготовке словаря. Писали учителя, студенты, пенсионеры. Некоторые из них много лет подряд присылали материалы в картотеку. Постоянными корреспондентами стали Л. А. Снегирева из Свердловска, В. А. Медведев из Тбилиси, М. А. Печерский из Москвы, А. Н. Шустов из Ленинграда и другие. Л. М. Осин из Горького, например, на 1 октября 1985 года прислал 25 000 карточек.

Корреспонденты не только посылают карточки с цитатами, но и комментируют их. Вот, например, выдержка из письма ныне покойного М. А. Печерского: «Встретилось мне в „Лит. газете“ пусть неуклюжее „неудобопроизносимое“ слово *подсебятничество*, по ему не отказать в меткости. По старости забыл, кто из литературных героев интонационно-жадным голосом наставлял своих наследников: „Под себя гребь, под себя“! Вот, видимо, исток этого слова, рожденного горестными раздумьями над одной из теневых сторон жизни, верится, небольшой части нашего общества. Вряд ли стоит гадать, войдет ли *подсебятничество* в обиход — ведь сколько прогнозов не оправдалось!»

Большое количество слов поступило из Челябинского государственного университета, где под руководством

Л. А. Шкатовой студенты университета изучают новую лексику.

Письма и материалы корреспондентов — это забота о русском языке.

Уже в начале 70-х годов встал вопрос об автоматизации работ картотеки. Производится эксперимент по полной обработке источников на ЭВМ, которая позволяет решить одну из задач картотеки — учет и полную регистрацию слов текста. Ведь еще Грот и Шахматов говорили о необходимости составления словарей языка писателя, то есть по существу о полной обработке текста. В настоящее время эта задача решена. Получены более десяти алфавитно-частотных словоуказателей к произведениям писателей XIX и XX веков.

Таким образом, если картотека Словарного сектора создавалась для одного словаря — «Словаря русского языка» Грота — Шахматова, то в настоящее время на ее основе созданы многие словари. Вместе с тем это не только хранилище слов, неиспользуемых для словарных работ. Как наиболее полное собрание русской лексики и фразеологии, картотека привлекает к себе советских и зарубежных исследователей русского языка. В Словарный сектор приезжают представители многочисленных специальностей — языковеды и литературоведы, историки и этнографы, археологи иистики. В картотеке они отбирают материалы для исследований по русскому языку и литературе, пополняют свои научные работы, наводят справки о словах.

Таким образом Большая картотека Словарного сектора служит развитию науки.

Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Расскажите, пожалуйста, о происхождении слова *кашпо* и о его произношении».

А. Я. Гусельникова, *Кашин*

Существительное *кашпо* — заимствование из французского языка: *cacher* — прятать и существительного *pot* — горшок. Слово *кашпо* произносится с ударением на последнем слоге (*кашпó*). Оно имеет следующее значение: декоративная ваза, в которую ставится цветочный горшок.

Отвечает Служба Языка

Запланировать командировку [кому-либо, кого-либо]

Е. М. ЛАЗУТКИНА,
кандидат филологических наук

В телефонную справочную Службу Института русского языка АН СССР неоднократно обращаются с вопросами о правильном построении предложений со словом *командировка*. Спрашивающие интересуются, в каком падеже следует употреблять фамилию командированного лица: запланировать командировку *Петрова* или *Петрову*?

Словосочетание *командировка кого-либо* привычно употребляется в составе многих предложений, например: «Командировка Петрова была необходимой»; «Командировка Петрова получила отражение в отчетах отдела». Форма в родительном падеже — *Петрова* — здесь имеет разное значение: объектное — типичное значение большинства существительных, образованных от переходных глаголов: *командировать кого-либо* — *командировка кого-либо*, *изучать что-либо* — *изучение чего-либо*, *запрещать что-либо* — *запрещение чего-либо*; определительно-субъектное, когда слово в родительном называет лицо, совершающее действие: «Командировка Петрова включена в план отдела». Аналогичное значение имеют слова родительного падежа в выражениях *свадьба сестры*, *приезд начальника*, *отправление поезда*.

Обычно затруднение вызывают предложения, организуемые глаголами с различными модальными оттенками значений. Такие предложения имеют сложную смысловую структуру и неоднотипное синтаксическое строение.

Предложения с глаголами *разрешить*, *предложить*, *продлить*, *предоставить*, *запретить* должны обязательно содержать слово в дательном падеже со значением адресата: «Генеральный директор (директор) объединения (комбината), научно-производственного

объединения *разрешает работникам* объединения (комбината) командировки на фабрики, заводы, в научно-исследовательские организации и другие производственные единицы, на самостоятельные предприятия и организации» (Быков А. Командировки. М., 1982); «... я хотел *предложить вам* командировку на Север для анализа хода социалистического соревнования между ними и нашим заводом» (Шевелева. Испытания).

4 В предложениях с глаголами *направлять, отправлять, посылать, отпускать* обязательно должны быть существительное со значением лица в винительном падеже и слово *командировка* в винительном с предлогом: «Недопустимо ... *инженеров направлять в командировки* по делам, не входящим в их обязанности» (Дружинин Б. Инженер по технике безопасности в строительстве. М., 1979).

В предложениях с глаголом *планировать (запланировать)* фамилия командированного лица может употребляться в дательном или родительном падеже. В конструкции «Запланировали командировку Петрову в Донецк» дательный (*Петрову*) зависит от глагола *запланировать* и сигнализирует следующее прочтение: *Петрову* будет предоставлена возможность поехать в командировку в Донецк. А в предложении «Запланировали командировку Петрова в Донецк» родительный (*Петрова*) относится к слову *командировка*, здесь сочетание *командировка Петрова* может иметь двойное толкование: чья? и кого?

Таким образом, во избежание ошибок в построении предложений со словом *командировка* необходимо в каждом конкретном случае определить смысловые связи между словами в предложении.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В рассказе Павла Ниллина «В Самаре в старом саду» встречается название брюк *галифе* и название одежды — *костюмная тройка*. Не расскажете ли об этих словах?»

Г. В. Никельский, *Андропов*

Слово *галифе* произошло от имени французского кавалерийского генерала Галиффе (de Galliffet). Это существительное означает особый покрой брюк, широких на бедрах и обтянутых у колен, а также брюки такого покроя.

Одно из значений интересующего Вас слова *тройка*, касающееся одежды, следующее: мужской костюм, состоящий из трех предметов — пиджака, брюк и жилета. Слово *тройка* в этом значении обычно употребляется в разговорной речи.

Стандартизованные термины

Лингвистическая правильность

В. П. ДАНИЛЕНКО,
доктор филологических наук

Сложнейший процесс стандартизации современной научно-технической терминологии предусматривает в качестве обязательного компонента лингвистическую правильность терминов. К сожалению, методические пособия (и прежние и новые), которыми руководствуются терминологи-практики, не содержат, как правило, ни общих, ни конкретных вопросов, чаще всего вызывающих затруднения. Понятие «лингвистическая правильность терминологии» самым непосредственным образом обращено к языковой норме, ее границам и содержанию. Современная стандартизованная терминология должна соответствовать нормам современного общелитературного языка — это общая установка, но нельзя не видеть своеобразных условий, в которых формируется отраслевая терминология.

Говоря об ориентированности стандартизованной терминологии на норму общелитературного языка, мы затрагиваем два важных вопроса: отношение терминологии к общелитературному языку (естественно, к его лексическому составу) и языковая норма применительно к терминологии. По этим вопросам имеется большая лингвистическая литература, которая, однако, не снята продолжающихся до сего времени дискуссий. В данной статье рассмотрены оба вопроса в самой сжатой и достаточно конкретной форме для понимания сути лингвистической правильности термина.

Терминология, составляющая ядро лексического состава языка науки и техники, входит в лексическую систему общелитературного языка. Поэтому основные законы и процессы его развития являются общими для всех функциональных разновидностей, и в частности языка науки (а следовательно, и терминологии).

Языковая норма — категория социально-историческая по своей природе и динамическая по характеру развития. Она обладает признаками системности, связи со структурой языка, стабильности

(последнее не противоречит признаку динамичности, изменчивости, подвижности), сознательного сохранения традиции использования языковых средств. Под языковой нормой понимают «совокупность общеупотребительных языковых средств и правила их отбора и использования, признаваемые обществом наиболее пригодными в конкретный исторический период» (Сов. энциклопедический словарь. М., 1980). Существенно отметить, что современные исследователи-ортологи различают нормы императивные, то есть обязательные, не допускающие вариантов, и диспозитивные (или восполнительные), то есть не строго обязательные, допускающие варианты как стилистические, так и нейтральные. Если все сказанное применить к проблеме нормативности стандартизированной терминологии, то есть упорядоченной, унифицированной, прошедшей апробацию на предмет соответствия ее языковой норме и получившей юридический статус употребления в ряде жанров специальной литературы, то станет ясно, что конкретизация содержания понятия лингвистической правильности стандартизированной терминологии весьма существенна.

Правила отбора и использования языковых средств в стандартизированной терминологии включают две основные проблемы.

I. Правильность образования термина

Эта тема предполагает рассмотрение двух вопросов: 1) источники отбора языкового материала (литературные—нелитературные формы существования языка, собственные—заимствованные); 2) выбор способа и модели номинации (называния) специального понятия, обеспечивающих его соответствие конкретной модели (моделям) термилообразования.

1. Источники пополнения терминологии, строго говоря, не имеют прямого отношения к языковой норме, за исключением того, что современные источники не должны выходить за рамки литературных форм существования языка (традиционное использование в ряде терминологий диалектных или просторечных по природе слов-терминов — это несколько иная тема). Однако в силу того, что вопрос о заимствовании термина и о предпочтении своеязычного входит в число обязательных методических рекомендаций и по существу является актуальным, выбор источника современной терминологии считаем возможным отнести к нормативному вопросу и рассмотреть его на основании фактического положения дел.

подавляющее большинство терминов самых разных отраслей науки и производства создается средствами собственного языка. Мощным источником пополнения терминологий современных об-

ластей знания являются и терминологии других национальных языков (либо путем прямого заимствования, либо посредством калькирования). Многие термины создаются на интернациональной языковой основе, поэтому приобщение их к терминологиям высокоразвитых современных языков, к числу которых несомненно относится русский язык, не противоречит общей тенденции к интернационализации отраслевых терминологий. Практика показывает к тому же, что одноклассные заимствованные термины (им противопоставляются термины-словосочетания, образованные на почве русского языка, часто с использованием старозаимствованных слов), сохраняют за собой преимущества краткости и возможности словообразования и неизбежно «приживаются» в отечественной терминологии. Достаточно напомнить конкуренцию терминов *лазер* и *квантовый генератор света* с конечной победой аббревиатуры *лазер*, а также происходящее на наших глазах вхождение термина *компьютер* и его производных: *компьютерная техника*, *компьютерный томограф*, *компьютерная томография*, *компьютерика*, *компьютеризация* и т. п. Образования с прилагательным *машинный* (производные от *электронная вычислительная машина*, ЭВМ), нельзя считать безупречным, поскольку не все производные подобного типа равнозначно передают необходимое содержание, например: *машинизация* и *компьютеризация* (нарушается принцип системности). Это, естественно, не означает, что во всех случаях надо предпочитать заимствования, но и отвергать их без достаточно серьезных на то оснований также, видимо, не следует.

2. **Выбор способа и модели номинации.** Понятие правильно образованного термина предполагает его соответствие продуктивным и специализированным моделям и образцам современной словообразовательной системы общелитературного языка с учетом особенностей терминообразования. В существующей теории номинации определены наиболее значимые языковые категории (части речи), к их числу относятся основные знаменательные: существительные, прилагательные, наречия, глаголы; из числа словосочетаний — атрибутивные словосочетания (прилагательное + существительное). В составе современной стандартизированной терминологии появилось большое число многокомпонентных словосочетаний, которые не содержат отклонений от языковой нормы, но практически псевдобны и нереальны (вместо них употребляются краткие варианты). В связи с усложнением структуры терминов-словосочетаний встает вопрос о соотношении номинации и дефиниции (термина и определения), но это входит в компетенцию теории терминоведения, а не соответствия такого термина языковой норме.

При определении конкретных моделей образования термина специалисты-практики неизбежно сталкиваются с проблемой выбора, возникающей в связи с широко распространенной в языке, и в словообразовательной системе в частности, вариантностью, которая наблюдается на всех уровнях языка. Она находит место и в морфологическом словообразовании, главным образом суффиксальных моделях. Таковы, например, наименования процессов, осуществляемые посредством суффиксов *-ни(е)*, *-к(а)*. Иногда к ним присоединяется бессуффиксальный способ образования: *шлифование — шлифовка, шабрение — шабровка, центрование — центровка, опиливание — опилка, прессование — прессовка, рилевание — рилевка, фрезерование — фрезеровка, резание — резка; нагрев — нагревание, обжиг — обжигание, отжим — отжимание, промыв — промывка — промывание* и т. п. и т. д.

На это обстоятельство обратил внимание видный советский лингвист Г. О. Винокур. Он предложил своеобразное распределение ролей между указанными тремя моделями: существительные на *-ние* являются «идеальными» терминами для выражения значения процесса действия; имена на *-ка* лучше всего могут выражать значение орудий действия; бессуффиксные — значение пассивного действия или состояния (Труды МИФЛИ. Т. V. М., 1939). Однако практика терминообразования, видимо, показала, как непросто реализовать это безусловно интересное решение проблемы. Особенно, если учесть, что все три типа терминов — отглагольных имен действия — имеют тенденцию к регулярному переходу в предметную категорию (результат действия). В «Руководстве по разработке и упорядочению научно-технической терминологии» (М., 1952) сказано: «Для выражения понятий различных процессов широко применяются термины — производные слова разных типов: *впуск, выпуск, сжатие, расширение, прорубка* и др. Отмеченные типы терминов употребляются одинаково широко. Рекомендовать какой-нибудь один из них для выражения понятий процессов или регламентировать употребление всех существующих типов в настоящее время не представляется возможным». И далее: «При отборе терминов следует стремиться к тому, чтобы в одной системе употреблялись термины по возможности одного типа, когда нужно подчеркнуть общность понятий, выражаемых ими».

Таким образом, для стандартизованной терминологии остается один практический вывод: согласованность рекомендаций для каждого термина, имеющего варианты образования, в пределах всей стандартизуемой терминологии. Так, если нужно выбрать термин из двух вариантов *рилевание — рилевка* для значения процесса, то один из них, например *рилевание*, необходимо стандар-

тизовать во всех отраслевых терминологиях. К сожалению, на практике дело обстоит иначе. Один и тот же термин в разных ГОСТах может быть стандартизован в разных вариантах для выражения одного и того же значения: «*Рилевка* — выемка паза на поверхности листа картона для формирования угла при сгибе» (ГОСТ 19112—78. Изделия из бумаги и картона. Технологию. Термины и определения); «*Рилевание* картонной заготовки спичечной коробки — нанесение углублений на заготовках спичечной коробки из картона для формирования внутренней и наружной частей коробки по заданным размерам» (ГОСТ 19280—78. Технологию спичечного производства. Термины и определения).

Ситуация выбора варианта не ограничивается моделями имен действия. Она актуальна и при образовании прилагательных с суффиксами *-н(ый)* и *-ов(ый)*: *позвоночный* — *позвонокovýй*, *виточный* — *витковovýй*, *станочный* — *станковovýй*; с суффиксами *-льн(ый)* и *-тельн(ый)*: *резальный* и *резательный*, *нагревальный* — *нагревательный*, *разливальный* — *разливательный*, *мерильный* — *мерительный*.

II. Правильность употребления термина

Эта тема включает следующие вопросы: 1) семантическая точность термина, соответствие его значения мотивационным признакам (т. е. объясняющим мотив названия, его реальную суть); 2) грамматическая правильность слова-термина; 3) грамматическая и стилистическая правильность сочетания слов внутри составного термина.

1. Семантическая точность термина обнаруживается (или не обнаруживается) в степени адекватности значения термина его дефиниции (определению). Если, например, термин *рыболовное судно* определяется как «любое судно, используемое на коммерческой основе для промысла рыбы, китов, тюленей, моржей или любых других живых ресурсов моря», то можно констатировать несоответствие значения термина мотивационным признакам. Видимо, необходимо было изменить определение, например, «промысловое судно».

2. Грамматическая правильность слов-терминов — это их соответствие категориям рода, числа, формам склонения и т. п. Вопрос актуализируется также наличием в языке грамматических вариантов. В отличие от словообразовательных они имеют своеобразное распределение по сферам употребления. Так, слова, различающиеся формой грамматического рода: *манжет* — *манжета*, *клавиш* — *клавиша*, *кювет* — *кювета*, *компонент* — *компонента*, в мужском варианте относятся преимущественно к

неспециальной сфере, а в женском — к специальной. В одних случаях эти варианты становятся фактически разными словами: *кювет* (франц. *cuvette*, буквально — лохань, таз) — «боковая сточная канава трапецидального сечения для отвода поверхностных вод с полотна и откосов выемки дороги»; *кювета* — «плоская прямоугольная ваина для обработки фотоматериалов, в типографском деле — для травления клише» (Сов. энци. словарь). В других — сохраняется смысловое тождество, и разные формы действительно остаются вариантами одного и того же слова: *компонент* — *компонента*. При стандартизации терминологии в случаях смыслового расхождения слов важно точное соответствие формы значению слова. Однако грамматическая правильность не ограничивается только вариантными формами рода. Она наблюдается и в числе (*напряженность* — *напряженности*), и в падеже и числе (*бункеры* — *бункера́*, *корпусы* — *корпуса́*, *поясы* — *пояса́*).

3. Грамматическая и стилистическая правильность сочетания слов внутри составного термина. Усложнение структуры терминологического наименования диктует отдельные стилистические требования, которые необходимо иметь в виду при назывании понятия синтаксическими средствами. Укажем два наиболее распространенных явления. Тавтология, под которой в данном случае имеется в виду стилистическая погрешность, заключающаяся в сочетании или повторении одних и тех же или близких по значению слов (типа *прейскурант цен*), для терминологии, как и в общем употреблении, мало приемлема. Однако когда формальная тавтология является необходимым или единственно возможным средством для выражения особенностей понятия, она не может быть расценена как ошибка, подлежащая исправлению. Это тот случай, когда можно говорить о так называемом профессиональном варианте нормы. Таковы, например, *модель гипоксической гипоксии* (Вестник АН СССР, 1984, № 6); *органо-органический реактор*, *вода-водяной реактор* (Политехнический словарь. М., 1976).

Синонимическое использование словосочетаний с прилагательными и косвенными падежами существительных. Самые удобные по размеру, по номинативной значимости, двусоставные конструкции наиболее продуктивны. Разновидности их иногда являются вариантами: *защита паролем* — *парольная защита* (Автоматизированная система управления. М., 1975), и тогда, естественно, встает вопрос выбора и предпочтения. Сравним такие конструкции: *издержки производства* — *производственные издержки*, *знак алфавита* — *алфавитный знак*, *знак контроля* — *контрольный знак*, *пульт абонента* — *абонентский*

пульт, пункт абонента — абонентский пункт, телеграфирование абонента — абонентское телеграфирование (все эти пары созданы искусственно на основе реально существующего в терминологии «Автоматизирования системы управления» одного из вариантов).

Можно сделать вывод, что между ними все-таки есть определенное различие. Специалисты отмечают, что словосочетания существительных с косвенными падежами существительных имеют более конкретное значение, а с прилагательными — более общее; первые выделяют конкретное значение принадлежности, происхождения, назначения, а аналогичные вторые имеют значение качественной характеристики, указывают на отличительный характерный и устойчивый признак предмета (см. об этом: *Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке*. М., 1971, §163). В расчет не берутся ситуации, когда один из вариантов в силу разных причин становится единственно возможным (например, *издержки обращения*, с одной стороны, и *служебный знак* — с другой).

В условиях выбора предпочтение нередко отдается существительным с косвенными падежами, что при дальнейшем усложнении структуры наименования может привести к стилистической погрешности — «цепочке генетивов»: *аппаратура передачи данных; достоверность передачи информации; регистр адреса команды; баланс времени работы оборудования; дата истечения срока хранения файла* и т. п. При всей нежелательности подобных конструкций их, видимо, нетрудно избежать в тех случаях, когда все указанные родительным падежом признаки совершенно необходимы.

В статье показаны лишь некоторые позиции из числа тех, которые обеспечивают лингвистическую правильность терминологии. Обращено внимание на ситуацию, объективно усложняющую реализацию языковой нормы в терминологии, на вариантность. Наличие большого числа вариантных образцов, грамматических форм и одинаковая возможность практического использования их свидетельствует о том, что в терминологии реализуется диспозитивная разновидность языковой нормы. Но данное обстоятельство не может служить дезорганизующим началом в процессе стандартизации терминологии. Напротив, именно это говорит о необходимости введения более четких мер координации и согласованности всех звеньев стандартизации терминологического фонда в целом, вплоть до выбора орфографического варианта термина (типа *тоннель — туннель*).

Антон Семенович Будилович

1846—1908

И. Г. ДОБРОДОМОВ,
доктор филологических наук

Известный филолог, историк, публицист и общественный деятель Антон Семенович Будилович родился в семье униатского священника в селе Комотове бывшей Гродненской губернии 24 мая (5 июня) 1846 года. Получив среднее образование в Литовской духовной семинарии и Виленской классической гимназии, он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета (1863—1867). Учебу А. С. Будилович закончил со степенью кандидата, которая была присвоена ему за выпускное сочинение «О литературной деятельности М. В. Ломоносова», удостоенное золотой медали. Впоследствии на основе этого сочинения были выпущены в свет две его книги: «М. В. Ломоносов как натуралист и филолог» (СПб., 1869; первоначально исследование без приложений под несколько иным названием было напечатано в «Журнале Министерства народного просвещения», 1869, август, сентябрь; в библиографическом слова-

ре М. Г. Булахова «Восточнославянские языковеды» эта публикация указана как отдельное сочинение) и «Ломоносов как писатель» (СПб., 1871). Значительную часть последней книги составляют материалы для словаря языка М. В. Ломоносова, до сих пор остающиеся незаменными.

В 1868 году молодой исследователь путешествовал по славянским странам с научной целью и с этого года под руководством известных славистов И. И. Срезневского и В. И. Ламанского начал готовиться к профессорскому званию по кафедре славянской филологии. 20 сентября 1871 года им была успешно защищена магистерская диссертация «Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова», которая была предварительно вынуждена отдельным изданием (СПб., 1871). Книга вызвала ряд рецензий, из которых следует назвать отклики в газетах «Голос» и «Гражданин». С обширной рецензией в

«Журнале Министерства народного просвещения» выступил тогда еще молодой И. А. Бодуэн де Куртене.

Как бы непосредственным продолжением магистерской диссертации стал его критико-палеографический труд: «XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи императорской Публичной библиотеки XI века» (СПб., 1875). Это была публикация текста славянского памятника в сопоставлении с греческим оригиналом и с примечаниями. Книга также вызвала весьма сочувственный печатный отзыв известного слависта А. А. Котляровского в «Обзоре успехов славяноведения за последние три года. 1873—1875». Об исследовании языка этого памятника и о его публикации благоприятно написал П. Гильтебрандт в журнале «Древняя и новая Россия» (1877, т. 1, № 1), поставив вместе с тем задачи образцового издания подобного рода переводных памятников, на что рецензента вдохновил труд молодого ученого.

В 1872—1873 годах А. С. Будилович находился в заграничной командировке для изучения языков, литератур и этнографии зарубежных славянских народов. В результате этого научного путешествия в «Журнале Министерства народного просвещения» (1874, декабрь) появились «Путевые за-

метки о долине среднего и нижнего Дуная».

После защиты 5 февраля 1879 года диссертации «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян», вышедшей отдельной книгой (в двух выпусках), А. С. Будиловичу была присуждена степень доктора славянской филологии. Автор поставил в этой книге трудную задачу: на основании древних общеславянских слов дать характеристику жизни и быта славян и условий их обитания. Это исследование было первым в области лингвистической палеонтологии славян, причем оно создавалось в то время, когда еще недостаточно полно был описан словарный состав славянских языков, особенно их диалектов. И хотя все трудности были блестяще пре-

одолены в первой части («Рассмотрение существительных, относящихся к естествознанию»), книга осталась незаконченной: из второй части («Рассмотрение существительных, относящихся к народному быту и учреждениям») вышел только один выпуск (Киев, 1882).

Книга вызвала многочисленные отзывы видных языковедов в печати.

После доброжелательных лаконичных заметок И. И. Срезневского и Я. К. Грота о первом выпуске первой части, в которых академики приветствовали новаторский труд молодого ученого, появился более объемный отклик редактора варшавского «Русского филологического вестника» профессора М. А. Колосова. Затем последовал обширный и весьма критический отзыв И. А. Бодуэна де Куртенэ под названием «Несколько слов о „Культуре первобытных и древних славян“». Довольно суровый по оценке отдельных деталей, он заканчивался следующими словами:

«Во всяком случае, несмотря на все свои недостатки, сочинение г. Будиловича представляет большой, замечательный труд. Оно является одним из главных этапов на пути к решению вопросов, которым посвящено. Мало того, ни в одной славянской литературе не было до сих пор подобного сочинения, и даже во всемирной

ученой литературе, кроме известной книги Пикте (Pictet), навряд ли найдется что-нибудь, задуманное и исполненное в столь широких размерах. Кто желает с новейшей точки зрения ознакомиться с первобытной культурой славян, не может никак обойтись без сочинения г. Будиловича. Но окончательная научная обработка этих вопросов еще впереди».

А. С. Будилович в этом же издании опубликовал «Несколько слов в ответ моим рецензентам», отвечая не только И. А. Бодуэну де Куртенэ, но и А. Брюкнеру, который выступил с рецензией в берлинском славистическом журнале. Впрочем, А. Брюкнер продолжил дискуссию в связи с выходом единственного выпуска второго тома.

Несмотря на острую критику отдельных положений работы, другое освещение отдельных фактов, рецензенты в целом высоко оценивали этот труд. Три десятилетия спустя известный филолог И. В. Ягич, старший современник А. С. Будиловича, в своей «Истории славянской филологии» отметил его и выразил сожаление, что труд не был завершен и доведен до конца. Специалисты по сравнительному изучению лексики славянских языков и сейчас высокого мнения о данной работе, как это видно, например, из ее оценки в книге Н. И. Толстого «Славянская

географическая терминология» (М., 1969). Важным явлением начального этапа изучения общего лексического фонда славянских языков считал книгу А. С. Будиловича наш крупнейший ученый-русист академик В. В. Виноградов (см.: Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 44).

Трудовой путь А. С. Будиловича связан с различными учебными заведениями России. В 1869—1872 годах он был приват-доцентом и доцентом Петербургской духовной академии по славянским языкам и параллельно вел преподавание тех же предметов в Историко-филологическом институте. После возвращения из заграничной командировки ученый исполнял должность ординарного профессора (заведовал кафедрой) Историко-филологического института в Нежине (1875—1881). Затем руководил кафедрой русского и церковнославянского языков Варшавского университета, а в 1887—1892 годах был одновременно и деканом историко-филологического факультета того же университета. 27 сентября 1892 года А. С. Будилович стал ректором Юрьевского (Дерптского, или Тартуского) университета, а также заведовал там кафедрой сравнительной грамматики славянских языков, где 20 октяб-

ря 1899 года получил звание заслуженного профессора. Во время его ректорства начали выходить (от 4 до 6 раз в год) «Ученые записки Юрьевского университета».

Уйдя в 1901 году с поста ректора, А. С. Будилович стал членом Совета Министерства народного просвещения. Он занимался вопросами образования перусского населения и в этом качестве был весьма полезен чувашскому просветителю И. Я. Яковлеву, который активно проводил в жизнь педагогические идеи известного русского филолога и педагога Н. И. Ильминского — друга семьи Ульяновых. В недавно вышедших двумя изданиями «Воспоминаниях» И. Я. Яковлева (2-е изд. Чебоксары, 1983) есть теплые строки о деятельности А. С. Будиловича на этом поприще со ссылкой на вышущийся в Петербурге в 1905 году на правах рукописи «Отчет о командировочной поездке т[айного] с[оветника] А. С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа (В октябре, ноябре и декабре 1904 года)». А. С. Будилович очень много сделал для выработки научных основ преподавания русского языка перусским народностям дореволюционной России, что получило полное развитие лишь в наши дни.

Большие заслуги А. С. Будиловича перед наукой были

справедливо оценены и получили заслуженное признание: 29 декабря 1882 года он был избран членом-корреспондентом Академии наук в Петербурге по Отделению русского языка и словесности. Ученый также состоял членом Сербской королевской академии, членом-корреспондентом Чешской академии наук и искусств, действительным членом Русского географического общества и других научных и благотворительных обществ в Петербурге.

Основные интересы А. С. Будиловича, как видно уже из тематики его магистерской и докторской диссертаций, были связаны со славянским историческим языкознанием, а в связи с ним с этнографией и историей славянских народов. Есть у него и чисто языковедческие труды, например «Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения» (Киев, 1877).

Эти вопросы занимают значительное место и в тех трудах, которые по первому впечатлению далеки от языкознания. Здесь можно назвать его небольшие «Статистические таблицы распределения славян...» (СПб., 1875); статьи в двух томах «Славянского сборника» (СПб., 1875—1877), издававшегося Петербургским отделом Славянского благотворительного комитета (публикации А. С. Будиловича составляли значительную часть этого издания и вы-

ходили также отдельными оттисками). Заслуживает упоминания и вышедшее в Варшаве в 1883 году «Начертание церковнославянской грамматики».

Многочисленные публицистические выступления ученого печатались в самых разнообразных русских журналах и газетах. Судьбам старославянского языка в славянском мире была посвящена его двухтомная монография «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (Варшава, 1892). Именно этой книгой А. С. Будиловича интересовался В. И. Ленин в 1911 году (см.: Дмитриев П. А., Мокненко В. М. Классики марксизма-ленинизма и славянская филология. М., 1982, с. 41—42). Книга вызвала оживленное обсуждение в печати: появился целый ряд различных откликов. Наблюдения автора над взаимодействием славянских народов в деле создания литературных языков сохранили свое значение до наших дней: в работе В. В. Виноградова «Великий русский язык» (М., 1945) труд А. С. Будиловича цитировался многократно. Ссылки на него встречаются и сейчас. Проблематика этого труда долгое время оставалась вне сферы внимания наших лингвистов и лишь сравнительно недавно появились исследования, на которые идеи А. С. Будиловича оказали несомненное влияние, что отмечал В. В. Ви-

поградов (см.: Избранные труды. Лексикология и лексикография, с. 275, 276).

Важное место среди трудов А. С. Будиловича занимает информация о новых научных публикациях его времени, а также оценка новых славистических работ в рецензиях. Под редакцией А. С. Будиловича в 1885 году вышел «Мефодиевский юбилейный сборник», а в 1892-м в Петербурге издавался ежемесячный журнал «Славянское обозрение». В конце 1907 года А. С. Будилович приступил к обязанностям редактора «Московских ведомостей». Из большого числа публицистических выступлений А. С. Будиловича лишь незначительная их часть была собрана и вошла

в отдельно изданную книгу «Наука и политика» (СПб., 1905).

В весьма обширном научном наследии ученого далеко не все выдержало испытание временем, не все сохраняет свою первоначальную значимость. Почти за восемь десятилетий со дня смерти А. С. Будиловича [скончался 12 (25) декабря 1908 года в Петербурге] наша наука о славянских языках и древностях значительно продвинулась вперед. Но многие факты, открытые и осмысленные А. С. Будиловичем, его наблюдения и выводы стали неотъемлемым достоянием науки и долго еще будут использоваться учеными.

Виктор Александрович Истрин

1906—1967

Г. Л. ЗЕЛЕНИН

С именем известного филолога, книговеда и педагога В. А. Истрина в советской науке связана разработка проблем становления и развития теории и истории письма как самостоятельной научной дисциплины. В трудах В. А. Истрина получила обстоятельное освещение история славянской письменности, различных систем письма у многих народов. Научное наследие В. А. Истрина широко используется не только в нашей стране, но и за ее пределами.

В. А. Истрин родился в Варшаве 23 ноября 1906 года, отец его был преподавателем гимназии. В 1914 году семья переехала в Москву; здесь в 1918 году В. А. Истрин закончил среднюю школу и начал трудовую путь. В начале 20-х годов он работал в Ташкенте литературным сотрудником газеты «Правда Востока», затем — секретарем редакции журнала Реввоенсовета Туркестанского фронта. В 1926 году В. А. Истрин поступил в Московский университет на факультет ли-

тературы и искусства. Долгое время после окончания университета он возглавлял лабораторию планирования и оформления печатных изданий во Всесоюзном НИИ полиграфической промышленности, успешно совмещая научную деятельность с преподаванием в ряде московских вузов.

С 1934 года и до последних дней жизни ученый читал курсы по истории книгопечатания, теории полиграфии, основам книговедения в Московском полиграфическом институте, Высшей торговой школе. Именно в эти годы В. А. Истрин начал публиковать в периодической печати статьи, посвященные вопросам истории книги, вел большую просветительскую работу среди молодежи Москвы, выступая с лекциями перед красноармейцами, рабочими различных фабрик и заводов. В годы Великой Отечественной войны В. А. Истрин был переводчиком в штабе интернационального авиационного полка «Нормандия-Неман», награжден медалями.

В 1944 году Виктор Александрович защитил диссертацию «История и основы стандартизации форматов бумаги и печатных изданий», за которую получил ученую степень кандидата технических наук. Докторскую диссертацию «Развитие письма» В. А. Истрин защитил в 1963 году, за нее впервые в нашей стране ученому была присуждена степень доктора филологических наук по специальности «книговедение». С 1965 по 1967 год он возглавлял кафедру книжного дела и библиографии Московского полиграфического института.

В. А. Истрин создал ряд книг, брошюр и статей по различным научным проблемам, но главными интересами ученого были филология и книговедение. В его трудах по филологии рассматриваются проблемы возникновения письма, а также развития письменности вплоть до наших дней. Перу ученого принадлежат многочисленные статьи по истории и теории письма в различных справочных и научных изданиях, таких, как Большая Советская Энциклопедия, Справочник по книговедению и др. Главными трудами В. А. Истрина являются книга «Развитие письма» (1961), которая была основательно переработана после защиты докторской диссертации и вышла вторым изданием под названием «Возникновение и развитие письма»

(1965), а также «1100 лет славянской азбуки» (1963).

«Возникновение и развитие письма» — одно из самых содержательных исследований по данной проблеме в нашей стране. Десять обширных ее глав автор посвящает рассмотрению вопросов возникновения и эволюции письма у многих народов мира. Авторские обобщения подкрепляются в работе анализом наиболее распространенных систем письма, кроме того, здесь анализируются особые виды письменных знаков (цифры, знаки пунктуации, символы и научные обозначения).

В книге «1100 лет славянской азбуки» подробно описаны жизнь, борьба и плодотворная просветительская деятельность Кирилла (Константинопольского философа) и Мефодия, древнейшие славянские азбуки — кириллица и глаголица, а так-

же их исторические предпосылки. Автор всесторонне изучил вопрос, была ли письменность у славян до Кирилла и откуда возникла вторая славянская азбука. По мнению В. А. Истрина, славяне еще в I половине I тысячелетия располагали примитивной письменностью в виде «черт и рядов», однако это письмо было малопригодно для отражения всех особенностей живой славянской речи. Поэтому они в VII—VIII веках начали использовать греческое византийское письмо. В результате этого появилось так называемое протокирилловское письмо, одновременно с которым, вероятно, использовалось и протоглаголическое, а также и другие локальные разновидности письма.

Еще до поездки в Моравию, в 862 году, Константин познакомился в Херсонесе Таврическом (вблизи нынешнего Севастополя) с какой-то разновидностью раннего славянского письма и переработал его, приспособив для более точной передачи своеобразия живой славянской речи того времени. Дело совершенствования славянской азбуки успешно про-

должали ученики Константина, стремясь уберечь изобретенный им алфавит от преследований немецкого католического духовенства. Учениками Константина-Философа была создана вторая славянская азбука — глаголица — с целью отхода славянского письма от похожего на кириллицу византийского устава.

Труды В. А. Истрина по праву занимают ведущее место в разработке проблем книговедения. Выводы в них делались автором при строгом учете самых новых данных. Ученый считал важной задачей пропаганду достижений науки о теории и истории письма (грамматологии). Естественно, что сейчас отдельные положения трудов В. А. Истрина до некоторой степени устарели, но наука о письме успешно развивается в наши дни прежде всего благодаря неутомимой исследовательской деятельности ученого. В. А. Истрин своими исследованиями заложил ее основы и наметил пути дальнейшего развития и совершенствования книговедения как одной из важнейших отраслей языкознания.

«И носятся светлые звуки...»

С. Е. КАРАБАЕВА

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

В. Брюсов. Пролог

снова нашего восприятия окружающего мира — каждодневный опыт. Но есть люди, обладающие удивительным даром жить в нереальном мире представлений и впечатлений. Там, по словам К. Бальмонта, «звуки светят, а краски поют, и запахи влюбляют...»

О таком уникальном мироощущении известно с древних времен. Стремясь постигнуть гармонию Вселенной, пифагорейцы увлеклись «музыкой сфер», космическая гамма которой представлялась им так: Юпитер — *до*, Марс — *ре*, Солнце — *ми*, Меркурий — *фа*, Венера — *соль*, Луна — *ля*, Сатурн — *си*. В XVIII веке французский ученый Л.—Б. Кастель — автор исследований «Цветной клавиши», «Цветная оптика» и др. — выдвинул идею о сродстве между звуками и цветом (см. Энциклопедический словарь под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1895, т. 28, с. 692). В своих причудливых гипотезах Л.—Б. Кастель, опираясь на подобный опыт Ньютона и собственный «цветной слух», предложил стройную систему цвето-звуковых соответствий. По его мнению, до — синий, до-диез — бирюзовый, ре — зеленый, ре-диез — оливковый, ми — желтый, фа — абрикосовый, фа-диез — оранжевый, соль — красный, соль-диез — малиновый, ля — фиолетовый, ля-диез — фиолетово-пурпурный, си — индиго.

В дальнейшем творчество Мусоргского, Дебюсси, Грига, Вагнера показало, насколько красочным и колоритным может быть звук. Названия музыкальных произведений погружают нас в мир цвето-звуковых ассоциаций: «Серые облака» Листа, «Цветная симфония»

Блисса с частями: «Изумрудной», «Пурпурной»; «Черный концерт» И. Стравинского. Живописные полотна Левитана, Врубеля, Кандинского, Чюрлениса заставили говорить о музыкальном воздействии красок. Фонетические эксперименты Рембо, Хлебникова сблизили поэзию и музыку. Звуки «досказывают то, что можно иногда прочитать между строк поэзии, дорисовывают весь этот внутренний, душевный мир, для которого слово только самая внешняя и довольно грубая оболочка» (А. Серов).

Конечно, творческие возможности сугубо индивидуальны, однако анализ условно-ассоциативных форм образности позволяет выявить некоторые закономерности, присущие поэзии начала XX века. К примеру, А. Блок, К. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис часто использовали межчувственные ассоциации. Все многообразие синестетических («сшествезия» в переводе с греческого — «соощущение»). См. об этом подробнее: «Русская речь» 1986, № 1) метафор располагается на оси, полюсами которой являются слова со значением «отсутствие — наличие звука». Первый из них словесный ряд: *тишина, тишь, покой, дремота, молчанье, сон* — представлен синонимичными (в определенных контекстах) языковыми единицами. *Тишина*, опорная единица в поэтике символистов — время внутренней сосредоточенности, духовного равновесия, отрешенности от суетного мира. Цвето-звуковые аллегории духовной жизни и смерти, хаоса и Космоса составляют живописные координаты представителей этого направления. Тихину, эту «звучащую паузу», заполняют прежде всего светлые образы: *белая тишина, белый покой, светлая дремота, светлая тишь, светлый сон* — у Балтрушайтиса; *светлое молчанье* — у Блока; *светлый покой* — у Бальмонта. Между светом и тьмой в их контрастной напряженности есть переходы, оттенки, ступени. Так, *светлый* может сочетаться и с существительными, имеющими значение «неустойчивости, временности»: *светлый сон, светлая дремота*. С другой стороны, эти же существительные сопрягаются с прилагательными, обозначающими состояние, чувства, тревожащие человека: *черный сон* у Блока, *темный сон* у Бальмонта. Подобные явления иллюстрируют противоборство двух враждебных сил, хрупкость мига равновесия (ср. *светлый сон* — *темный сон*) и соотносятся с временными отрезками, этапами человеческой жизни.

Словесное искусство часто строится на контрастах ночи и утра, темного и светлого. День, обитель хаоса и суеты, чужд тишине, он многозвучен, пестр. Лишь ненадолго может человек найти «тихую заводь», погрузиться в иллюзию отторжения. «Болото раскинулось властно и широко./Шепчутся стебли в изумрудной тиши». За этой внешней приземленностью, конкретной осязаемостью обра-

за кроется у Бальмонта философский подтекст: «И многих манит к обманным изумрудам./Каждому хочется над бездопностью побыть. Каждый, утомившись, ярко грезит чудом./И только тот живет, кто может все забыть». С горечью поэт заключает, что внутреннего благоденствия в реальной жизни быть не может. Есть лишь красота мировой гармонии: «Но в этой тишине *зеленой*/Ждал *голубой* я тишины/От пещно серебрящей склоны,/От голубеющей луны» (Бальмонт).

Голубой цвет у Блока и Бальмонта олицетворяет надежду, преддверие великого чуда: «Чье там брежит лазурное око?/Как поляна из звезд — небеса./В тишине *голубой* и глубокой/С дивной ратью своей многокрылой/Бог идет сквозь почные леса» (Блок). Чем выше в мыслях устремляется поэт, тем светлее становится его цветовая палитра: от *красной* тишины (Блок), *изумрудной* тиши (Бальмонт), в которых еще нащупывается связь с конкретными явлениями природы, через *голубой* сон (Бальмонт), к *белой* тишине (Балтрушайтис), *светлому* покою (Бальмонт) — таков путь, начертанный символистами в поисках Истины.

Свежая радость утра сменяется «цветовыми симфониями и плясками красок» дня. Определенное композиционное равновесие организует словесный ряд с общим значением «паличие звука». Положительная и отрицательная эмоциональные окраски выступают своеобразным общим знаменателем при переносе ощущений, обертоном настроения. У Блока: *белые* звуки, *серебряный* смех; у Бальмонта: звон *серебристый*, *серебряный* звон, смех *теребристый*. Балтрушайтис прибегает к другим эпитетам: звон *пурпурный*, *красный* звон. У Блока и Бальмонта встречаем несколько синестезий, появление которых обусловлено не абстрактными умозаключениями, а метафорической характеристикой явлений и предметов: *красный* смех (знамен), *голубоватый* смех (всепознаны) у Блока, *зеленый* звон (дерева) у Бальмонта.

Примечательно, что уже в русской классической поэзии намечались пути обогащения содержательных возможностей слова, проводились эксперименты в причудливых сопряжениях несочетающихся понятий. У Некрасова встречаем: «Идет — гудет *Зеленый Шум*,/*Зеленый Шум*, весенний шум». Ср. также у Тютчева: «Вдруг животрепетным сияньем/Коснувшись персей молодых./*Румяным*, громким восклицаньем/Раскрыло шелк ресниц твоих!». Случаи подобных словоупотреблений еще единичны, но уже для стихов Фета, «поэта-музыканта» (по справедливому определению Чайковского), характерно синкретическое слияние слуховых и зрительных образов: «И с переливом *серебристым*,/С лучом, просящимся во тьму,/Летит твой голос к звездам чистым/И вторит сердцу моему»;

«И только... Но песня разлуки/Несбыточной дразнит любовью,/ И носятся светлые звуки/И льнут к моему изголовью».

Стремление передать тончайшие сообщения языковыми средствами стало нередким явлением, семантико-стилистическим приемом в начале XX века, прежде всего в поэтике символистов. У представителей других литературных течений подобное явление в чистом виде либо не наблюдается (например, у Маяковского и Заболоцкого), либо оно имеет иную природу. Так, Есенин создает цвето-звуковые образы, основой которых служила народно-поэтическая традиция, фольклорная символика цвета: «Русь, Русь! Сколько их таких (...) Идут они, идут! Зеленый славя гул». Здесь *зеленый* означает свободу, радость от ощущения ее полноты. Или: «Окропи его (ус.—С. К.) красным звоном (...)». В данном случае *красный* — это «прекрасный, священный, праздничный». Часто поэт прибегает к метафорической характеристике предметов и явлений действительности: «На душе холодное кипенье/И сирени шелест голубой».

Современные поэты, тяготеющие к философской проблематике, также обладают искусством вводить в свой словарь необычные сочетания, озаряющие новым светом все стихотворение. У А. Тарковского встречаем: «Слышу белого облака белую речь,/Но ни слова для вас не умею сбсречь»; «Под вечер — ведро снова,/И, верно, в том и суть,/Чтоб хоть силком смычковый/Лиловый гуд вернуть». У Ю. Левитанского: «Белый звук снегопада./Зеленые звуки дождя»; у Евг. Евтушенко: *голубое гуденье; румяные слова*.

Таким образом, символика цвета и звука, явная или подсудная, может присутствовать в творчестве поэтов самых различных литературных школ и поколений, но в зависимости от целей и задач значимость ее неодинакова. В тех случаях, когда удастся достичь гармонии мысли, звука и цвета, эти причудливые сцепления слов утрачивают свою обособленность и создают единый эмоционально окрашенный образ, по выражению Л.—Б. Кастеля, «клавиши для глаз».

Пейзажная живопись К. Паустовского

И. Ю. ЧИСТЯКОВА

Прозе Паустовского свойственна неповторимая поэтичность и образность языковых средств, своеобразное художническое видение писателя позволяет ему воссоздавать одухотворенные и выразительные картины природы. Пейзажам Паустовского присущи наглядность и лаконичность, эмоциональность и одушевленность. Каждая его пейзажная зарисовка — о жизни человека, о его духовном и нравственном совершенствовании, достигаемом благодаря общению с природой.

Композиционно-художественные функции пейзажа в текстах Паустовского многообразны. Пейзаж может быть фоном, на котором разворачивается повествование; являться поводом для последующих размышлений самого автора, рассказчика или персонажа; служить необходимой деталью в рассказе; краткой пейзажной зарисовкой может обозначаться место или время действия рассказа.

У Паустовского различаются, с одной стороны, пейзажные описания самостоятельные, характеризующиеся коммуникативно-смысловой и композиционной завершенностью, то есть собственно пейзажи, и с другой стороны — пейзажные вкрапления, введенные в текст в виде отдельных фраз, так или иначе композиционно вза-

имодельствующие с другими коммуникативными типами текста: повествованием или рассуждением. Пейзажные вкрапления в художественных произведениях Паустовского встречаются, пожалуй, чаще; исключение составляют его повести-описания, такие, как «Мещорская сторона», «Живописная Болгария», «Подводные ветры».

В зависимости от творческих задач писателя, требований композиции пейзажные зарисовки в произведениях Паустовского находятся во взаимодействии с повествовательными элементами текстов. В одних случаях повествование то и дело прерывается описанием, например: «Вася уехал в начале зимы. Дни стояли пасмурные, мягкие. В сумерки мы выходили в сад. На снег падали последние листья» (Стекольный мастер.— Здесь и далее цитаты даются по изданию: Паустовский К. Г. Собр. соч. в восьми томах. М., 1967—1969). В других — пейзаж открывается повествовательной фразой: «Однажды мы вышли на рыбную ловлю в два часа ночи. В лугах было сумрачно от звездного света. На востоке уже занималась, сипея, заря» (Сивый мерин). Иногда же повествовательный контекст не только вводит, но и заключает пейзажную зарисовку: «Вскоре мы с Горленко уехали на машине к себе на север. Тополя шумели по обочинам дороги. Листва лесов неслась душистыми грудками за окнами машины. Внезапно в этой велеши возникали сиреневые гранитные скалы, увитые плющом. Струились и позванивали, пересекая шоссе, прозрачные ручьи. Каждый раз перед таким ручьем машина замедляла ход, будто хотела папиться» (Синева).

Обращаясь непосредственно к характеристике пейзажа Паустовского с точки зрения образно-изобразительных средств, следует отметить, что они сугубо различны в его ранней и более поздней, зрелой прозе. В отличие от написанной точным, лишенным «красивостей» языком прозы зрелого мастера, его ранние произведения изобилуют пышными, порой неправдоподобными пейзажами. В статье «Рождение книги» Паустовский вспоминал: «В юности я много писал о море. Весь запас «красивых» слов, все, что было в русском языке торжественного и музыкального, я вкладывал тогда в свои описания моря, — конечно, в меру своего знания русского языка. Получалась тяжелая, орнаментальная проза, лишенная какого бы то ни было познавательного значения. Обилие и красивость слов могли вызвать у читателя этих рассказов свинцовую тяжесть в голове. Но к счастью, я их не печатал. Только знакомство с природой Средней России натолкнуло на мысль, что язык должен быть прост и ясен, — он должен быть сродни чистоте и точности окружающих вещей, явлений и красок» (Паустов-

ский К. Г. Рассказы. Очерки и публицистика. Статьи и выступления по вопросам литературы и искусства. М., 1972, с. 317).

Пейзаж зрелого писателя нагляден и реалистичен. Обращает на себя внимание необычная сочетаемость слов в текстах его пейзажных зарисовок. Например, *солнце* обычно сопровождается прилагательными *теплое, красное, яркое* и т. д. А у Паустовского

солнце — страшное (Повесть о лесах), *черное* (Тарас Шевченко). Со словом *небо* мы привыкли употреблять *голубое, высокое, чистое, светлое, темное*. У Паустовского небо — *густое, глубокое* (Повесть о лесах). А вот целая картина: «перламутровые просторы неба» (Героический Юго-Восток). Самыми обычными словами рисуются эмоционально насыщенные картины: «Городок был маленький, наполовину сгоревший во время войны. Улицы были так густо засыпаны сеной трухой, что телега катилась по ним бесшумно, как по ковру. От складов с пенькой тянуло сухим приятным запахом, напоминавшим запах вошины. В городском саду над рекой сварливо кричали и дрались на деревьях галки. Сад зарос чистотелом, крапивой» (Повесть о лесах).

Описания природы у Паустовского настолько достоверны, что забываешь о том, что картина эта словесная, а не живописная. Иногда в конкретно-описательную зарисовку «вплетаются» слова модально-оценочного значения, передающие настроение автора, «созерцателя»: «В конце сада был обрыв над рекой, а за обрывом — предрассветные дождливые дали, тусклые огни бакенов внизу, туман, вся грусть летнего ненастья» (Дождливый рассвет).

Осень, любимое время года писателя, в разные периоды творчества и в разных произведениях рисуется по-разному. «Особенно хорошо в беседе в тихие осенние ночи, когда в саду шумит вполголоса неторопливый отвесный дождь. Прохладный воздух едва качает язычок свечи. Угловатые тени от виноградных листьев лежат на потолке беседки... Пахнет дождем — нежным и вместе с тем острым запахом влаги, сырых садовых дорожек» (Мещорская сторона). В другом произведении — иное настроение, иная осенняя картина: «Стояла осень. Кончался сентябрь. Дубовые леса по берегам Волги уже заржавели от первых утренних морозов, по на полях и в сырой траве еще попадались последние лесные цветы» (Тарас Шевченко). *Леса... заржавели от ... морозов.* Картина, как видим, держится на глаголе-сказуемом, емком метафорическом слове, тонко и свособразно рисуящем увядание природы.

В осенних пейзажах Паустовского преобладает рыжий цвет и его оттенки (ржавый, желтый, золотой): *рыжая белка, желтые кувшинки, желтые лишай* (Повесть о лесах); *желтый степной день, золотые цветы, золотой блеск солнца* (Героический Юго-Восток).

Пейзажи писателя насыщены красками: туман — *голубоватый* (Встречи с Гайдаром), облака — *розовые* (Сказочник), гладь океана — *синяя* (Жизнь Александра Грина), пролив — *зеленый и мутный* (Приазовье), море — *серо-синее* (Подводные ветры), вода — *зеленая*, туман — *лазоревого* (Амфора), ночь — *белая* (Золотая роза), свет — *багровый* (Повесть о лесах), воздух — *синеватый* (Героический Юго-Восток). Порой за счет цвета создается вся картина. И даже тогда, когда цвет не называется, пейзаж может быть многокрасочным: «Дым звезд роился над береговыми утесами. Туманная стрела прожектора упиралась в созвездие Ориона» (Черное море); «Раскаленный шар солнца опускался в редкий сосновый лес за рекой Саном» (Беспокойная юность).

В художественной речи далеко не все прилагательные являются эпитетами, однако в пейзажах Паустовского большинство определений, отличаясь образностью и индивидуальностью, включаются в систему изобразительных средств.

Метафора — излюбленный прием Паустовского при описании природы. Так, в следующем отрывке именно благодаря метафорам перед нами зримо предстает поэтический пейзаж: «Страна эта прекрасна. Она закутана в светлый туман. Кажется, что этот туман возникает над ее мягкими холмами от дыхания первых трав, цветов и листьев, от распаханной земли и поднявшихся зеленей» (Стекланные бусы). Чаше Паустовский употребляет метафоры —

именные словосочетания: *океан огней, букеты мин, синий шар неба и моря, профиль земного пути* (Черное море), *океаны свежего воздуха* (Подводные ветры), *крыло шторма* (Воспоминание о Крыме).

Примечательны также сравнения, используемые в словесной живописи Паустовского. Обратимся к примерам: «Мещора — остаток лесного океана. Мещорские леса величественны, как кафедральные соборы... По сухим сосновым борам идешь, как по глубокому дорожному ковру, — на километры земля покрыта сухим, мягким мхом... В ветер леса шумят. Гул проходит по вершинам сосен, как волны. Одинокий самолет, плывущий на головокружительной высоте, кажется миноносцем, наблюдаемым со дна моря» (Мещорская сторона); «Первая звезда задрожала и остановилась в небе, как золотая пчела, растерявшаяся от зрелища осенней земли, плывущей под ней глубоко и тихо» (Черное море).

Немаловажно, с чем сравнивается тот или иной предмет, поскольку при мимолетном или внимательном взгляде на природу у каждого возникают свои ассоциации: «Над радугой повисло облако, похожее на гигантскую кисть сирени, освещенную закатом» (Морская прививка). На первый взгляд, что может быть общего между облаком и веткой сирени? Под пером мастера, тонко и оригинально сочетающего поэтичность с неожиданностью ассоциаций, эта общность приобретает характер реальности.

Природа у Паустовского — живая, действующая. Так, о море он пишет, как о живом существе, наблюдает за его настроением: «Море отсыпалось перед зимними бурями» (Черное море). Как в этом, так и в большинстве других случаев олицетворения у Паустовского создаются глагольным словом: «Далеко на рейде тяжело стонала и взывал о помощи бакен-ревун. Значит, с моря подходила волна» (Черное море). Или: «За широким окном косо летел снег, заносил туманом Неву, таял в ее темной воде. Ветер посвистывал в рамках и шевелил на полу старые газеты» (Телеграмма).

В пейзажных зарисовках нередко используются одновременно несколько тропов. Следующая картина создана с помощью метафоры, сравнения и олицетворения: «Теперь ураган был совсем рядом, за двойными рамами окон. Он не только визжал, распевал в скалах и пляскал снегом в стекла, но и светил... Он был чуть синеватым, будто за окнами кто-то зажгет большие спиртовые горелки» (Созвездие Гончих Псов). Однако для Паустовского не характерна переизбыточность пейзажных контекстов тропами.

Разнообразие и наглядность описаний природы создается писателем также с помощью интонационно-синтаксических средств.

И тут обнаруживается определенная противопоставленность пейзажей статичных и динамичных. Одним свойственна спокойная, ровная интонация: «Копчался март. Моросил дождь. Голые тополя стояли в тумане» (Далекие годы). В других все в движении, хотя показаны не сменяющие друг друга события, а лишь перечислены одновременно сосуществующие признаки, создающие эту картинку: «Буря бушевала над Петербургом, как возвращенная молодость. Редкий дождь хлестал в окна. Нева вспухала на глазах и переливалась через гранит. Люди пробегали вдоль домов, придерживая шляпы. Ветер хлопал черными шинелями. Неясный свет, зловещий и холодный, то убывал, то разгорался, когда ветер вздувал над городом полог облаков» (Орест Кипренский). Выбор интонационно-синтаксических средств зависит от объекта описания. Так, по преимуществу динамичными являются у Паустовского морские пейзажи: «Море валило горами. Жалкие мачтовые огни освещали высокий нос, дергавшийся из стороны в сторону» (Кара-Бугаз).

Для лирических пейзажей Паустовского характерна специфическая мелодика, создаваемая средствами изобразительного синтаксиса. Перед нами пример, когда это, в частности, достигается с помощью однородных членов: «Вихри туч опустились к земле, как темные свитки, и вдруг случилось чудо — солнечный луч прорвался сквозь тучи, косо упал на леса, и тотчас хлынул торвливый, подстегнутый громами, тоже косо и широкий ливень» (Избушка в лесу).

Так, используя разнообразные, но всегда глубоко поэтичные и удивительно точные образно-изобразительные средства, Паустовский творит свою неповторимую пейзажную живопись. По выражению самого писателя, пейзаж существует в его прозе «как герой, а не только как фон вещи».

Рисунки В. Мирошник

Ритмическая гимнастика или аэробика?

Г. В. БУНИНА

Однажды Сократ, рассуждая о влиянии разных видов физических упражнений на телосложение человека, заметил, что у кулачных бойцов мощные плечи, но ноги развиты слабо, а вот у бегунов — сильные ноги, но довольно узкие плечи. И тогда он предположил, что наиболее гармоничное развитие, по-видимому, дают человеку акробатические танцы с мячами. Можно ли считать, что великий античный философ имел в виду движения, напоминающие современную ритмическую гимнастику, столь популярную ныне? Трудно сказать, но известно, что сам Сократ, будучи уже в зрелом возрасте, начал учиться танцевать. Мы также знаем, что в систему физического воспитания Древней Греции входила *орхестика* — система упражнений танцевального характера, выполняемых под музыку. Греки полагали, что по пляске можно судить о человеке: чистые души рождают прекрасные движения, а низкие — выражают в танце свои грубые инстинкты и желания.

В современном сознании античный идеал гармонии внешней красоты и внутренних достоинств человека претерпел мало изменений, хотя нынешняя жизнь предъявляет особые требования к его физическому состоянию. С одной стороны, введя в обиход различные транспортные средства, мы стали меньше двигаться. И вот уже нужно преодолеть отрицательные последствия гиподинамии — своего рода «двигательного голода». С другой стороны, для освоения вновь возникающих видов трудовой деятельности, например работы на конвейере, необходимо обладать высокой работоспособностью, большой устойчивостью психической сферы. И именно таким видом физической активности, который сочетает в себе значительную нагрузку на организм и дает эмоциональный заряд, является *ритмическая гимнастика* или, как ее еще называют, *аэробика*.

Читатели, вероятно, обратили внимание на то, что словосочетание *ритмическая гимнастика* стало появляться на страницах газет, журналов, звучать в устной речи не реже, чем слово *аэробика* (о нем подробнее см.: Русская речь, 1980, № 1). Почему так происходит? Попробуем разобраться...

ку. Определение *ритмическая* выражает здесь и суть явления, и отличие этого вида гимнастики от других, таких, как *основная, атлетическая, производственная, профессионально-прикладная, лечебная, спортивная, художественная*. Термин *ритмическая гимнастика* является точным и поэтому более удачным. Что касается термина *аэробика*, то он выпадает из терминологической системы гимнастики. А такое название, как *темповая художественная гимнастика* противоречит требованию краткости. Возможно, подойдет словосочетание *танцевальная физкультура*? Но само понятие «физкультура» только частично совпадает с понятием «гимнастика». Так, например, «лечебная физкультура» включает в себя не только средства гимнастики, но и дозированную ходьбу, бег. Поэтому слово *физкультура* является слишком широким по значению для определяемого явления.

Ныне в специальном профессиональном употреблении закрепляется словосочетание *ритмическая гимнастика*, а в речевом обиходе сосуществуют два названия. «Аэробика в „Рассвете”» — таков заголовок заметки в «Неделе» (1985, № 26). Здесь же подзаголовок: «Для тех, кому хочется быть стройными, ритмическая гимнастика — „суровая необходимость”». И подобных примеров в газетах и журналах много. Еще один немаловажный факт: уже создано сокращенное название от словосочетания *ритмическая гимнастика* — *РГ*, которое отмечено и в печати, и в разговорной речи. Нам кажется, что принцип экономии не нарушает здесь языковой нормы.

Итак, на стороне названия *ритмическая гимнастика (РГ)* — точность, системность, краткость, поэтому оно может употребляться в различных стилях речи.

Рисунки В. Мирошник

А. Н. Кожин
 ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
 В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ
 ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Каждый исторический этап в жизни народа находит отражение в языке: уходят из употребления устаревшие слова и выражения, появляются новые, меняются значения некоторых слов и т. д. Изменения лексической системы языка, имевшие место в жизни советского общества в 1941—1945 годах, рассмотрены в монографии А. Н. Кожина «Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны» (М.: Наука, 1985).

Лексика военных лет широко входила в речевой обиход. Продвижению военных слов в общее употребление во многом способствовали приемы их введения в тексты. Автор монографии отмечает, что конкретное значение слов часто реализовалось в образных представлениях: «Вдоль магистрали, как свечи, зажигаются ракеты» (Известия, 1943, 17 окт.). Широко использовалось метонимическое словоупотребление: «Прикрыли огнем и броней аварийный люк, сделали на болоте 100-метровый настил и вывели машину» (Красная звезда, 1941, 4 окт.); «Штыком и гранатой наши бойцы беспощадно истребляли гитлеров-

ских захватчиков» (Красная звезда, 1941, 23 дек.).

Обретая широкую известность, слова и выражения военно-деловой речи применялись в устойчивых словосочетаниях. Эти выражения являлись не только достоянием солдатского фольклора, но и проникали на полосы фронтовых газет, на страницы журналов и художественных произведений. Чаще всего крылатые изречения представляли собой боевые призывы, присловья, поговорки, псевдонимы: «Враг в наступление готовится — на партизанские штыки нанорется»; «В бой ходить — фашистов бить»; «Не хвались на словах, покажи себя в боях». Эти и многие другие пути и способы освоения лексики в довоенные, а затем и в военные годы исследованы автором монографии в первой главе «Расширение сферы применения военной лексики».

Именные и глагольно-именные сочетания, игравшие значительную роль в языке периода Великой Отечественной войны, подробно анализируются во второй главе «Составные наименования как терминологически значимая часть военной лексики». Широко использовались для обозначения по-

вых реалий (предметов, вещей, явлений) и понятий в военной сфере сложные наименования, которые служили базой для образования слов (самородная установка — *СУ*, *самоходка*).

Многие словосочетания, особенно с глаголами переносного употребления, проникая в общеречевую сферу, становились эмоционально-оценочными: *косить очередями* — уничтожать огнем автоматического оружия; *одеваться в броню* — укреплять свою оборону. Передко перифрастические выражения были вторичными названиями военных терминов: гранаты — *карманная артиллерия*, огонь пулеметов и огнеметов — *огненный смерч* и т. п. Переписка с фронтовиками, непосредственные контакты с ними приводили к тому, что сугубо специальные слова и выражения (*передний край*, *холостой выстрел*, *нанести удар*) входили в различные типы речи, сопровождаясь целым рядом явлений. Автор полно и обстоятельно рассказал об этом в третьей главе «Военная лексика — составная часть общерусского словаря».

Процессы, которые определяли характер лексики в годы Великой Отечественной войны, подробно описаны в заключительной, четвертой, главе «Социально-стимулируемые явления в лексике русского языка». Из речи фронтовиков в общую речь и в различные типы книжно-литературных текстов проникли многие слова и фразы, выражающие экспрессивно-оценочное отношение к называемому предмету, явлению и т. п. Особенным разнообразием отличались шутливые прозвища

самолетов: *небесный тихоход*, *крылатый извозчик*, *керосинка*, *комар*, *землемер* и мн. др.

Входили в обиход и слова, которые до военного времени считались устаревшими и имели весьма ограниченную сферу применения: *солдат*, *кавалер ордена*, *офицер* и ряд других. Возрождение некоторых из таких слов сопровождалось изменениями в структуре их смыслового объема, в характере лексико-грамматических связей и в сфере употребления: *знаменщик* было сначала в одном ряду со словами *знаменосец*, *знаменосец*; затем в речи военнослужащих оно закрепилось лишь в значении «специальное лицо, на которое возложена почетная обязанность носить знамя в строю»; слово же *знаменосец* стало обозначать всякого, кому поручается нести знамя.

А. Н. Кожин отмечает, что лексико-стилистические процессы, описанные в монографии, имели весьма осязаемый резонанс в русском языке послевоенных десятилетий, «особенно в языке художественной литературы, представленной эстетическими ценностями, которые были созданы теми, кто не только видел войну, но и был ее участником».

Книга представляет собой глубокое научное исследование одного из важнейших этапов истории русского литературного языка, и хочется надеяться, что она не оставит равнодушными не только специалистов-языковедов, но и представителей более широкого круга любителей родного языка.

Н. В. Новикова

От знания — к пониманию, от понимания — к доверию

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
кандидат филологических наук

Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) хорошо известен и в нашей стране, и во многих десятках государств. Это массовое добровольное объединение советских общественных организаций, ставящих целью развитие и укрепление дружбы и культурного сотрудничества народов Советского Союза и зарубежных стран.

...Шел 1925 год. Минуло всего восемь лет после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Наше молодое государство только-только начало оправляться от последствий гражданской войны, голода, разрухи. Но уже тогда было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (сокращенно — ВОКС). Партия и правительство считали, что весьма важной и актуальной задачей нашей жизни, культурного строительства, миролюбивой внешней политики является ознакомление общественности СССР с достижениями науки и культуры зарубежных стран и популяризация культуры народов Страны Советов за границей.

От знания — к пониманию, от понимания — к доверию: этот принцип, положенный в основу отношений с самыми разными странами, оправдал себя на деле. Чтобы доверять друг другу, нужно лучше друг друга понимать, а для этого необходимо знать культуру, национальные традиции, исторические пути развития, истоки мировоззрения, языки. Не случайно поэтому, что ВОКС учитывало в своей работе необходимость изучения и распространения русского языка в других странах. Тогда, в двадцатые годы, начинать эту работу было не просто. Все же и в тот период ВОКС помогало обществам культурного сближения организовывать в некоторых государствах изучение русского языка. Например, именно при такой помощи общество «Друзья России» организовало изучение русской литературы и языка, а также русской истории в некоторых университетах и институтах Германии.

В 1958 году ВОКС было упразднено в связи с образованием Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубеж-

ными странами, а в конце 1985 года советская и зарубежная общественность торжественно отметили 60-летний юбилей ВОКС-ССОД.

Работа по пропаганде русского языка, помощи в его изучении — методической, кадровой, материальной (учебники, художественная литература, наглядные пособия, учебные фильмы) — остается и поныне одним из весьма важных направлений деятельности ССОД, получает новое развитие. В 1974 году в ССОД был создан специальный сектор русского языка. Его возглавляет специалист по русскому языку, опытный методист Нина Сергеевна Дремова. Корреспондент журнала «Русская речь» при подготовке этой статьи встретился с Н. С. Дремовой и попросил ее ответить на некоторые вопросы.

Как можно сформулировать основные цели работы сектора русского языка ССОД? Ведь существует специальный Институт русского языка им. А. С. Пушкина — головной учебно-научный центр по изучению и преподаванию русского языка как иностранного, имеются большие кафедры соответствующего профиля в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы, в Московском государственном университете...

— В работе ССОД есть своя специфика. Она заключается в том, что нашими партнерами за рубежом являются не государственные организации, такие, как университеты, институты, колледжи, а общества дружбы с Советским Союзом. Главная цель — оказание конкретной, действенной помощи курсам и кружкам русского языка, организованным при этих обществах.

Важна, например, задача повышения квалификации преподавателей — граждан зарубежных стран, работающих в обществах дружбы, а также — углубления знаний русского языка, полученных учащимися у себя на родине. Для этого мы предоставляем стипендии и принимаем преподавателей и слушателей на различные по продолжительности стажировки — в Институт русского языка им. А. С. Пушкина, в МГУ, в другие вузы. Наш сектор организует прием слушателей других стран и в «Летнюю школу русского языка» при Московском автомобильно-дорожном институте (в 1986 году эта школа открывается уже в двадцать пятый раз). В свою очередь и мы направляем квалифицированных советских преподавателей в помощь зарубежным курсам и кружкам русского языка.

Нина Сергеевна, в каких странах в настоящее время идет работа по обучению русскому языку с помощью ССОД?

— Изучение русского языка при содействии ССОД осуществляется в 88 государствах. Согласитесь, это число говорит само

за себя. За рубежом действуют 47 центров ССОД. Это — Дома советской науки и культуры, Советские культурные центры, где созданы нашими силами курсы русского языка. В Индии, например, изучение русского языка организовано в пяти центрах: в Дели, где есть Дом советской науки и культуры, в Бомбее, Мадраसे и Калькутте, где действуют Советские культурные центры, в Тривандруме — при Доме индийско-советской дружбы. Там есть и коллективы преподавателей и классы для занятий, и необходимое для уроков техническое оборудование, литература.

В социалистических странах изучение русского языка имеет широкую государственную основу, но и там большим подспорьем являются кружки русского языка при обществах дружбы, в которых занимаются десятки тысяч людей разных профессий и возрастов. Например, только в Чехословакии подобным образом изучают наш язык или углубляют знание его около 150 тысяч чехов и словаков.

Велик интерес к русскому языку, к нашей культуре в развивающихся странах. Скажем, в странах Латинской Америки по числу людей, изучающих русский язык при содействии ССОД, на первом месте — Колумбия. Занятия по русскому языку посещают около шестисот колумбийцев. Многие преподаватели таких курсов — граждане зарубежных стран — обучались русскому языку в советских вузах. Так, на Мадагаскаре курсами русского языка при Доме советско-малагасийской дружбы успешно руководит выпускник одного из московских вузов И. Ракутумапонжи.

Среди капиталистических стран Европы наиболее результативно и, пожалуй, наиболее массово преподавание русского языка ведется в Финляндии. Конечно, в этом сказываются традиционные отношения дружбы и сотрудничества, сложившиеся между нашими странами. Не случайно, что Финляндия — единственная страна Запада, где есть Дом советской науки и культуры. Русским языком в нем занимаются более четырехсот человек, а ведь эти курсы в Финляндии — одни из многих.

Слушая Нину Сергеевну, я вспоминаю свою недавнюю встречу с приехавшим в туристическую поездку в СССР мастером производственного обучения из Бельгии И. Дельфоржем. Он бегло говорит по-русски, владеет многими тонкостями русской устной речи, хорошо знает историю СССР, наше искусство, литературу. И. Дельфорж обучался в брюссельском Институте русского языка при Ассоциации дружбы «Бельгия—СССР», затем проходил стажировку в Институте русского языка им. А. С. Пушкина. «Я искренне, от всей души благодарен ССОД, моим советским

преподавателям в Бельгии и Москве за их огромный и непростой труд, за теплоту их души, за то, что они ввели меня в мир прекрасного русского языка», — говорил И. Дельфорж.

Не могли бы Вы привести конкретный пример какой-то новой формы работы, пример реализации идей по улучшению преподавания русского языка, осуществляемого при содействии ССОД?

— Сейчас мы планируем создание методического кабинета сектора русского языка ССОД. Мы стремимся больше заниматься методикой, дальнейшей разработкой теоретических основ преподавания русского языка с учетом специфики курсов ССОД. Это также необходимо и потому, что в ближайшее время в своей работе мы будем использовать такую новую форму обучения, как видеокурсы русского языка. С ней мы связываем большие надежды на повышение эффективности преподавания русского языка за рубежом. Над созданием теле- и кинокурсов мы работаем уже давно, добились неплохих результатов. А вот видеокурсы — дело новое и, надеюсь, перспективное.

В разработке новых форм обучения мы ориентируемся на последние достижения советской русистики. Для этого поддерживаем контакты с целым рядом кафедр, секторов русского языка, учреждений. Особенно тесное и плодотворное сотрудничество у нас налажено с Институтом русского языка им. А. С. Пушкина, причем наиболее интенсивную и интересную работу мы ведем совместно с сектором проблем краткосрочного обучения русскому языку, действующим в этом институте. Достаточно сказать, что вместе со специалистами из этого сектора мы провели уже десять научно-практических семинаров с конкретной проблематикой.

Какую помощь своим партнерам в зарубежных странах оказывает ССОД учебниками, учебными пособиями по русскому языку? Какие из них наиболее популярны?

— Помощь в этом мы оказываем немалую, имея на то достаточные средства и делая необходимые заказы в издательстве «Русский язык».

Основной, базовый для наших курсов учебник, созданный по заказу ССОД, — «Русский язык для всех», удостоенный Государственной премии СССР. По нашей просьбе он был усовершенствован: в него включены лингвострановедческий курс, вводно-фонетические уроки. Сейчас мы отправляем нашим коллегам в разные страны дополнительно 15 тысяч экземпляров этого полезного и универсального учебника. Не зря он и называется — «Русский язык для всех».

Конечно, работы в этом направлении — создании новых учебников и учебных пособий — еще много. Наша основная задача

сейчас состоит в том, чтобы максимально обеспечить методической литературой интенсивные курсы русского языка для взрослых с учетом специфики профессии, региона, языка, на котором говорят слушатели. Отрадно, что в издательстве «Русский язык» была создана специальная комиссия, которая вырабатывала перспективный план на 10—15 лет по удовлетворению потребностей зарубежных курсов русского языка, связанных с ССОД. Комиссия эта внимательно изучила все отзывы, чтобы в последующем создавать учебники и пособия максимально эффективные, удобные, полезные. Уже подписан и утвержден творческий план — «Основные тематические направления сотрудничества издательства «Русский язык» и ССОД на 1986—2000 гг». Мы постоянно помним о специфике групп учащихся, приходящих на наши курсы в зарубежных странах. — это школьники и студенты, рабочие и инженеры, пенсионеры и коммерсанты, журналисты и домохозяйки. Учебник «Русский язык для всех» зарекомендовал себя отлично, однако возрастную, профессиональную и языковую специфику нашей аудитории он, разумеется, полностью учесть не может. Это и невозможно для одного учебника.

Как вы понимаете, задач у методистов, ученых и у нас, сотрудников сектора русского языка ССОД, в этом плане много. Ведь пока еще дефицитом остаются пособия для так называемого «продвинутого» этапа обучения, то есть рассчитанные на тех людей, которые уже достаточно освоили русский язык. Не до конца решенной остается проблема необходимого количества (да и качества) наглядных пособий по русскому языку и страноведению — слайдо-тематических курсов, выставок, пособий для лингафонных кабинетов, схем и таблиц по русской грамматике.

Какие дополнительные формы работы можно назвать эффективными и популярными среди слушателей курсов и кружков русского языка при зарубежных обществах дружбы с СССР, при Советских культурных центрах?

— Эти формы настолько многообразны, что в кратком ответе их и перечислить-то непросто. Главное, на мой взгляд, состоит в том, чтобы они были связаны с традициями стран, учитывали возраст слушателей, их национальные особенности. Если для Японии необыкновенно популярны различные конкурсы, которые проводятся практически во всех отделениях общества дружбы (в них участвуют сотрудники газет, видные общественные деятели), то для Индии традиционными являются клубы по интересам — клубы Пушкина, Лермонтова, хоровые кружки. А вот в Непале, где слушатели курсов — в основном молодые люди, создаются и действуют дискуссионные клубы. Их участники обсуждают советские

кие книги, выставки, кинофильмы — так, например, происходит в венальском клубе «Юность», существующем уже много лет.

Во многих центрах ССОД за рубежом созданы клубы выпускников советских вузов. Это еще одна чрезвычайно полезная форма работы. А сколько можно было бы рассказать о художественной самодеятельности — ведь создаются даже любительские спектакли, устраиваются совместные встречи Нового года, празднования 1 Мая. Надо сказать, что занятия в художественной самодеятельности не только углубляют интерес иностранцев к русскому языку, но и сближают людей между собой — людей, которых в целом объединяет чувство дружбы и уважения, искреннего интереса к Стране Советов.

Каковы мотивы, причины, побуждающие столько граждан зарубежных стран — людей, разных и по возрасту, и по профессии, и по политическим убеждениям, религиозным верованиям, — к занятиям русским языком?

— Конечно, причины многообразны, и во многом зависят от индивидуальности самих слушателей, от специфики их стран. Но, главная причина, как я думаю, — место и роль Советского Союза на международной арене, наша последовательная миролюбивая внешняя политика, достижения в области науки и техники, богатейшая русская и советская многонациональная культура, искусство. Сошлюсь и на мнение самих зарубежных преподавателей русского языка и стажеров, например, приезжавших на стажировку в Институт русского языка им. А. С. Пушкина. Сандру Кьярантини из Италии — она живет во Флоренции — изучение русского языка привлекает возможностью читать произведения русской и советской литературы в оригинале. Роберт Майерсон — участник движения сторонников мира в США, для него русский язык — осязаемый символ мира, разрядки, борьбы за разоружение. Сусанна Добаль, преподаватель курсов русского языка общества дружбы с нашей страной из далекой Аргентины считает, что интерес к русскому языку неотделим от интереса к русской и советской культуре и литературе. По ее замечанию, многие слушатели курсов в капиталистических и развивающихся странах имеют к тому же отношение к деловым, например экономическим, контактам с СССР. Многие люди предполагают стать переводчиками, поэтому, например, уклон курсов русского языка при представительстве ССОД в Исландии, в Рейкьявике, где они вообще являются единственным местом по изучению русского языка в этой стране, — именно переводческий. При этом многие исландцы хотят стать переводчиками как бы для самих себя, не преследуя цели сделать это своей профессией.

С какими обществами и ассоциациями дружбы в зарубежных странах у ССОД сложились особенно устойчивые, продуктивные связи и контакты в плане преподавания и изучения русского языка?

— Таких стран довольно много. И это хорошо! Конечно, в первую очередь — все социалистические государства. Достаточно сказать, что одними из основных организаторов международных конгрессов МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы), проводящихся в социалистических странах, являются именно общества дружбы.

В странах Африки у нас особенно успешно идет работа с обществами дружбы в Конго, Эфиопии, на Мадагаскаре. На Ближнем и Среднем Востоке — с курсами русского языка в Алжире, Афганистане, Сирии, Тунисе, Южном Йемене.

В Азии весьма продуктивны наши контакты с коллегами из Индии, а также Лаоса и Кампучии, где курсы русского языка развиваются чрезвычайно интенсивно.

Среди наших партнеров на латиноамериканском континенте хотелось бы упомянуть коллег из Мексики: там ведутся радио- и телекурсы русского языка.

В странах Западной Европы очень активно сотрудничают с нами русисты из Финляндии, есть у нас плодотворные контакты с коллегами в Италии, Франции, Австрии, Люксембурге, Португалии, Греции.

¹ Очень актуальны сегодня слова, сказанные Фридрихом Энгельсом: «Знание русского языка,— языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы,— теперь уж не такая редкость...»

Русский язык действительно заслуживает широкого изучения и распространения. И не последнюю роль в этом играет Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. От знания — к пониманию, от понимания — к доверию. Это — стержень всей его работы.

Обозначение цвета в древнерусских «Травниках»

М. В. ПИМЕНОВА

Представление о народных взглядах на окружающий мир цветов и цвета дают «Травники» — оригинальные, непереводные памятники XVII—XVIII веков, содержащие описания целебных трав и накопленные к тому времени сведения об их практическом использовании.

«Травники» выделяют лекарственные растения с учетом их места произрастания («возле камешных бугров», «при болотницах», «на доброй земле», «при реках», «на раменских местах»), величины, или «ро-

ста», целебной травы («в локоть», «в перст», «в пядь»), особенностей корня («велик, толст, глубоко в землю растет»), формы листьев («листочки круглы, что капуста», «листочки крестиками, что рябиновые»), их количества у растений («два листа по сторонам», «4 листа»), имеет значение даже цвет венчика, корня, плода, стебля, листьев.

Цвет — это отличительный признак, прежде всего бросающийся в глаза, поэтому в списках «Травников» встречается значительное количество цветообозначений, которые отражают реальную окраску целебных трав. Естественно, самыми яркими красками рисуются венчики цветков лекарственных растений: «цвет рудожелт», «цвет снись», «цвет красен или желт», «цвет багров», «цвет черлен», «цвет ворон» и т. п. Корень растения описывается, как правило, тремя красками: *черной* («корень толст черен»), *белой* («корень бел, что волокно белое»), *желтой* («корень жолт»). Четырежды встречает-

ся указание на цвет плода лекарственной травы: «ягодка черненка красновата», «пшнечки на нем желтенки», «ягоды голубы», «ягоды на ней вороны».

Цвет листьев и стебля обозначался в «Травниках» довольно редко, причем прилагательное *зеленый* встречается только в одном примере при описании листьев мать-и-мачехи: «сверху лист зелен и гладок, снизу бел и пушок». В остальных случаях листья и стебель характеризуются при помощи цветообозначений *синий* и *голубой*: «Трава ребинка (ширма) растет в стрелу, листочки сини», «Есть трава маточник (лимоная мята), растет по старым местам, собою синя, пшечки кусточки сини жь», «Одолень (кувшинка) растет при реках, собою голуба». Можно предположить, что определения *синий* и *голубой* применялись к описанию зелени в том случае, если листья или стебель травы имели синеваголубой оттенок, отличный от окружающей растительности. Цветообозначение *зеленый*, которое могло быть применено к каждой целебной траве, не выступало в качестве дифференцирующего признака, будучи «фоновым» цветом. Поэтому оно так редко употреблялось.

В рукописных «Травниках» *синий* мог обозначать различные оттенки фиолетового цвета, а в более поздних списках

фиолетовый цвет передавался при помощи двух красок — *синей* и *красной* — «Есть трава богородицкая, родится как дикая мята, цвет на ней сий и красен» (так определяется фиолетовый венчик лекарственного растения *чебрец*). Этот пример свидетельствует о том, что переписчик «Травника» уже выделял *фиолетовый* как особый цвет, но так как специального слова еще не было, то он передавал смешанный красно-синий цвет сочетанием двух цветообозначений.

В «Травниках» встречаются древние цветковые прилагательные, вытесненные впоследствии другими обозначениями цвета. Так, при описании травы «царь архангел» употребляется прилагательное *червленый* (оттенок красного цвета), на месте которого в ряде списков выступает цветообозначение *черный*. Подобная замена объясняется, вероятно, тем, что *червленый* являлось для этого времени архаичным, переписчики плохо представляли, какой цвет обозначало это слово, поэтому заменяли его более понятным цветовым прилагательным *черный*. Название смешанного красно-желтого цвета — *рудожелтый* («цвет рудожелт») — со второй половины XVIII века стало вытесняться французским заимствованием *оранжевый*, а в XIX веке цветообозначение *рудожелтый* почти окончательно исчезло (Ба-

хилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975).

В некоторых «Травниках» употребляется прилагательное *вороной* («черный с низким оттенком» — В. И. Даль), которое в древнерусском языке использовалось не только для обозначения конской масти, но и для определения цвета вещичка, плодов лекарственных растений: «Трава перенос собою мала, цвет ворои»; «Есть трава именов вороиц, собою низ-

ка, что капуста, ягоды на ней вороны».

В ряде списков прилагательное *красный* употребляется в архаичном значении «красивый, прекрасный»: «трава красна собою, листочки красны видом». В более поздних «Травниках» *красный* начинает выступать в роли цветообозначения, вытесняя прилагательное *багровый*.

Прилагательное *белый* могло иметь значение «светлый» при противопоставлении *темному* (а не *черному*): «Есть трава ужик (заячья капуста), листов 8 или 9, белы или темны».

В отдельных списках встречаются редкие, оттепочные обозначения цвета, например: *малиновый*, *вишневый*, *красивый*, *глинистый*, *ржавый*. «Есть трава небытая, цвет на пей ржавой», «Равдека ростом в локоть, цвет малиновой или глинистой», «Есть трава завилк, цвет крапивной», «Плакун растет по дугам, цвет вишневой».

Цветовые оттенки могли обозначаться не только специальными наименованиями, но и путем использования словообразовательной модели типа *красоват* («цвет багров или красоват», «корень цветом желтоват», «цвет синеват», «собою голубоват»). В отдельных случаях оттенков цвета определялся при помощи сложных прилагательных («цвет красновишневой», «ягоды красновишневые», «цвет темновишневые»).

Следует сказать, что некоторые лекарственные растения описываются без обозначения цвета, причем часть из них является «бесцветной» во всех списках «Травников». Таковы, например, *крапива* («походила на конопельцо, добра она пити в укусе»), *попутник* («растет по пути, листочки подле землю, как капуста, вверх сторожек»), *железняк* («растет по

пригоркам, и как вырастет, то верхним концем обоприся в землю»), а также *полянн*, *верес*, *собачий язык* и др.

Некоторые целебные травы «раскрашены» частично: указана только расцветка венчика («есть трава именем прострел (подснежник), растет при борах с вьозь снек, цвет на ней синей, велми хорои»); обозначен только цвет плодов («трава полевой хмель растет по полям, шишечки на нем желты»); иногда определена лишь цветочная «примета» стеблей растения («трава ковыль растет при полях диких, сама бела, растет кустиками, что бellow шелк розметываетца»).

Вместе с тем описание одной травы — «царь архангел» — поражает богатством красок: «Есть трава царь архангел, видом синяя, по сторонам по девяти листов червленых, вверх 4 цвета: красной, зеленой, багровою, синей». В описании одного этого растения собраны все самые яркие цветообозначения.

Чем объяснить такую неравномерность в распределении обозначений цвета? Для ответа на этот вопрос сравним древние и современные описания некоторых лекарственных трав. Вот, например, *попутник*, который определяется П. Анненковым (М., 1859) как *подорожник большой*: подорожник имеет зеленые листья, бурый венчик и прицветники, то есть он

ничем не выделяется на общем зеленом растительном фоне. Это же относится и к *краниве двудомной*. Вероятно, и другие «бесцветные» травы не обладают какими-либо бросающимися в глаза цветовыми особенностями. Кроме этого, и подорожник, и кранива были настолько хорошо известны, что не

нуждались в подробном красочном «портрете». Напротив, «царь архангел» — это «сказочная трава, собираемая (как и небывалый цвет папоротника) в ночь на Иванов-день, на 24 июня, и охраняющая от сглаза, порчи и пр.» (В. И. Даль). Фантазия автора при описании этой сказочной травы была ничем не связана, растение отсутствовало в реальной действительности — это способствовало возникновению кра-

сочно-фантастических цветосочетаний.

Обозначение цвета в древнерусских «Травниках» свидетельствует о народном характере этого текста, а также дает богатый материал для реконструкции лексико-семантической группы цветообозначений XVII—XVIII веков.

Владимир.

Рисунки В. Мирошник

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В разговоре со мной врач употребила слово *ятрогения*. Что оно означает?»

Е. Д. Шипучева, Киров

Ятрогения — слово иноязычного происхождения от греческого *iатros* — врач и *геннаб* — порождать. Оно имеет следующее значение: заболевание, возникающее как реакция на неправильно истолкованные больным слова или поведение врача, прочитанную медицинскую литературу.

Скаредный пьяница

И. А. КОНДАКОВА

Некоторые слова русского языка отличаются особым смысловым многообразием. Каждое из них имеет неповторимую историю развития и формирования, расширяя, сужая или изменяя с течением времени свое первоначальное значение. Эти особенности родного языка широко использовались в произведениях древнерусской литературы.

Среди других общественных пороков, подвергавшихся обличению, древнерусские писатели высмеивали «зборища идольские», пиры и хмельные празднества.

Митрополит Кирилл, один из авторов правоучительных сочинений XIII века, порицая современные ему нравы, писал, что в праздничные дни «...с свистаньем и с клнчемь и воплемь съзываюте неки скаредныя пьяница и бьющесе дрьколсемь до самыя смерти и възимающе от убиваемых порты...» (Текст памятника см. в кн.: Шевырев С. П. История русской словесности, т. I. СПб., 1858).

Почему же пьяницы названы «скаредными»? Какие человеческие пороки подразумеваются автором под этим словом?

Синонимами к *скаредный*, объясняющими его значение, в современных толковых словарях русского языка приведены слова *жадный, прижимистый, скряга, скопидом*. Таково привычное нам понимание этого слова, не дающее ответа на поставленный вопрос.

Обращение к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля (М., 1980) влечет за собой первое маленькое открытие: подтверждается бытование и употребление слова *скаредный* среди обиходной лексики вплоть до XIX века в его более древнем значении — «гнусный, мерзкий, отвратительный».

Именно так понимал слово *скаредный* и Г. Р. Державин, употребив его в стихотворении «Раскаяние» в соответствующем лексическом окружении:

Невинность разрушил я в роскошах забав,
Испортил разум свой и непорочный нрав.
Испортил, развратил, в тьму скаредств
погрузился,
Повеса, мот, буян, картежник очутился.

В Словаре В. И. Даля упоминается также устаревший теперь глагол *скаредовать* в значении «гнушаться, брезговать, пренебрегать».

Редко употребляемое в наши дни прилагательное *скаредный* воспринимается нами уже в более позднем значении — «в высшей степени жадный», не противоречащем, однако, его древнему смыслу — «гниусный, скверный, мерзкий, гадкий». Ведь порок чрезмерной скупости человека всегда вызывает по отношению к нему именно такие чувства — отвращение, брезгливость (вспомним всем нам известный образ Плюшкина в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»).

Некоторые исследователи в прошлом, среди них В. И. Даль, высказывали предположение о смысловой синонимии слов *скаредный* и *скверный*, о правомерной их взаимозаменяемости. Подтверждение этой мысли мы находим в «Слове о братолюбии и дружбе» в правоучительном сборнике XIII века «Пчела». Коварный, «лукавый» друг в нем сравнивается со «скверным и скаредным брашном» (пищей), которое приписит человеку большой вред (текст памятника см. в кн.: Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. 25, М., 1857).

Употребление *скаредный* в значении «скверный» подтверждают и данные словарей — «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского (М., 1910—1914) и «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (М., 1971).

Древнерусское слово *скаредъ* восходит к праславянскому *skarędъ, родственному древнеиндийскому ava—skaras, имеющему значение — «нечистота, мерзость». Употребление слова *скаредный* в названном значении в родственных славянских языках подтверждает его более древний изначальный смысл. Чешское и словацкое škaredý, то есть «отвратительный, гадкий». Луужицкое škarejeda — «грязь, нечистота».

Древнерусское слово *скверный* определялось достаточно однозначно — «нечистый, мерзостный». Старославянское *skvъrna*, восходящее к праславянскому *skvъrna*, в некоторых исследованиях сближается с латинским *squarrosus*, *squarrosus*, то есть «паршивый, шелудивый, покрытый струпами, нечистый». А в чешском слово *skvna* обозначает «порок, пятно».

В древнерусском языке встречались и такие слова, как *сквернословец* и *сквернодей* с корнем *скверн* в том же значении, что делало их достаточно прозрачными по смыслу.

Все это позволяет говорить о едином смысловом синонимическом ряде, в котором наравне со словами *скверный*, *отвратительный*, *грязный*, *смердный*, *развратный* и другими, подобными им по значению, употреблялось слово *скаредный*.

Таким образом, выражение *скарედный пѣаница* в приведенном древнем тексте не случайно выбрано древнерусским писателем, ибо за словом *скарэдный* читатель видел определенное отношение автора к конкретному человеческому пороку — пьянству, вызывавшему у людей на всех этапах развития общества вполне понятное чувство отвращения. Как видим, одно слово русского языка порой способно передать тончайшие оттенки мысли там, где для ее выражения в другом языке потребовались бы целые фразы.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что значит выражение „вправить мозги?“»

М. К. Кожухов, *Елизово, Камчатской обл.*

Вправить — «вставить, ввести на свое место» (обычно о вывихнутых суставах, конечностях, челюстях и т. п.). Например: вправить плечо, вправить налец.

Вправить мозги — переносное просторечное выражение — «заставить кого-нибудь поступать правильно, более разумно».

«На каком слого надо ставить ударение в слове *танцовщица*?»

И. В. Кузнецова, *Кривой Роз*

«Орфоэнический словарь русского языка» (М., «Русский язык», 1983) приводит слово *танцовщица* с ударением на гласном *о*, т. е. *танцѳвщица*.

Из бытового словаря Древней Руси «Каков женишок, таков его и сапожок»

Г. В. СУДАКОВ,
доктор филологических наук

Большия да малыя обуви...

Слово *обувь* употребляется во всех славянских языках и в русской письменности известно из самых древних текстов. Оно являлось родовым названием и даже служило счетной единицей при перечислении обуви. Так, в устюжской таможенной книге за 1650 год записано: «65 обувей сапогов телятнинных большия да малыя пятеры обуви».

В старом русском языке нередко встречается слово *обутка* (*обуток*), особенно частое в северных местах. В одной вологодской челобитной 1645 года так рассказывается о несчастной доле женщины, выданной замуж в дальнюю деревню: «Тот Лазарь и свекор ея Григорей не кормит хлебом и одежи и обутки на нея не кладут. А нынечи тот ея муж Лазарь сшел безвестно и хлеба и соли и одежи и обуви на нея не оставил». Важское *обуток* и северо-восточное

обуй, обуя — факты разговорной речи XVI — XVIII веков. В книжной речи Московской Руси встречаются наименования *обуевние, обуель, обуца* (подробнее об этом см. кн.: Л. П. Жуковская «Текстология и язык древнейших славянских памятников». М., 1976, с. 336—338).

«Лапти сплел да и концы схоронил»

Упоминание о лапотниках, то есть людях, обутых в лапти, в «Повести временных лет» под 985 годом позволяет относить появление этого слова к древнерусскому периоду, хотя в текстах оно фиксируется с XIV века. Роль этого вида обуви в быту крестьян донациональной России часто преувеличивается, хотя лапти в старомосковский период действительно носили на всей русской территории. Плели их из коры деревьев. По материалу различались *лычине* и *липовые* лапти. Это была рабочая обувь (лапти и до сих пор еще надевают во время сенокоса в сырых местах, потому что они удобны, легки, не задерживают и не впитывают воду в отличие от другой современной обуви), но носить их постоянно могла заставить человека только крайняя бедность. Поэтому неудивительно, что в древней письменности сапоги, в отличие от лаптей, выступают как символ обеспеченности: «Ужо де здесь и иконник стаен лапти плести и я то вижу пад собою что из сапогов в лапти обуваюсь» (Челобитная XVII века из Калуги).

Выражение «отец твой лаптем щи хлебал» по указу о бесчестьях 1700 года считалось одним из самых сильных оскорблений.

В «Молении Даниила Заточника» упоминаются *лыченицы*, тоже лапти: «Лучше бы ми ноги своя видети в лыченицы в дому твоём, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе». Известный историк языка Ф. П. Филип считал, что это название пришло в наш язык из польского.

Лапти, сплетенные из конского волоса, назывались раньше *волосьяниками*, их носили в Тихвине, Вологде, Ярославле, но производились они исключительно в Ярославле. Правда, после XVIII века волосьяники стали носить и в других местах.

Из бересты плели *берестяники*. Может быть, вначале их изобрели в Вологде, поскольку это название известно только по вологодским приходно-расходным книгам 1664—1665 годов. Зато в национальный период такие лапти замечены в вятских, ярославских, владимирских, псковских и смоленских деревнях. В Сольвычегодске для обозначения пары лаптей употреблялось сочетание *лапти дружки*.

Рост имущественного неравенства в крестьянской среде, нарастающее обнищание русской деревни до революции вскоре при-

вело к тому, что лапти как самая дешевая обувь из рабочей превращается в повседневную, а в центральных промышленных и черноземных областях даже в праздничную и обрядовую обувь.

Искусство плетения лаптей отражено и в пословицах: «Лз не вяз и содрав лыко не сплести лаптей», «Каншира в рогожи нас-обшила, а Тула в лапти обула», «Лапти сплел да и концы схоропил».

«Наряжу гречанку в желтые сапоги...»

Сапоги — так называлась кожаная обувь с голенищами. Название зафиксировано в древнейших русских текстах, считается заимствованием из иранских языков. Судя по разнообразию названий, они (сапоги) предназначались и для специальных видов работы (*ловчие, баламутные* — для рыбной ловли, *дорожные*, а у царских банщиков даже *мошные сапоги*), и для повседневного употребления, причем названия указывают на место изготовления: «сапоги могилевской работы», «сапоги немецкие», «польские сапоги» и др. Шили их самых разных форм, но долгое время — на одну колодку. Ношение сапог *кривых* и *полукривых*, то есть шитых отдельно для левой и правой ноги, было привилегией женщин, такие сапоги украшались подвязками. Подобная обувь на мужчинах вызывала всеобщее осуждение: «Тот дьяк живет не по монастырскому чину: ходит в церков в кривых башмаках а сапоги носит с подвязки» (челобитная 1671 г. из Вологодского уезда).

Сапоги, сшитые из целого куска кожи, важане (жители Важского уезда) называли *исцеловыми*. На Вологодчине сапоги, сшитые из свиной кожи с неопаленной щетиной, именовали *ощетнями*.

С 1583 года фиксируется в текстах слово *притачки* (оно было представлено на западной и севернорусской территориях, в XVII веке распространилось до Рязани). Шили *притачки, притачивал* куски кожи друг к другу встык, вплотную. Эта обувь предназначалась на случай ненастной погоды, использовалась как рабочая. С XVI века известны и *пришвы* — сапоги с *пришивными* голенищами. Вот пример из расходной книги Карельского монастыря 1563 года: «Сапожник шил трои сапоги ловчия изцелныя, пришвы ловчия да двои изцелныя красные да белые, да десятеры пришвы». Такие сапоги в Великом Новгороде, Тихвине, в бассейне реки Онеги и в нижнем Подвинье называли *пришитками*.

Названия *подшивки* и *подшитки* указывали на характер шивания деталей при изготовлении сапог, это тоже северные слова. Сапоги с пришитыми *головками* естественно именовали *сапоги голловы*, а обувь с длинными голенищами, которую носили рыбаки, называли *долгарями*.

Единственное наименование сапог по цвету материала *желтики* отмечено в московском судебном деле 1639 года: «Наряжу де я курку свою гречанку в желтые сапоги да в шулку... да и сама де царица недорога злати се коли она хаживала в желтиках». В то время модной была цветная обувь, особенно красная, а некрашенная обувь имела естественный цвет кожи — желтый.

Рабочие сапоги под названием *уледи* (*уледни*) шились из дубленой или просмоленной кожи; широкие голенища прижимались к ногам с помощью ремешковых «обер». Уледи носили только на севере России и в Сибири. Само название усвоено, вероятно, из языка коми.

Грубая обувь из сыромятной кожи и вообще любая грубая и неуклюжая обувь получила на Севере название *упаки*. В словарице, составленном в Великом Устюге в 1757 году, *упаки* толкуется как «уледи, обутки из сырой кожи».

Близки к упакам по покрою *ходоки*. Сходство их подчеркивается смысловым сближением названий в следующем отрывке из судебного дела, рассмотренного в Торжке в 1699 году: «Приехал к ним в деревню с Белой горы старец, а как ему имя, того он не ведает, и сказал той деревни всем жителям: лежит де подле дороги упоки да кафтан, а человека никого не видать, и он де Федка да Якимко Петров по его старцовым словам, где он им сказал, ходили искать и на пустоши де Иванкове подле дороги нашли кафтан его Демкин синий да ходоки да бердыш и тот де кафтан и ходоки в лесу они схоронили». Слово *ходоки* до сих пор живет в русских народных говорах.

В старомосковских актах зафиксирован полонизм *чижмы* — сапожки турецкого покроя, они были вытяжными, т. е. в подъеме вытянуты, а голенища и перед составляли одно целое. Чижмы носили южные и западные славяне, в России они распространения не получили.

Башмаки козловые, сафьянные, бархатные...

Слово *башмак* заимствовано из тюркских языков. Так называли обувь без голенищ. Первое упоминание о башмаках относится к началу XVI века, но и в XVII веке (1-я половина) *башмаки* отмечаются только в описи обуви состоятельных людей, причем названия свидетельствуют, что они изготовлялись из различных материалов (сапоги *телятнинные, козловые, сафьянные, бархатные*) и имели довольно широкую цветовую гамму (красные, алые, лазоревые, рудожелтые и т. п.). Во второй половине XVII столетия их начинают носить представители всех сословий, но преимущественно горожане.

Глубокий башмак на каблуках, с острыми, загнутыми вверх носками назывался *чебот* — это тюркское по происхождению слово фиксируется в письменности, начиная с 1489 года. Мужские и женские чеботы изготовлялись из бархата, сафьяна, атласа, то есть из дорогих материалов, поэтому отмечаются лишь при описании царского быта. В украинском языке донационального периода слово *чеботы* имело более широкое значение — «добротная мужская и женская обувь с долгими голенищами», и заменяло распространенное в русском языке название *сапоги*.

Разновидностью кожаных мужских башмаков или полусапожек (иногда с опушкой) были *коты*. Название заимствовано из языка коми и фиксируется с начала XVI века; представлено оно лишь в Сибири и на севере России. В конце XVII века *коты* проникают на среднерусскую территорию и на юг, причем становятся преимущественно женской обувью. В словарях XVIII века *котами* называют крестьянские башмаки с высокими передками, обтянутыми ремнями.

Чарки — еще один тип башмаков, первые упоминания о которых относятся ко второй четверти XVII века, вначале — в мангазейских таможенных книгах, а затем в великоустюжских, холмогорских, сольвычегодских, якутских и томских источниках. Вариант *чарыки*, известный по письменным источникам, мог быть заимствован и из южных тюркских языков. Для южнорусской и среднерусской зоны чарки так и остались малоизвестным элементом быта, зато в севернорусских областях их знали очень хорошо.

Дважды заимствовали русские тюркское слово *чирики*: вначале как название единицы измерения, равной русской четверти (XV век), а затем (XVI в.) — как название мягкой обуви без голенищ из сафьяна или другой кожи. Правда, слово сохраняется лишь как донской диалектизм, но некоторое время в просторечии звучали его производные *чирки*, *чиры*.

Черевки — обувь с высоким подъемом и каблуками, шили ее из тонкой шкуры, снятой с живота зверя (вост.-слав. *черево* — живот). В старорусский период название употребляется редко, но к XIX веку под влиянием украинского языка становится широко известным.

Более знакомы нашим предкам *ступни* — невысокие башмаки для улицы. Шили их из кожи овец, телят, нерпы, по носили реже, чем сапоги. Начиная с XVIII века кожаные ступни на севере и в Подмосковье используются как женская обувь (в остальных местах так называли рабочую обувь, плетеную из бересты или лыка).

Простую повседневную обувь без голенищ или с короткими голенищами называли *багилами*. Степана Разина везли на казнь,

как сообщает очевидец, «в кафтанишке в черном в сермяжном да в чюлках белых, да в бахилках в салдацких». Бахилы были хорошо известны в сельской местности и позднее.

Рабочая обувь в зависимости от климатической зоны и хозяйственных занятий населения отличалась на разных территориях своим внешним видом. В Московской Руси особенно популярны были *поршни* — башмаки, гнутые из одного или двух кусков кожи, их привязывали к ноге ремнями. Обувь эта была настолько привычной для населения северных областей, что в 1641 году вологодский архиепископ был вынужден распорядиться: «Досмотреть у попов и заказ им учинити чтоб им сырых их коровьих поршен не носити и в таких поршнях в церковь в олтарь не ходити и о том заказывати старостам церковным накрепко опе ходят в таких скверных обуцах во святыхице». Поршни не имели каблуков, их делали из сырой или дубленой кожи, пропитывали ворванью, голенища опушивали, обувались они на чулки, а к ноге привязывались бечевками. В разных местах они имели особенности в покрое, что отражено в названиях *поршни каргопольские*, *каргополы*, *поршни карельские*, *поршни стречни*. В поршнях работали на скотных дворах, на соляных промыслах, их носили в ненастную погоду, в них ходили в лес. У бедноты это была повседневная обувь: «Ерема в лаптях, Фома в поршнях» (Повесть о Фоме и Ереме). Известно, что на Соловках *поршнями* называли и куски кожи, заготовленные для шитья обуви.

Происхождение слова *поршни* окончательно не выяснено. Одни связывают его с *порт* — «лоскут», другие — с диалектным словом *порхлый* — «рыхлый, мягкий», третьи — с глаголом *рушати* — «двигать». Но если учесть, что первоначально слово отмечается лишь на северо-востоке европейской части России, в зоне активных контактов русских с финно-угорскими аборигенами, то можно думать, что обувь, шитую из грубо выделанных кож, русские переняли у финнов или коми, в языке которых *порс* имеет значение «свишня, поросенок».

Из-за жесткости материала и особого способа крепления на ноге эта обувь имела неразгибающиеся складки — морщины, отсюда ее русское название *моршень*. Правда, допустима и аналогия со словом *морх* — кисть, завязка. Взаимосвязь структуры слов *поршень* и *моршень* несомненна. Именно *моршень*, как появившееся раньше (имя собственное Моршень известно со второй половины XIII века), определило структуру слова *поршень*. Внешний вид, назначение и даже цепа *поршень* и *моршень* совпадали: «Купил четверы моршни пешытые дал 3 алтына з денгою... купил четверы поршни дубленые пешытые дал 3 алтына 3 денги» (из расходной

книги Важского Богословского монастыря за 1599 г.). В дальнейшем *моршень* как название обуви утрачивается, а *поршень* в народных говорах употребляется до сих пор.

Пока остается загадочным слово *скрешни*, которое встретилось в актах Корнильево-Комельского монастыря XVII века. В костромских говорах оно являлось названием обуви, сделанной из старых сапог с обрезанными голенищами. В. И. Даль считал, что *скрешни* — от *скроботати* — «стучать, шаркать», но от *скроботати* образовано более правильное *скроботень*, тоже известное в говорах, например в калининских. Может быть, *скрешни* — от *скрецивать*, при таком способе шитья края кожи накладывались один на другой, скрещивались и прошивались сквозным швом.

Близкое к рассмотренному наименование *стречни* (*стрешни*) образовано от *встретить*, *встречный* (в говорах *стречный*, *стрешный*). Внутренняя форма этого слова указывает на способ заделки шва при изготовлении обуви, когда края кожи сдвигаются навстречу друг другу и пришиваются встречным швом. Стречни носили на севере России: «Купил малому Еске поршни стреченки» (из приходно-расходной книги вологодского архиепископа 1632 г.).

Древнее слово *скорни* — от *скура* — «шкура, мех». В русском языке *скорни* употреблялось лишь в старом Ростове: «Дворишко бобыля Тимошки Иванова сына Недошвина подшивает скорни» (из переписной книги Ростова Великого за вторую половину XVII в.). Более известно оно в староукраинском и в старопольском языках, в болгарском *скорнями* и сейчас называют сапоги.

Как видим, обувь на Руси была чрезвычайно разнообразной, предназначенной на все случаи жизни, и все ее названия в одной статье описать невозможно. Предназначалась ли она для работы, служила ли повседневной или праздничной, из дорогих или простых материалов изготовлялась, наконец, кто ее должен был носить — бедняк или богатый, холод или господин — на все эти вопросы отвечают нам памятники письменности, помогая понять жизнь и быт прошлых поколений. Живой ум наших предков дошел до нас и старые пословицы, одна из которых гласит: «Каков женишок, таков его и сапожок».

Вологда

Рисунок Ю. Папинартовой

Н. И. Новиков — русский издатель XVIII века

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ,
доктор филологических наук

«Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокой гражданской страстью — разливать свет образования в своем отечестве. И он увидел могущественное средство для достижения этой цели в распространении в обществе страсти к чтению», — так писал о Новикове великий критик В. Г. Белинский (Соч., т. 3, М., 1941).

Родился Николай Иванович Новиков 8 мая 1744 года в селе Тихвинское-Авдотьино, неподалеку от Москвы. Систематического образования ему получить не удалось. Он проучился несколько лет в гимназии при Московском университете, затем некоторое время провел на военной службе. В 1766 году, будучи унтер-офицером Измайловского полка, издал небольшую книжку с таким длинным названием: «Дух Пифагоров, или Нравоучения его, состоящая в золотых стихах, в письме, посланном сим великим философом к Гиерону Сиракузскому владетелю, и из малых остатков из его писем, сохраненных через его учеников и последователей». Эта брошюра в 33 страницы была напечатана в типографии Сухонутного кадетского корпуса. Так началась его издательская деятельность. Читательская публика дебюта не заметила. Имя Новикова стало известно лишь несколько лет спустя при следующих обстоятельствах.

В первых числах января 1769 года в книжных лавках Петербурга появилась тоненькая книжка-журнал под заглавием «Всякая всячина». На титульном листе под названием было напечатано: «Сим листом бью челом; а следующая впредь изволь покупать». Действительно, первый выпуск «Всякой всячины» раздавался читателям бесплатно.

Вскоре в литературных кругах столицы стало известно, что журнал издается самой императрицей и в нем помещаются ее сочинения. В первом номере журнала царица намекнула на возможность появления у него «потомства». «Дети» и «внуки» не замед-

лили появиться. В мае 1769 года вышел в свет журнал Н. И. Новикова с характерным названием — «Трутень». На его титульном листе выделялся эпитафия — «Они работают, а вы их труд ядите». И название, и эпитафия недвусмысленно заявляли о сатирической направленности журнала. Он быстро приобрел популярность у читателей, моментально раскупался, не залеживаясь на прилавках магазинов. Об издателе заговорили, его имя стало широко известно.

О чем писал журнал? Например, о жестоком помещике Безрасуде, который «болеет мнением, что крестьяне не суть человеки... Бедные крестьяне любить его, как отца, не смеют, но почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем, едва имеют дневное пропитание...»

А вот образец сатирических «объявлений» «Трутня»: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенно свиньей, желающие смотреть, могут его видеть безденежно по многим улицам города».

Екатерину II это «объявление» разгневало. «Всякая всячина» сделала выговор «Трутню». Новиков не остался в долгу: «Госпожа „Всякая всячина“ на нас прогневалась,— писал он,— и наши правоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуместь не может». Это был непрямой намек на немецкое происхождение русской императрицы, которая так и не научилась грамотно писать по-русски.

Екатерина II повелевала «иметь за издаваемыми листами самое строгое наблюдение» и представлять ей на просмотр до передачи журнала подписчикам.

Цензурные преследования заставили Новикова прекратить издание. Прощаясь с читателями, он писал: «„Трутень“ с превеликой печали по кончине своих современников и сам умирает».

Прошло, однако, всего два месяца, и в продаже появился новый новиковский журнал — «Пустомеля». Здесь было напечатано «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Дениса Ивановича Фонвизина (1744—1792), в котором читатель познакомился с такими мыслями:

Поны стараются обманывать народ.
 Слуги дворцового, дворцкие господ,
 Друг друга господа, а знатные бояря...
 Нередко обмануть хотят и государя...
 Что дурачье здешний свет, то всякий понимает,
 А для чего он есть, того никто не знает.

«Пустомелю» закрыли. Но Новиков не собирался сдаваться. В апреле 1772 года вышел «Живописец», в одном из номеров которого был помещен «Отрывок путешествия в*** И*** Т***». Описывалась совершенно разоренная помещиком деревня: «Бедность и рабство повсюду встречались со мною в образе крестьян», — писал анонимный автор, в котором один исследователь видел самого Н. И. Новикова, а другие — молодого А. Н. Радищева.

Последний сатирический журнал Новикова «Кошелек» вышел в свет в июле-сентябре 1774 года. К этому времени 30-летний Николай Иванович стал уже известным книгоиздателем. Свой новый журнал он посвящает — «Отечеству моему...» И не случайно. Именно в эти годы он выпускает книги и журналы, знакомившие читателей с наметками истории и культуры России. Среди них — журнал «Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: российския посольства в другия государства, редкия грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многия сочинения древних российских стихотворцев».

В те же годы Новиков издаст древнейшее русское географическое сочинение — «Книгу Большому Чертежу», а также «Опыт исторического словаря о российских писателях», «Краткую повесть о бывших в России самозванцах» М. М. Щербатова.

В 1773 году Новиков организовал первое в России кооперативное издательство — «Общество, старающееся о напечатании книг». Существовало оно недолго и выпустило всего 18 изданий. Но среди них — первый русский перевод «Путешествия Гулливера» Джона Свифта, комедии Карло Гольдони «Домашние несогласия» и «Лжец», трагедии Корнелия, «Записки о походах в Галлию» Гая Юлия Цезаря, «Омировы творения» — первый, пока еще прозаический, перевод «Илиады» великого Гомера. И еще одна книга — «Размышления о греческой истории, или О причинах благоденствия и несчастия греков; сочинение г. аббата де Мабли». Перевел ее 24-летний Александр Николаевич Радищев (1749—1802).

В 1779 году Новиков переезжает в Москву и берет в аренду

университетскую типографию и книжную лавку при ней. Типография давала большой убыток. Новиков привел ее в порядок, и она стала приносить немалый доход. Обновились и «Московские ведомости» — газета, издававшаяся университетом. Число подписчиков увеличилось с 600 до 4000.

Ежегодно Новиков выпускал до 80-ти названий книг. Среди них — учебники и труды профессоров университета, сочинения по домоводству и медицине. Это и произведения российских писателей — «Собрание разных сочинений в стихах и прозе покойного статского советника Михаила Васильевича Ломоносова, в пользу и употребление российского юношества, обучающегося стихотворству» (1787), «Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, ... Александра Петровича Сумарокова» (1781—1782), романы Федора Александровича Эмина, комедии и трагедии Михаила Матвеевича Хераскова...

Издатель знакомил русских читателей с лучшими произведениями мировой классической литературы. В 1780—1781 годах он выпускает первый русский перевод книги Луция Анулея «Золотой осел», в 1788 году — «Эмилию Галотти» Г.—Э. Лессинга в переводе Н. М. Карамзина, издает сочинения Вольтера, Мольера, Расина, Руссо.

И по-прежнему трудится на ниве русской журналистики, правда, уже не сатирической. В 1779 году Новиков выпустил первый в России женский журнал — «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». Это был литературный журнал, но каждый номер имел в качестве приложения гравюры с изображением модных туалетов. Популярен был и его первый журнал для детей — «Детское чтение для сердца и разума», выходящий в период с 1785 по 1789 год. Впоследствии его не раз перепечатавали, причем даже в провинции — во Владимире и Орле. В нем была опубликована первая повесть Н. М. Карамзина «Евгений и Юлия».

Иной характер, а именно — научно-популярный, имел другой его журнал — «Магазин натуральной истории, физики и химии, или Новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам, заключающее в себе важные и любопытные предметы опытных, равно как и употребление премногих из них во врачебной науке, в экономике, земледелии, искусствах и художествах».

В 1784 году по инициативе Н. И. Новикова возникает «Типографическая компания» — крупнейшее издательство. Примерно треть всей издательской продукции России в это время выпускается Новиковым. Он контролирует деятельность пяти московских типографий. Велики его заслуги и в области пропаганды книги. «Господин

Новиков был в Москве главным распространителем книжной торговли, — утверждал Н. М. Карамзин. — Взяв на откуп Университетскую типографию, он умножил механические способы книгопечатания, отдавал переводить книги, завел лавки в других городах, всячески стараясь приохотить публику ко чтению, угадывал общий вкус и не забывал частного. Он торговал книгами, как богатый голландский или английский купец торгует произведениями всех земель: то есть, с умом, с догадкой, с дальновидным соображением».

Успеху и процветанию новиковской инициативы способствовал «указ о вольных типографиях», изданный Екатериной II 15 января 1783 года. «Типографий для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий», — провозглашалось в нем. Создавать «вольные типографии» мог всякий и каждый. Об этом пужно было лишь сообщить местной «управе благочиния».

Но в 1789 году грянула Великая Французская революция. Екатерина II была напугана. Она не могла не понимать, какую роль в подготовке революции сыграла печать, и резко изменила свое отношение к журналистике и книгоиздательству в целом.

В мае 1789 года истек срок договора Новикова с университетом о публикации учебников и научных трудов. Продлить договор Екатерина II запретила. А затем перешла к репрессиям. В 1790 году арестовали и сослали в Сибирь А. Н. Радищева, а 24 апреля 1792 года в имении Авдотьино был арестован Н. И. Новиков. Его заключили в Шлиссельбургскую крепость. Изданные им книги было велено «предать огню все без изъятия».

Издатель был освобожден лишь после смерти царицы — в январе 1796 года. Состояние его пришлось в расстройство, но от предложенной императором Павлом денежной ссуды он отказался.

Впоследствии Новиков хотел возобновить издательскую деятельность, но новый царь Александр I неодобрительно отнесся к этому.

Умер Николай Иванович 11 августа 1818 года.

Мещерские говоры в Волгоградской области

Р. И. КУДРЯШОВА,
кандидат филологических наук

Есть в Волгоградской области два села (Перецепное Котовского района и Краишево Еланского района), жителей которых прозывают «цуканами» («цуканы») — по особенностям их речи, «цоканью», то есть произношению звука *ц* вместо *ч*.

Здесь говорят: *пец* (вм. *печь*), *цулки* (*чулки*), *лампоцка*, *жениха* *встречають подружки*, *доцка* *у мене живеть у Камышине*.

Это явление (цоканье) присуще главным образом сельским жителям севера Европеейской части нашей страны, то есть севернорусским говорам. Встречается оно и в мещерских говорах (под Рязанью) как результат межъязыкового смешения.

Откуда же в Волгоградской области появились цокающие говоры?

Обращение к архивным документам и легендам, бытующим в народе, показало, что первые поселенцы пришли сюда в конце XVIII века из бывшего Керенского уезда Пензенской губернии, жители которого в свою очередь являются переселенцами из Рязанской мещеры (см. работы А. Н. Гвоздева и В. Н. Сидорова). И действительно, говоры сел Краишево и Перецепное обнаруживают значительное сходство с описанными говорами мещерских поселений. Об этом свидетельствуют материалы диалектологической экспедиции Волгоградского педагогического института, собранные летом 1980 и 1981 годов для атласа русских говоров Поволжья. Приведем некоторые отрывки из речи местных жителей старшего поколения:

«Насили сархваны, играли свадьбы, сколько гадоу прашло. Вот прасватыють, перьвый день дивициник, патом вянцають у церькви. У пивести насидять, пагуляють и к жыниху пайдуть.

Мы жили, цытыри дейки (девки, т. е. девочки, дочки) было,

У мяня тожа деука в гораде. Ты малці, я скажу. Кино нямая была тада. Польты тагда ня знали, штоб у польтах хадить, зимой шубу насили. Из обуви раньше лапти были, поршени, басвики и циבלеты. Раньше с васьми лет работали. А щас — асьмнадцать лет, а апа ни весть (вязать), ни пресьть не умеет, ницаво не умеет.

Зарас названия улиц на хамилиям (Лукацка, Лабаноука), па старай привычки».

Как видим, традиционный говор этих сел — южнорусский с типичными для южновеликорусского наречия фонетическими и грамматическими особенностями. Здесь акают и якают (*бяда, сяло, вядуть*), произносят *г* фрикативный (*плух* вм. *плуг*), звук *в* перед согласным и в конце слова заменяют звуком *у* (*удова* вм. *овдова, деука* вм. *девка, годоу* вм. *годов*), *ф* — звуком *х* или *хв* (*сараханы*); в окончаниях глаголов 3-го лица произносят мягкий *т* (*пай-деть, несуть, просят*). Имена среднего рода переходят в их речи в женский род: «поеду-ка я у сяло свою родную с той воскресеньи».

Кроме того, речи коренных жителей сел Краишево и Перецпенное свойственны и очень своеобразные диалектные особенности, которые подчеркивают принадлежность говоров к мешчерским. Помимо цоканья, здесь можно услышать, например, произношение в некоторых словах *й* на месте звука *ф*: *крой* вместо *кровь*: «крёчка текётъ», *любой* (любовь), *дейки* (девки), *лайки* (лавки); произношение *з, с* с шипящим призвуком (порой с полной заменой шипящим): *жима* вместо *зима*, *шезь* — семь и т. п.; в глагольных формах 1-го лица единственного числа ударение переходит с окончания на основу, при этом отсутствует присущее литературному языку чередование согласных: «Я прихóдью к утру. А я и туда схóдью. На город я хóдью. Пойду на болото свóдью. Корову подóью, сгóнюю».

Необычны формы местоимений: «На сае (себе) прилесем», «курить тае (тебе) купила».

Жители обоих сел осознают, что их говор значительно отличается от окружающих: «Там бают не так, как мы, там чавокают». Причем перещепновцы отмечают, что краишевцы еще сильнее «цавокают», чем они: «А вот Краишевка — она ишо сильнсе нас. Мы зовем *чашка, чугунок, чайник*, это законно, а они — *цугунок, цайник, цашка*» (обратим внимание на то, что *ч* в их речи звучит твердо, примерно как сочетание *тш*). Впрочем, то же самое говорили и краишевцы о перещепновцах. На самом же деле, как выяснилось в результате наших исследований, *ц* в словах *цугунок, чайник, чашка* можно услышать в речи жителей обоих сел.

Носители говора стесняются своей речи, если попадают в непривычную обстановку: «Куды б ни поехал, стыдимси своим разго-

вором». Не раз приходилось слышать о том, как жители сел, выехав в город, чтобы купить какой-то товар, возвращались ни с чем, так как «не смеют» спросить, обратиться к продавцу, стесняются окружающих.

Однако нельзя сказать, что «цокают» в Перещепном и Краишеве все без исключения. Говоры испытывают влияние литературного языка, соседних говоров. Молодежь сознательно отказывается от этой диалектной черты. И цоканье постепенно утрачивается. Обращают на это внимание и сами жители. Старожилы-краишевцы говорят: «Послушали бы нас, как раньше мы говорили: цаво да цо. А сейчас не так. Наши дети, внучаты не цавокают». Перещепновцы тоже замечают: «Молодежь не цавокает. Внучка у меня цистореца» (т. е. у нее чистая речь).

Сохранилось цоканье в Перещепном и Краишеве в разной степени. Более устойчиво оно в Перещепном, его можно заметить в речи всех слоев населения (например, в речи учащихся — в непринужденной обстановке, не на уроках в школе). В Краишеве же «цавокает» только старшее поколение, хотя некоторые другие диалектные особенности (з фрикативный, глагольные формы 3-го лица, инфинитива, формы типа *ходю, носю*) являются устойчивыми и отмечаются в речи людей разного возраста.

Наши наблюдения, просмотр тетрадей, беседы с учителями показали, что в своих письменных работах учащиеся Перещепного не смешивают *ц* и *ч*, хотя другие диалектные ошибки встречаются в работах творческого характера довольно часто. Следовательно, в школе твердо усваивается различие между этими звуками и буквами. Смещение же их в разговорной речи остается в результате влияния окружающей среды.

Более быстрому процессу утраты цоканья в Краишеве способствовали, возможно, и знаменитые ярмарки, дважды в год собиравшие до трех тысяч человек из дальних городов.

Местные говоры всегда привлекали и будут привлекать исследователей. Они представляют интерес и для лингвиста, и для студента-филолога, и для школьника, изучающего русский язык, и для любого человека, неравнодушного к богатству живой народной речи. Обращение к русским говорам дает много познавательного, интересного, порой поучительного, позволяет увидеть современные процессы, происходящие в них.

Волгоград

«Белая березушка НИЗКО К ЗЕМЛЕ КЛОНИТСЯ»

В. Н. ВАКУРОВ,
доктор филологических наук

русской народной поэзии самый излюбленный и распространенный символ женственности, любви, родной земли — это береза. В народной лирической песне она — живое существо, воплощающее идею девичьей, женской любви; береза олицетворяется: она чувствует, говорит, совершает действия:

Береза девушкам
Приказывала:
Придите вы, девушки,
Придите вы, красные!
Сама я, березынька,
Сама я оденуся.
Надену платьешко,
Все зеленое.

Все зеленое,
Все шелковое!
Ветрик повеет —
Все шуметь буду.
Дождичек пройдет —
Лопотать буду.
Солнце выблеснет —
Зеленеть буду.

Эпитеты-определения, закрепленные за зеленокудрой лесной красавицей, характеризуют ее как живое создание: *кудрявая, кудреватая, кудрявая моложавая, тонешенька, белешенька*.

Народная лирическая песня часто начинается зачином. Один из его композиционных приемов — обращение. Вот пример зачина, имеющего форму обращения к олицетворенной кудрявой березе, которая в последующих частях песни сопоставляется с девушкой-невестой:

Береза белая,
 Береза кудрявая!
 Куда ты клоняшься,
 Куда поклоняешься?
 Я туда клонюсь,
 Туда поклоняюсь,

Куда ветер повеет,
 Княгиня-душенька!
 Куда ты ладишься?
 Туда я лажуся,
 Куда батюшка отдаст
 С родимой матушкой.

Человек, ощущающий себя частичкой природы, в своем песенном творчестве живописует родные нивы и луга, леса и реки. При этом нужно отметить такую особенность: картины природы органично связываются с повествованием о жизни человека, с миром его чувств. Эта связь образно-символическая.

Так, низко наклоняющаяся береза олицетворяет собой девушку-невесту, которая оплакивает свое девичество. Этот образ использован в свадебном причитании:

Как расшатало белу березоньку...
 Как у тоё белы березоньки
 Тут коренья булатные,
 Что прутьчики проволочные,
 Что листочки бумажные,
 Что вершина — скатен жемчуг.
 Ведь то как бела березонька?
 Ведь то я, да молодшенька,
 Душца да красна девнца.
 То ведь каки да прутья проволочные?
 То ведь мои да белы рученьки
 Со перстнями со злачеными.
 То ведь каки листочки бумажные?
 То ведь мое да цветно платьеце.
 То ведь кака вершина — скатен жемчуг?
 То ведь мои буйная головушка...

В статье, посвященной народной поэзии, В. Г. Белинский писал, что одна из основных тем народной лирической песни — «жажба женщины, разлученной с милым сердца и насильно выданной за немилого и постылого, тоска по родине, заключающейся в родном доме и родном селе, ропот на чужбину, на варварское обращение мужа и свекрови» (Полн. собр. соч., т. 5, с. 329). В одной из народных лирических песен мы встречаем образ поникшей березы, сопоставляемой с образом молодой женщины, несчастной в замужестве:

Белая березонька, приклонясь к земле, растет...
 Под этой березонькой собиралися молодушки.
 Одна-то молодушка призадумавшись стоит,
 Призадумавшись стоит, про печали говорит:
 «У меня, молодушки, четыре заботушки:
 Первая заботушка — чужа дальняя сторонушка;
 Другая заботушка — свекор да свекровушка...»

Авторы книги «Русское народное поэтическое творчество» (М., 1983) В. П. Аникин и Ю. Г. Круглов отмечают, что «лирическим необрядовым песням, как и обрядовым, свойственна усложненная (двухчастная и многочастная) композиция... Чаще всего такие песни строятся по принципу «символическая часть + реальная» на основе психологического параллелизма (одна часть песни — из мира природы, другая — из жизни людей)...»

Но возможно и обратное построение лирической песни: реальная часть предшествует символической; например, первая половина песни — повествование о красной девушке, которая ищет любви, но не находит ее, а вторая — сопоставление образа девушки с символом, взятым из мира природы.

Девчоночка лесом шла,	Заплакала, в лес пошла.
Красная да темненьким,	В лесе листики шумят,
Все дорожки презошла,	Про березу говорят.
Любить дружка не нашла,	Белая березушка
Любить дружка не нашла,	Низко к земле хлопнется.

Береза в народной песне нередко противопоставляется другим деревьям. Так, если калина — символ девичества, то береза обычно обозначает замужнюю женщину, мать:

Вчера была червоная калина,
 А теперь стала белая Береза.

Особенно часто в народной поэтике используется антитеза, построенная на противопоставлении образов березы и осины: если береза символизирует счастливую, разделенную любовь, то осина — любовь горькую, несчастную:

Свыкались мы с девушкой
Под березою,
Расставались с красною
Под осиною.

Под белой березой
Цветики цветут,
Под горькой осипой
Трава не растет.

Один из самых поэтических свадебных обрядов — прощание девушки-невесты со своей *красотой*, символизирующей вольную девическую жизнь в родном доме у матушки и батюшки. К *девьей красоте* обычно относятся — коса, девичья головная повязка, лента и др. Трогательный символ красоты — березка. В некоторых местах России существовал обычай после сватовства прикреплять к дому невесты березку, а к дому жениха — елочку. А накануне венчания подружки ставили на стол березку, с которой невеста прощалась.

В песне-прощании с девьей красотой невеста вспоминает о березе: если красота обовьется вокруг белой березоньки, то жизнь в замужестве будет счастливой:

Ты прости, краса девичья!
Я навек с тобой расстануся,
Молодехонька, плачущая!
Опущу я тебя, красота,
Опущу тебя со ленточкам,
Во поля, в луга широкие,
Во леса, в боры дремучие,
На быстрые реки текущие.
Погляжу я, красна девица,
Погляжу на свою красоту,

Вкруг чего она обвилася.
Если ты обвилась, красота,
Вкруг осинушки горькия, —
Мне житье-то будет горькое,
Мне замужье, красной девице,
Нехорошее, печальное.
Если ты обвилась, красота,
Вкруг березоньки-то белыя, —
Мне житье-то будет ровное,
Житье будет долговечное.

В псковских и смоленских говорах березку называют образными словами *весёлка* и *весёлочка*. И это не случайно: ведь береза — главная героиня радостного летнего праздника, связанного с расцветающей, входящей в силу природой. Праздник березы называли *зелеными святками*, *зеленой неделей*. Он включал в себя целый ряд старинных, восходящих к языческим временам обрядов. «Большинство обрядов, которые совершали в зеленые святки, были специфически девичьими. Центральный образ этого цикла — березка. На троицу дома и снаружи и изнутри украшали березками, с березками ходили по деревне, березки (особенно на полянах) украшали девичьими лентами и венками. Наконец, сами березки «заплетали» и «расплетали»: из березовых веток с листьями плели венки, на которых гадали. Девичьи ... гадания... преимущественно касались замужества. Следили за веночками, завитыми па березе, — сохнули ли они и чей веночек сохнет, роняли веночек с головы в речку и смотрели, шывет он или пристаёт к берегу и к какому. Все

это было поэмо таинственности и значения» (Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия. Л., 1984).

В многочисленных песнях, которые пелись на этом празднике, упоминается завивание венков:

Пойдем, девочки,
Завивать веночки!
Завьем веночки,
Завьем зеленые.

Стой, мой веночек,
Всю неделку зелен,
А я, молодешенька,
Весь год веселешенька!

Немало песен посвящено и гаданию на венках:

На венках девки гадали,
Венки в реченьку кидали,
Чей венок плывет —
Милый вздохнет.
Венок по морю ныряет,
Милый клятвой уверяет,

Хочет вперед быть,
Одною меня любить.
Одна девка не смолчала,
Грозным голосом вскричала:
«А мой потоцу!
Милый обманул!»

К седой старше восходит такой языческий обряд: в лесу срубают молодую березку, обряжают ее в женское платье и украшают разноцветными лентами. Затем это парадное деревцо с песнями и плясками несут в деревню и торжественно устанавливают в одном из домов, где оно и находится два-три дня. Потом его несут к реке и бросают в воду. Известный английский этнограф Дж. Дж. Фрэзер в работе «Золотая ветвь» писал: «Обряжение березы в женскую одежду в этом русском обычае показывает, насколько дерево подвергается персонификации; в реке же его тонит, вероятнее всего, с целью вызвать дождь».

Весенний праздник березки известен многим европейским народам — немцам, французам, словенцам, хорватам и др. Деревья, участники этих празднеств, назывались *майскими*.

Праздник березки родился в глубине веков как обрядовое воздействие на силы природы.

Рисунки Ю. Панинпартовой

Лира, лютня, арфа

В. С. ФИЛИППОВ

Всем хорошо знакомы стихотворения «Памятник» А. С. Пушкина и «Элегия» Н. А. Некрасова. Вспомним известные строки: «И долго буду тем любезен я народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал...» (Памятник); «Я лиру посвятил народу своему» (Элегия, А. Н. Е(рако)ву). В них упоминается лира. Но в каком значении?

Струнный музыкальный инструмент лира (греч. *lyra*) был известен в Древней Греции, а также в Египте, Италии. Он имел от трех до семи струн, звук извлекался ударом плектрона (особой палочки) по струнам, причем каждая струна давала только один звук определенной высоты. Существовали разные виды лиры, о них довольно подробно рассказано в музыкальных словарях и энциклопедиях.

Лира впервые зафиксировано в Лексиконе российском и

французском... (СПб, 1762). Как отмечается в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера «О непосредственном заимствовании из греч. ...можно говорить только для др.-русск. слова... Современ. русское слово, вероятно, зап. происхождения».

Слово *лира* часто употребляется как в поэтических, так

и в прозаических текстах. Приведем только два примера. Первый — из стихотворения А. Полежаева «А. П. Лозовскому»: «Зачем на лире золотой Перед волшебницей младой В восторге чувств он не гремит». Второй — из статьи В. Г. Беллинского «Сочинения А. Пушкина»: «У древних стихи не читались, а говорились речитативом с аккомпаньманом (т. е. аккомпанементом.— В. Ф.) музыкального инструмента — лиры». Лиру издавна связывали с поэтическим творчеством. Она была символом поэзии и музыкального искусства.

Читая рассказ И. Бунина «На край света», встречаем такую фразу: «Кругом стоит говор, ...выкрикивают торговки, поют нищие; пиликает скрипка, меланхолично жужжит лира». О какой же лире идет здесь речь?

На Украине и в Белорусии с давних времен известен струнный музыкальный инструмент с клавишами, который назывался *лира* или *рыля*. По внешнему виду он совсем не был похож на привычную нам лиру, существовавшую в Древней Греции. У этого инструмента «три струны, по коим снизу ходит кружок, замест смычка, обращаемой лебедкою» (Словарь Даля). «Лира... музыкальное орудие (т. е. инструмент.— В. Ф.) древних; ныне переименовано в рили...» (там же). Играющих на этом ин-

струменте называли *лирниками* или *рылейщиками*.

Как видим, общезвестная, привычная нам лира и лира украинская или белорусская — инструменты разные.

Обратимся теперь к другому инструменту — лютне. Н. М. Карамзин упоминает о нем в «Письмах русского путешественника»: «[Женщина] играла на лютне и пела жалобным голосом».

Слово *лютня* отмечается впервые в Вейсманновом Лексиконе (СПб., 1731), а затем в Российском целларнусе (М., 1771).

Путь его в русский язык был таким: от арабского al'-ūd (дерево), через итальянский — liuto, польский — lutnia. Лютня — струнный щипковый инструмент с короткой шейкой и овальным корпусом.

Известная с глубокой древности только на Востоке, лютня позднее была занесена сарацинами и маврами в Европу (Италия, Испания), а затем попала и в другие страны. XV—XVII века — время наибольшей популярности ее в Европе.

В наше время разнообразными лютни можно считать армянский народный инструмент — уд (кстати, сохранивший старое арабское название) и кобзу, распространенную на западе Украины, в Молдавии, а также в Румынии и Венгрии.

Из трех музыкальных инструментов, о которых идет

речь в этой статье, наиболее нам знакома арфа. Она входит в состав современного симфонического оркестра, для нее пишут музыку композиторы. Вспомним сцену у Измень-озера из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко», балет П. И. Чайковского «Лебединое озеро», соло арфы в балете Л. Минкуса «Дон Кихот». Для арфы соло и для арфы с оркестром созданы произведения, ставшие широко известными, например концерт для арфы с оркестром Р. М. Глиэра. Известно, что младший брат И. Штрауса Эдуард выучился играть на арфе и выступал в составе оркестра, которым руководил И. Штраус.

Арфа принадлежит к щипковым музыкальным инструментам древнего происхождения, имеет вид удлиненного треугольника с натянутыми сорока шестью струнами.

Слово *арфа* заимствовано из немецкого языка (*Harfe*), впервые отмечено в Вейсманновом Лексиконе 1731 года. В свою очередь немецкое *Har-*

fe восходит к древнему германскому слову *harfa*, известному как название музыкального инструмента с VI века. Но происхождению оно связано с глаголом, означавшим «дергать, теревить согнутыми пальцами».

Так же, как слова *лира* и *лютня*, *арфа* довольно часто встречается в произведениях литературы, как в поэзии, так и в прозе. Упомянем здесь лишь строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Еврейская мелодия»: «Скорей, певец, скорей, Вот арфа золотая, Пускай черсты твои, промчавшись по ней, Пробудят в струнах звуки рая».

В рассказе Бунина «Сосны» читаем: «Лес гудит, точно ветер дует в тысячу золотых арф». Что значит выражение *золова арфа*? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать, что, согласно древнегреческим мифам, Эол был царем эолийских островов, получивший власть над ветрами, а золова арфа — это арфа царя Эола, издававшая необычайно нежные звуки.

Эолову арфу обычно представляют либо в виде ящика из тонких дощечек с натянутыми на нем струнами, которые звучат от действия ветра, либо в виде деревянной рамки с несколькими жильными струнами. Выражение *эолова арфа* (сей-

час почти забытое) употреблялось тогда, когда хотели сказать о чем-либо, издающем нежные звуки, легко отзывающемся на малейшее прикосновение.

Рисунки В. Мирошник

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что значит выражение „играть первую скрипку?“»

Т. А. Мясникова, Хабаровск

Играть первую скрипку — переносно: «быть самым важным, главным в каком-нибудь деле». Ср. *играть вторую скрипку* — «занимать второстепенное положение, быть на вторых ролях» и т. п.

Образное фразеологическое выражение *играть первую скрипку* является профессиональным по происхождению (см. в речи музыкантов: первая скрипка в оркестре и т. п.).

Длинно- волосая гостья

И. Э. ЛАЛАЯНЦ

Весной этого года в зоне видимости наземных телескопов появилась космическая путешественница — комета Галлея.

Средневековые астрологи называли ее, как и другие кометы, *гостьей*, древние хроники сравнивали с небесной метлой или огненным мечом, предназначенными для карания грешников.

Считается, что впервые появление кометы на небосводе отметили придворные астрономы китайского императора в 613 году до н. э. Она получила в хрониках название *Соа-синь*, что означает в переводе «метла неба». В те времена астрономия еще недалеко ушла от астрологии, поэтому императорские звездочеты полагали, что время от времени на небе появляются огненные метлы, которыми боги очищают небо от зла.

В связи с нынешним оживлением интереса к комете совсем недавно было сделано неожиданное открытие. Оказалось, что в Британском музее хранится вавилонская клинописная

табличка, в которой говорится о комете 464 года до н. э. Расшифрованный текст гласит, что комета появилась на востоке в созвездиях Плеяд и Тельца и исчезла на западе.

В природе комет пытался разобраться великий Аристотель. Их огненные хвосты он считал «испарениями» грешной земли, которые поднимаются вверх и возгораются там в огненных «сферах», окружающих нашу планету.

Само название *комета* принадлежит римлянам. Латинское *комета*, *cometes* является частью греческого выражения *астер кометес*, то есть «волосатая звезда».

С появлением комет всегда было связано много поверий и предрассудков. Известный историк I века Иосиф Флавий писал в своем сочинении «Иудейская война» о комете 66 года, которая висела в небе «подобно огненному мечу», и предсказывал ее падение на Иерусалим. В 451 году европейские хронисты связывали комету с нашествием гуннов под предводительством Аттилы.

В 1066 году саксонцы, населявшие древнюю Англию, прозвали комету *истимирант стелла* (*istimirant stella*), или *ужасающая звезда*. В том году она действительно принесла им большое несчастье — англо-саксонский король Гарольд потерпел при Гастингсе сокрушительное поражение от Вильгельма Завоевателя, и англо-саксонская Британия была покорена норманнами. Вскоре после этого события был выткан знаменитый гобелен Байё, на котором запечатлена *стелла ужаса*. Ученые полагают, что на этом гобелене изображена комета Галлея.

В Древней Руси появление кометы связывали с засухой, наводнением, мором, войнами. В «Повести временных лет» о комете Галлея говорится: «В эти же времена было знамение на западе — звезда превеликая, лучи имеющая как бы кровавые, восходившая с вечера по заходе солнечном и пробывшая семь дней. Это предвещало недоброе, ибо после того было много убоиц и нашествий поганых на Русскую землю».

В 1680 году комету впервые увидели в телескоп. Ее траекторию безуспешно пытался вычислить в Париже приехавший туда молодой англичанин, по профессии купец, моряк и инженер, мечтавший прославить свое имя в науке. Но только через два года, когда ему было «уже» двадцать шесть лет, он понял, что кометы 1531 и 1607 годов были одной и той же кометой, которая и на этот раз появилась на небосводе. Звали молодого англичанина Эдмонд Галлей. С тех пор данная комета получила название *комета Галлея*.

Заткнуть за пояс

А. А. ИВЧЕНКО

Если бы существовал частотный словарь русской фразеологии, то фразеологизм *заткнуть за пояс* кого-либо («значительно превзойти кого-либо в чем-либо») наверняка стоял бы в первых десятках привычных нам выражений. Он широко употребляется как в разговорной речи, так и в языке художественной литературы.

Во фразеологическом словаре известного русского филолога XIX века М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (Т. I, СПб., 1902) читаем: «За пояс (ипоск.) *заткнуть* — справиться так же легко, как — *топор за полс заткнуть*».

Интересные точки зрения на происхождение выражения приводит Эд. Вартастьян в книге «Из жизни слов» (М., 1960): «Выражение это ... нередко связывают с привычкой многих ремесленников, мастеровых (да и просто крестьян) засовывать за пояс ненужный в данный момент инструмент: топор, молоток и т. п. Тогда «за пояс *заткнуть*» значит: поступить с кем-нибудь так же бесцеремонно, по-хозяйски, как с этими предметами постунают масте-

ровые, ремесленные люди (...) есть и еще одна догадка, может быть, наиболее близкая: с «затыкашем (рук) за пояс» противника были связаны многие решительные приемы русской народной борьбы; известно, что существует даже особый вид спорта: „борьба на поясах“.

Авторы «Краткого этимологического словаря русской фразеологии» (Русский язык в школе, 1979, № 3) считают, что фразеологизм «связан с одним из приемов борьбы — затыканием рук за пояс противника».

Да, борьба на поясах бытовала в прошлом у русских и украинцев и, естественно, могла бы породить соответствующие выражения. Но дело в том, что за пояса не затыкали рук, за них хватались во время поединка, чтобы бросить противника на землю. И уж, конечно, захват за пояс не являлся свидетельством значительного превосходства кого-либо из соперников, не мог стать основой для возникновения нашего фразеологизма. Может быть, правы авторы, отстаивающие «ремесленное» происхождение этого выражения? Обратимся к языковым фактам.

Кроме общелитературного *заткнуть за пояс*, в русских диалектах известно выражение *задержать за пояс* (Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983). Абсолютные соответствия русским выражениям имеются в украинском литературном языке — *заткнути за пояс (пасок)*, а также в буковинских говорах — *за ремінь сховати*, в белорусском языке — *затыкаць за пояс*, болгарском — *боднах си за пояса, затъкна на пояса си*, хорватском — *zadržnuti za pas*. Выражение с этой же образной основой известно и в литовском языке — *už juostos užsikšti* (букв. за пояс засунуть).

Кроме вышеперечисленных фразеологизмов, образным центром которых является *пояс*, в славянских языках широко известны выражения с образной основой *карман*, ср. верхнелужицкое *do zaka tyknyć*, чешское *strčit (schovat) do kapsy*, болгарское *сложа (туря) в малкия си джоб (в малкато си джобче)*, *сложа (туря) в джоба си (в шепата си)*. Известен с этой образной основой и немецкий фразеологизм *in die Tasche stecken* (букв. «в карман совать»). В буковинских диалектах украинского языка с этим же значением употребляется *за халяву сховати* (букв. за голенище спрятать). Широко известны, и не только в славянских языках, эквивалентные по фразеологическому значению выражения с образной основой *мешок*: верхнелужицкое *do měcha tyknyć*, словацкое *vorchat' (strčit) do vrecka*, литовское *j maiša įkišti (ir užrišti)*, немецкое *in den Sack stecken*, итальянское *mettere nel (in) sacco*. Вывести

их происхождение из плотницкого быта или борьбы па поясах вряд ли возможно, так как этому противоречит образная структура вышеназванных фразеологизмов.

Что же объединяет все эти фразеологизмы?

Нетрудно заметить, что перечисленные выражения образованы по общей схеме, составными частями которой являются глагол направленного действия с обобщенным значением «спрятать» и существительное, обозначающее часть одежды или предмет, используемые для ношения чего-либо, то есть место, куда можно спрятать. Как же словосочетания этого типа могли стать прообразами фразеологизмов со значением «значительно превзойти кого-либо»?

Вспомним поединок Ильи Муромца со Святогором из «Былины о Святогоре и Илье Муромце» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом):

Как разъехался Илья да он ведь в третий раз,
 Как ударил богатыря крепко-на-крепко,
 Да ударил сво плотно-на-плотно,
 Тут-то богатырь пробудился ото сна,
 Хватил-то Илью да своей правой рукой,
 Положил-то Илью да к себе в котман.

(Подчеркнуто мною. — А. И.).

В этом моменте отражена крайняя гиперболизация превосходства величины и силы Святогора по сравнению с Ильей Муромцем. Как тут не вспомнить идентичные по образной структуре фразеологизмы из отдельных славянских языков. Вообще гиперболизации своего превосходства над противником была характерной чертой похвалы перед поединком. Многочисленные примеры гиперболизированной похвалы можно встретить в русских народных сказках. Так, в сказке «Иван Быкович» из собрания «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» чудо-юдо шестиглавое похваляется: «...я его [Ивана Быковича] на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокрѣнько будет!» или чудо-юдо девятиглавое похваляется Ивана Быковича одним пальцем убить.

Видно, выражение *заткнуть за пояс*, как и целый ряд других фразеологизмов с этим значением в славянских и неславянских языках, первоначально употреблялось только для обозначения значительного физического превосходства одного соперника над другим, скорее всего в форме похвалы перед поединком. Это обычно выражалось в хвастливом обещании спрятать более слабого соперника, как какой-либо мелкий предмет, у себя за поясом, в кармане, за голенищем.

За знакомой строкой
«Бубенчик под
дугой лепечет...»

А. К. ГАНУЛИЧ

Десятки лет раздавался звон колокольчика, подвешенного под дугой знаменитой русской тройки. Его звон часто сопровождал поездку, которая иногда растягивалась на несколько дней. Поэтому поддужный колокольчик был привычным предметом русского быта. Не удивительно, что чуть ли не все русские писатели посвятили ему свои строки.

Не обошел своим вниманием колокольчик и великий А. С. Пушкин. Вспомним хотя бы его поэму «Граф Нулин»:

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот, верно, знает сам,
Как сильно колокольчик дальний
Порой волнует сердце нам.

Похожий мотив волнующего ожидания звучит и в стихотворении «И. И. Пущину»:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,

Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Поэты — современники Пушкина также часто обращались к теме колокольчика:

Колокольчик однозвучный,
Крик протяжный ямщика (...)
Вяземский. Дорожная дума

По дороге столбовой
Колокольчик заливается (...)
Одоевский. «По дороге столбовой...»

Порой проезжий лишь играет,
И колокольчик почтовой,
Звения над тройкой удалой,
На миг молчанье прерывает.
Кольцов. Ночлег чумаков

Поэты послепушкинской поры также отдали дань колокольчику:

Улеглася метелица... путь озарен...
Ночь глядит миллионами тусклых очей...
Погружай меня в сон, колокольчика звон!
Выноси меня, тройка усталых коней!
Полонский. Колокольчик

...Боже, как люблю я,
Как тройкою ямщик кибитку удалую
Промчит — и скроется... И долго, мнится мне,
Звук колокольчика трепещет в тишине.
Фет. «Вот утро севера — сонливое, скупог...»

Звенит под дугой колокольчик,
Полозья кибитки скрипят,
И поет, болит мое сердце,
И слезы туманят мой взгляд (...)
Плещеев. Былое

Особую группу составляют непрофессиональные поэты, известность к которым пришла, да и то не сразу, лишь благодаря тем их стихотворениям, которые стали песнями о тройках.

Укажем на стихотворение регента певческой капеллы Г. Малышева «Свидание через пятнадцать лет»:

Звени, звени, звонок, громче,
Лихая тройка, вихрем мчись,
Ямщик, пой песни веселее!
Вот отчий дом!.. Остановись!

О популярности этих строк можно судить хотя бы уже по надписи, отлитой на некоторых колокольчиках прошлого века: «Звени, звонюк, звени звончее, лихая тройка, вихрем мчьсь».

Еще более известной стала песня на слова ямщика И. И. Макарева «Однозвучно гремит колокольчик»:

Однозвучно гремит колокольчик,
И поземка дымится слегка,
И увяло по снежному полю
Разливается песнь ямщика.

Значительно реже в литературе колокольчики назывались *колокольцами*: «Тройка старого графа... как будто примерзая к снегу и побрякивая густым колокольцом, тронулась вперед» (Л. Н. Толстой. Война и мир); «...колокольцы, привязанные к низенькой дуге корзинка, будили оцепеневшую окрестность то ясным и отчетливым звоном, когда лошади бежали рысью, то каким-то беспорядочным гулом, когда они пускались вскачь...» (Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ).

До сих пор речь шла о колокольчиках. Однако у них были менее звонкие младшие братья — *упряжные бубенчики* (или бубенцы), которые прикреплялись к ошейникам (арканам), надевавшимся на шею лошадей. Бубенчики, как и колокольчики, не остались без внимания в русской литературе. Достаточно вспомнить строки С. А. Есенина:

Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле затеряться.
Ветерок веселый робок и застенчив,
По равнине голой катится бубенчик.

«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...»

Интересно, что характерный звон бубенчиков вызывал одинаковое настроение у И. А. Бунина (Новый год): «Но мелкий лепет бубенчиков спутывал мысли, думать о будущем было неприятно» и у А. А. Блока:

В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло...
Бубенчик под дугой ленечет
О том, что сластнее прошло...

«Я пригвожден к трактирной стойке...»

Когда же появились упоминания в литературе о колокольчиках и бубенчиках?

У А. Н. Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1789—1790 гг.) читаем: «Я лежу в кибитке. Звон почтового колокольчика, наскучив моим ушам, призвал наконец благодетельного Морфея».

Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» (1791—1799 гг.) так говорит о своем отъезде из Москвы: «Колокольчик зазвенел, лошади помчались...»

Приоритет в поэзии на эту тему надо, пожалуй, отдать В. А. Жуковскому (Светлана, 1808—1812 гг.):

(...) Снег на солнышке блестит,
 Пар алеет тонкий...
 Чу!.. в дали пустой гремит
 Колокольчик звонкий (...)

Одним из первых упомянул о колокольчике словами Чацкого А. С. Грибоедов в «Горе от ума» (1824 г.):

Звонками только что гремя
 И день и ночь по снеговой пустыне,
 Спешу к вам голову сломя.

О бубенчиках же заговорили в литературе только в 50-х годах XIX века. Объясняется это тем, что упряжные бубенчики стали применять лишь тогда, когда появились запреты на употребление звонких колокольчиков частными лицами.

Об этом пишет, в частности В. А. Слепцов в очерке «Владимирка и Клязьма», где приводится такой рассказ ямщика: «Исправник это сейчас выскочил. „Кто такой! — спрашивает, — как вы можете с колокольчиком ездить? Нешто не знаете, строго запрещено, кто не на почтовых, чтобы колокольчика шпотнюдь не иметь? Это что еще за новости? Ямщик! ворочай назад! поезжай за мной в город! вот я вас!“»

К числу наиболее ранних упоминаний о бубенчиках относятся слова А. Ф. Писемского в рассказе «Питерщик» (1852 г.), в котором описывается посещение автором Чухломского уезда Костромской губернии: «Такой нарядной сбруи я в других местах нигде и не выдывал. На узде, например, навязано по крайней мере с десяток бубенцов, на шлее медный набор сплошь — весом в полпуда, а дуга по золотому фону расписана розанами».

Примерно в то же время Л. Н. Толстым была написана повесть «Отрочество» (1852—1854 гг.), где можно прочесть: «Лошади заложены и выражают свое нетерпение, изредка побрякивая бубенчиками... Однообразный шум колес и бубенчиков не заглушает песен жаворонков, которые вьются около самой дороги». В этих отрывках из первой главы «Отрочества» речь идет о так называемой четверочной упряжи в ряд, состоявшей из дышловой пары с двумя пристяжками. В такой упряжи не было дуги и, следовательно, поддужного колокольчика.

Несколько позже, в 1856 году, Л. Н. Толстой в рассказе «Утро помещика», который носит очевидный автобиографический характер, писал: «Он (Нехлюдов.— А. Г.) видит серое, раннее туманное утро, подсклизлую шоссеиную дорогу и длинный ряд высоко нагруженных и покрытых рогожами троечных возов с большими черными буквами. Толстоногие сытые кони, погрохивая бубенчиками, выгибая спину и натягивая постромки, дружно тянут в гору, напряженно цепляя длинными шинами за склизкую дорогу». Здесь, конечно, говорится об обозе, который движется медленно, и поэтому не снабжен колокольчиками, громко звенящими лишь при быстрой езде.

Интересно проследить, какое впечатление производил звон колокольчиков и бубенчиков на авторов литературных произведений.

Одним из них этот звон представлялся веселым, бойким, задорным, мажорным. Приведем примеры:

Но как весело, бывало,
Раздавался под дугой
Голосистый запевало,
Колокольчик рассыпной <...>

.....
А теперь, где эти тройки?
Где их ухарский вобег?
Где ты, колокольчик бойкий,
Где поэзия телег?

Вяземский. Памяти живописца Орловского

«Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух...» (Гоголь. Мертвые души).

Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься власть.

Некрасов. Кому на Руси жить хорошо

А вот как описывает музыкальные свойства колокольчиков курьерской тройки Л. Н. Толстой в рассказе «Метель»: «— Колокол кулверский,— сказал мой ямщик,— один такой на всей станции есть.

И действительно, колокольчик передовой тройки, звук которого уже ясно доносился по ветру, был чрезвычайно хорош: чистый, звучный, басистый и дребезжащий немного. Как я потом узнал, это было охотничье заведение: три колокольчика — один большой в середине, с малиновым звоном, как называется, и два маленькие, подобранные в терцию. Звук этой терции и дребезжащей квинты,

отзывавшейся в воздухе, был необыкновенно поразителен и странно хорош в этой пустынной, глухой степи.

Другим поэтам и прозаикам звон тех же колокольчиков и бубенчиков казался, наоборот, грустным, унылым, минорным.

Вспомним у А. С. Пушкина (Зимняя дорога):

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Напомним, что стихотворение, отрывок из которого приведен выше, стало, благодаря композитору А. А. Алябьеву, песней.

Несколько раньше появилось стихотворение Ф. Н. Глинка «Сон русского на чужбине», в котором были такие слова:

И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гудёт, качаясь под дугой (...)

Часть этого стихотворения в несколько измененном виде легла в основу знаменитой песни «Колокольчик» на музыку А. Н. Верстовского.

Между прочим, слова «дар Валдая» очень популярны и по сей день. Они часто отливались на поддужных колокольчиках, изготовленных, кстати говоря, не только в Валдае, и превратились в расхожее выражение, звучащее, по мнению Ф. М. Достоевского, как некое деепричастие «дарвалдая».

А вот как звучат колокольчики и бубенцы в великолепной буинской прозе: «Лошади тронули, копыта дружно застучали, а колокольчик так и залился жалобным стоном, перебивая лай бросившейся за нами собаки» (Костер); «И бубенцы зацыли, полозья вскрипели, сугробы, разрываемые ими, задымались, завихрились, вихри, гривы и хвосты понесло в сторону...» (Деревня); «Колокольчик однообразным дорожным напевом говорил о долгом пути, о том, что прошлое отжито, что впереди — новая жизнь. Старая дорожная коляска, старая почтовая тройка, ушастый ямщик-татарин на высоких козлах рядом с увязавшими чемоданами, дружный топот копыт, под несмолкающий плач колокольчиков, бесконечная лента шоссе» (Маленький роман).

Да, звон колокольчиков и бубенчиков вызывал разнообразную реакцию у поэтов и прозаиков. Сказывалась особенность эмоционального склада того или иного литератора, давало о себе знать и настроение в данный момент. Да и сами колокольчики и бубенчи-

ки обладали различными оттенками звука, которые они получали при изготовлении и подборе.

Появление в России в середине XIX века железных дорог стало началом конца эпохи троек и колокольчиков. Лучшее всего об этом в 1880 году сказал Г. И. Успенский («Смигчающие вину обстоятельства»): «Ведь вот стерла же она (двигательная.— А. П.) с лица земли русскую бойкую, «исобгонимую» тройку,— тройку, в которой Гоголь олицетворял всю Россию, всю ее будущность,— тройку, воспевавшуюся поэтами, олицетворявшую в себе и русскую душу («то разгулье удалое, то сердечная тоска»), и русскую природу; все, начиная с этой природы, выюги, зимы, сугробов, продолжая бубенчиками, колокольчиками, и кончая ямщиком с его «буйными криками»,— все здесь чисто русское, самобытное, поэтическое... Каким бы буйным смехом ответил этот удалец-ямщик, лет двадцать пять тому назад, если бы ему сказали, что будет время, когда исчезнут эти чудные кони в наборной сбруе, эти бубенчики с малиновым звеном, исчезнет этот ямщик со всем его репертуаром криков, уханий, песен и удалства, и что вместо всего этого будет ходить по земле какой-то коробок, вроде стряпущей печки и без лошадей, и будет из него валить дым и свист... А коробок пришел, ходит, обогнал необгонимую».

Рисунок Ю. Паппартовой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно образовать краткую форму от прилагательного *высокохудожественный*?»

Ю. Ю. Огурцова, *Кременец*

«Орфоэпический словарь русского языка» (М., «Русский язык», 1983) приводит две краткие формы мужского рода от прилагательного *высокохудожественный* — *высокохудожествен* и *высокохудожественен*, краткую форму женского рода — *высокохудожественна*.

За знакомой строкой

Под микитки

Т. В. ГОРЯЧЕВА

Известное стихотворение С. Есенина «Я усталым таким еще не был...», датированное 1923 годом, относится к периоду его «прощания с хулиганством», некоторой переоценки ценностей.

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве,—
Шлю привет воробьям, и воронам,
И рыдающей в ночь сове.
Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил,—
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под микитки дубасить рожь».

Что же означает и какого происхождения употребленное здесь выражение *под микитки*, и почему именно *под микитки* поэт предлагает «дубасить рожь»?

М. И. Михельсон в своем словаре «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (Т. II, СПб., 1903—1904) объясняет значение этого выражения так: «*Под микитки (ударить)* — под пах, подреберье», приводя при этом две цитаты из художественной литературы XIX века: «Долго бился Сенька, двоих так *под микитки* хватил, что они плашмя ударились оземь» (Боборыкин П. Царяня) и «Они тузят друг друга и по сусалам и *под микитки*, и в рождество!» (Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе). Примеры употребления этого выражения в художественной литературе можно было бы продолжить, так, например, оно представлено в прозе Ф. М. Решетникова (Ставленник): «... [попомарь] ударил дьячка *под микитки*, что вызвало всеобщий смех»; А. Н. Толстого (18 год): «У мужика зачесалось в бороде, зачесалось и *под микитками*». В книге В. М. Мокиенко «В глубь поговорки» (М., 1975) приводится также пример переносного употребления выражения *толкать кого-нибудь под микитки* из «Рассказа неизвестного человека» А. П. Чехова, где оно означает «силой завоевывать себе место под солнцем»: «Наш свет и пошел и пуст, но зато мы с вами... кое-что почитываем и не *толкаем друг друга под микитки*».

Что же такое *микитки* в этом выражении? Обратимся сначала к Словарю В. И. Даля. Он дает такое толкование значения слова: «*микитки* ж. мн. *никитки*, пах, подвздошье, подреберье. *Ударил под микитки*». *Никитки* же им трактуются как «*мякитки* ж. мн. бока, пахи. *Под никитки* его!». Даль дает слово *микитки* и вариант его *никитки* без помет. Десятилетия спустя слово *микитки* было зафиксировано диалектными словарями русского языка. Так, В. Н. Добровольским в смоленских говорах было записано слово *микитка* в следующем контексте: «Як удариў *пад микитки*, ажно дух заняўся» (Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914). Однако значение этого слова, на наш взгляд, дастся им ошибочное: «мышка» (т. е. «подмышка» — Т. Г.). Выражение *пад микитки* в значении «под ребра» записано было и в брянских говорах и приведено в «Словаре народных говоров западной Брянщины» П. А. Расторгуева (Минск, 1973). Слово *микитки*, записанное в симбирских говорах, есть в Словаре русских народных говоров в значении «скулы» (значение дано со знаком вопроса). Словарь современного русского литературного языка слово *микитки* считает просторечным, определяя его значение как «место в нижней части груди под ребрами; подвздошье».

Ясно, что выражение *ударить, толкнуть под микитки* можно истолковать как «ударить в мягкое, слабое, незащищенное место», каким и являются такие части тела, как подвздошье, подреберье, пах. То есть это то же самое, как *дать под дых*; ср. донское *вдарить под дых* — ударить в солнечное сплетение: «*Вдарють пад-дых, и чилавек ня можить апасля вздохнуть*» (Словарь русских донских

говоров. Т. I, Ростов-на-Дону, 1975), или же *ударить под вздох, дать под вздох* — ударить в солнечное сплетение (там же).

Микитка — это видоизмененное *мякитка*, образованное от корня *мяк-*, представленного в таких редетвенных словах, как *мякитый, мякоть, мякши*. Уже Даля, находясь на вернем пути этимологизации слова, поместил рядом с *микитки* форму *мякитки*, однако ложная ассоциация с именем *Микита* (*Микита*), приведшая к возмичковению формы *микитки*, заставила и его поместить в грезде *микитки* название пляски *микита*, которое образовано от имени *Микита*.

В связи с этой этимологией интересно значение русского диалектного (колымского) словосочетания *мякши места* — те части туловища, где пуля или копые может пройти, не задев за кость (Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС, 68, № 4, 1901).

Любопытно, что в некоторых славянских языках есть названия паха, редетвенные русскому *микитки*, это старочешское *měkkota* (*měkkota*), *měkkost'*, словенское *mešava*.

Интересную семантическую параллель к обозначениям мягких частей тела, в частности паха, обнаруживаем также в других славянских языках: это старочешское *slabina, slabiny* «пах» (*Udeřj ho w slabinu* «ударил его в пах»), «слабая часть кожи», польское *slabizna* «то же, место над пуговиной, подложечная область», сербохорватские *slabina* (*слабина*), *слабобочина* «пах» (*Ударно га у слабобочину*, т. е. «ударил его в пах». — Т. Г.), болгарское *слабини* «пах» и т. д.

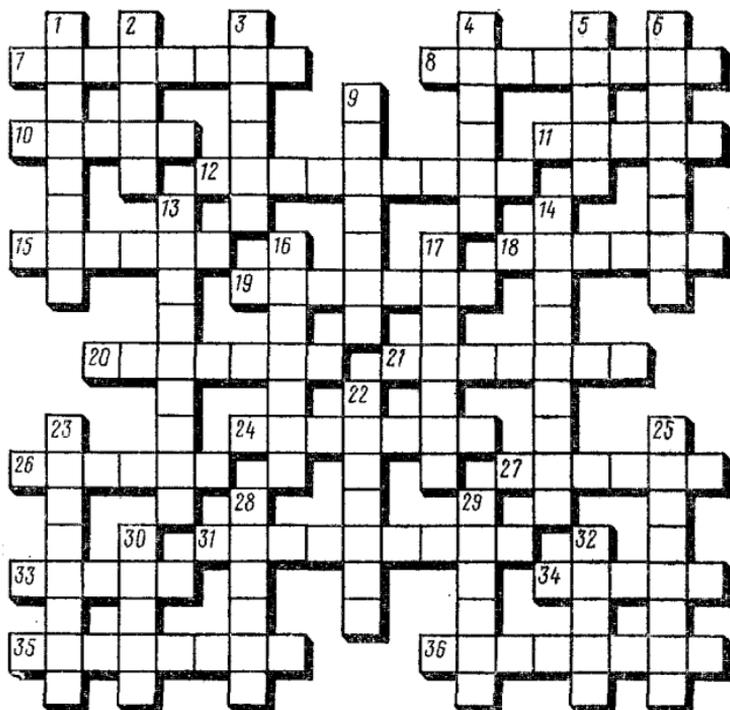
В качестве сравнения с точки зрения семантики из других индоевропейских языков можно привести немецкое *Weiche* «пах» при *weich* «мягкий, нежный, кроткий».

Сравните также русское диалектное (калужское) *тошь* «пах, где и мышцы и кожа тонки» (Словарь В. И. Даля), а также иркутское *полое место* «жировые и мышечные ткани в организме», колымское *полы местя* «те части тела, где пуля или копые может пройти, не задев кости» (Словарь русских народных говоров).

Остается добавить, что в форме *микитки* представлена фиксация икающего литературного произношения вследствие утраты этимологических связей.

Выражение *дубасить под микитки* означает «ударять, бить в мягкое, слабое, уязвимое место».

Рисунок Ю. Панипартовой

ШКОЛЬНЫЙ КРОССВОРД

«И. С. Тургенев. Муму»

Правильный ответ должен совпадать с одной из подсказок. Он записывается в именительном падеже.

По горизонтали: 7. По какой комнате «рассаживала» барыня, когда увидела в окно лежавшую на клумбе Муму (спальня, столовая, гостиная, кабинет)? 8. Что «довела до сведения» барыни кастелянша, на которую с «угрюмой свирепостью посмотрел» Герасим (проказа, шалость, проделка, ностунок)? 10. Что напоминал по своему виду замок на двери каморки Герасима (ситник, калач, багон, бублик, сайка)? 11. Для использования в каком помещении дворник был обязан «натаскать и наколоть дров» (баня, сарай, чулан, кухня)? 12. Как бабьичник Капитан отзывался о Татьяне, добавляя при этом: «Девка она ничего..., смирная девка» (тихоша, мастерица, лентяйка, хохотушка, работница)? 15. Какие отношения установились между Муму и ста-

рой ключей-водовозной (дружба, любовь, вражда)? 18. Как назывался мастер, изготовлявший седла, уздечки [у барыни этот же мастер по совместительству считался ветеринарным врачом и лекарем для людей] (кузнец, скорняк, шорник)? 19. Куда бросился Герасим, не найдя Муму во дворе и в своей каморке (чердак, сеновал, кладовка, девичья)? 20. Где Герасим в последний раз покормил Муму (лавочка, кабачок, трактир, кофейня)? 21. Какой отличительный признак был на лице врачихи Татьяны (лирам, веспушки, родинки, осинки)? 24. Через что «собою боялся идти Степан» после продажи Муму (капитка, колючка, ворота)? 26. В качестве какой посылки принадлежности Степан использовал свой сюртук (одеяло, подушка, матрас)? 27. Кому, уходя, поднес «необыкновенного леща» Герасим (Ерошка, Кузьма, Степан, Гаврила)? 31. Какие птицы «запускали перекликивались» у дороги, по которой шагала Герасим (коро-

стели, перенела, жаворонок)? 33. На какой звук, раздавшийся за забором, Муму «отвечала громким и пронзительным лаем» (скрип, свист, кашель, шорох)? 34. Какую должность исполнил у барыни Потап (сторож, конюх, повар, кучер, лакей)? 35. Как называл себя башмачник Капитон, жалуясь дворецкому на свою злосчастную судьбу (бедолага, горемыка, страдалец, сирота)? 36. Кто поселился в избе Герасима за время его жизни в Москве у барыни (староста, служивый, солдатка)?

По вертикали: 1. Телосложение Герасима (карлик, здоровик, богатырь). 2. Какое чувство испытала притворившаяся «хмельной» Татьяна, когда немой дворник «привдвинул свое лицо к самому ее лицу» (страх, обида, злора, испуг)? 3. Какую одежду сшили Герасиму в Москве на лето (рубашка, кафтан, пиджак)? 4. Что освещало «расходившегося молодца», когда «между Москвой и им легло уже тридцать пять верст» (фонарь, костер, солнце, месяц, звезда)? 5. Какую одежду носил Герасим зимой (шуба, тулуп, зипун, салоп)? 6. В каком «нервическом» состоянии обычно находилась барыня после слишком сытного ужина (возбуждение, волнение, смущение)? 7. Что подарил Герасим Татьяне, неожиданно

схватив ее за локоть во дворе (пряник, крендель, петушок, конфета)? 13. Как автор называет Герасима, ухаживающего за Татьяной (поклонник, кавалер, вздыхатель, обожатель)? 14. Что получил Герасим в барском доме (профессия, должность, звание)? 16. Кем, по словам автора, представлялся Герасим, «усердно и безостановочно» шагавший по Т...у шоссе с мешком за плечами (великан, детина, верзила)? 17. Где в барском доме поселился Герасим (конурка, каморка, чуланчик)? 22. На что надеялся Герасим, собираясь отправиться к барыне с просьбой, не позволит ли она ему жениться на Татьяне (доброта, жалость, милость)? 23. Каким ароматизирующим средством пользовалась барыня (духи, лосьон, одеколон)? 25. Что «посыпалось» на Татьяну, когда «весь дом узнал о проделках немого дворника» (поздравления, оскорбления, насмешки, колкости)? 28. Какую еду дал Герасим найденному щенку (молоко, колбаса, сливки)? 29. Фамилия башмачника Капитона (Иванов, Жилин, Климов, Марин). 30. Что созвал дворецкий у себя в комнате для решения вопроса о женитьбе Капитона (вече, диспут, совет)? 32. На какую «стенную» птицу «махивал» Герасим (нетух, гусак, видюк, ворон)?

Составил В. Н. Шендрик

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Одинаковы ли по значению слова *латвийский* и *латышский*?»

П. Е. Загарзин, Липецк

Прилагательные *латвийский* и *латышский* различаются по своим значениям. Слово *латвийский* значит «относящийся к Латвии». Например: *латвийское* побережье, *латвийское* искусство, *латвийский* сыр (сорт, производящийся в Латвии) и т. п.

Латышский — значит «относящийся к латышам», т. е. народу, составляющему основное население Латвийской ССР. Например: *латышский* язык, *латышский* орнамент, *латышские* сказки и т. п.

Слова — приметы времени

Любая эпоха оставляет свои, нередко неповторимые приметы времени не только в быту, науке, искусстве, но и в языке. *Музыка, кладбище, васисдас* (окошце, форточка), *я к вам* (а не вам) *пишу* — это «снимок» прошлого, бережно хранимый лишь страницами классических произведений. Зато в потоке аббревиатур: *НОТ, НТР, ЭВМ...* — дух стремительности XX столетия, экономия времени, человеческих усилий и средств. Или слова сложные: *телефон-автомат* и *кафе-автомат, экспресс-анализ, блок-корпус, блок-секция, блок-система...* Практически каждое слово (его звуковой облик, грамматические формы, значение или сочетаемость) отмечено временем, национальным своеобразием, а нередко и авторской индивидуальностью. Вот, например, такое привычное слово, как *земляне*.

Казалось бы, что удивительного, неизвестного может

скрывать в наши дни это слово, ставшее почти банальным? Театральные афиши извещают о выступлениях вокально-инструментального ансамбля «Земляне». «Сколько нас, землян?» — этот вопрос время от времени появляется на страницах газет и научно-популярных журналов. А знаете ли вы, сколько лет *землянам*? На первый взгляд, конечно, не так уж много: ведь смысл этого слова явно связан в нашем сознании с выходом человека в космос. Когда-то об этом могли лишь мечтать. Значит, столько же, сколько и мечте... Не случайно *земляне* — один из наиболее расхожих «образов» фантастической литературы, в которой они нередко предстают в качестве антипода *инопланетянам*, существам порою далеко не с человеческим обликом.

Между тем, слово *земляне* вполне можно было бы причислить к долгожителям (только по предварительным подсчетам,

ему не менее 600 лет). Причем первоначально оно ником образом не ассоциировалось с космосом. Прочтите «Жалованную грамоту князя Александра» 1375 года, где говорится, что «все *земляне* имуть дати дань у татары». Или более поздние «Акты исторические, собранные и изданные Архесграфическою комиссиею» 1563 года, которые содержат наставление: «А литовскихъ людей въ городъ, приѣзжихъ и тутошнихъ, дѣтей боярскихъ, и *землянъ*, и черныхъ людей, однолично не пущати...» Но о каких же *землянах* идет здесь речь? Разве *земляне* — это не все люди, населяющие нашу планету? Во все нет. Во всяком случае, так было в глубокой древности. Хотя наши далекие предки и верили в существование *небожителей* (к которым они, кстати сказать, относили обычно богов, святых, ангелов, якобы живущих на небе), но *землянами* у себя на Земле называли они не всех людей, а лишь жителей какой-либо земли, страны, государства, позднее — землевладельцев и тех, кто обрабатывает землю, работает на ней. О них-то и рассказывается в приведенных исторических документах.

Однако на рубеже XIX—XX веков слово *земляне* постепенно «отмирает», зачастую исчезая из обихода, чтобы обрести новую жизнь примерно в 60-х годах нашего столетия. Исторический полет в космос первого *землянина* Ю. А. Гагарина, вереница устремившихся вслед за ним космических кораблей с «человеком на борту» несвольно заставили задуматься над тем, как же назвать всех живущих на нашей планете, отправляющей посланцев в заоблачные высоты Галактики. Вполне вероятно, что те, кто давал своим «соплеменникам» имя, и не подозревал о существовании у него «прародителя». В поисках человеческая мысль обращалась к языковым аналогиям своего времени: основные жители Армении — *армяне*, Египта — *египтяне*, Англии — *англичане*, даже Марса — гипотетичные *марсиане*; следовательно, и население Земли — *земляне*. Прозрачность образа, заложенного в слове при его рождении, *земляне* — «жители Земли» позволяет каждому из нас по-своему расставлять смысловые акценты при его употреблении, выявляя новые оттенки значения.

Ты землянин. Все сказано этим.

Кровью, нервами мы побеждаем в борьбе.

Ты земной человек. И, конечно,
не чужды

Никакие земные печали тебе.

Дружина. «Я люблю тебя злого в азарте работы...»

Землянин здесь не просто житель планеты Земля, а земной человек с его обыденными житейскими заботами, трудностями, радостями и печальми.

Говоря об адресе «Дружеского послания» Т. Г. Шевченко («И мертвым, и живым, и нарожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим...»), «Литературная газета» (1964, 10 марта) замечает: «Сегодня и этот адрес оказывается слишком локальным, — собеседниками поэта стали и живые, и „нороджденные“ в его время народы, стали не земляки — земляне». Противопоставление *землян* как жителей всей нашей планеты *землякам* (уроженцам одной с кем-либо местности) не просто раздвигает границы влияния замечательного украинского поэта на мысли и чувства наших современников, оно подчеркивает всеобщность его поэзии, волнующей каждого читателя.

А вот что можно прочесть в журнале «Знание — сила» (1973, № 2): «На что же направлен столь могучий интеллектуальный аппарат дельфина? И почему мы не можем найти общего языка с этим довольно близким родственником из числа землян?» — здесь название жителей Земли распространяется и на других ее обитателей — животных.

Три примера — три разных употребления.

Еще тогда, когда космические корабли не бороздили Вселенную, человеческий ум не отказывался от своих устремлений заселить небесное пространство земными жителями. На протяжении многих десятилетий, начиная с XIX столетия, к *небожителям* причисляли писателей и поэтов, выдающихся правителей, мечтателей и т. д., словом, тех, кто наделен необыкновенными способностями, талантом, редкой красотой и очарованием. Когда шутливо, а когда и иронично, реже — совершенно нейтрально. Не исключение и наш просвещенный век. Всего несколько выдержек из появившихся в последние десятилетия произведений: «Газеты усели убедить читателей, что ученый, тем более физик-теоретик, — это почти небожитель, который только прикидывается рядовым смертным» (Саношкин. Плачут глухари); «— Сейчас здесь будут Холщевников и Штерн. Самому Мите эти имена мало что говорили. Но для военфельдшера это были боги, небожители» (Крон. Дом и корабль); «И я заметил во взгляде капитана насмешливый упрек: мол, как же ты-то не примечаешь, какая небожительница ходит между нами; как ты позволяешь себе на нее цыкать и заставляешь по три раза перемывать умывальники?» (Конецкий. Путевые портреты с морским пейзажем).

Среди них и очерк «Мои встречи со звездными братьями» (Вечерний Ленинград, 1968, 12 апр.), где первым *небожителем* назван космонавт Ю. А. Гагарин. Несомненно, в отличие от предыдущих, такое словоупотребление остается сегодня пока еще на уровне индивидуально-авторского, но кто знает, не станет ли оно привычным для нас. Не случайно появилось сообщение о Л. Попове и В. Рюмине, делавшихся со своими коллегами-космонавтами не только опытом ремонтно-профилактических работ, но и опытом *небожительства* (Неделя, 1980, № 49). Это слово, обозначающее пребывание в долговременном космическом полете, может стать поддержкой зарождающегося на наших глазах нового, актуального в космическую эпоху значения слова *небожитель*.

Все реже встречаются на страницах нашей литературы *небожители* в своем первоначальном смысле (применительно к богам, святым, ангелам), ведущем родословную еще от XVIII столетия. Разве что где-нибудь в поэзии мелькнут иногда строки, напоминающие об их скромном существовании, да и то скорее как дань литературной традиции. И вино-

ваты в этом опять-таки *земляне*! Ведь число «смертных», проникающих в небесную Вселенную и тем самым пополняющих собой состав современных небожителей, увеличивается год от года.

Интенсивные поиски мыслящей материи за пределами Земли закономерно приводят к постепенному вытеснению *небожителей инопланетянами*. Если слово *земляне* охотно впитало в себя дух космической эры, то *инопланетяне* вели активную борьбу за существование со своими «братьями» — *инопланетцами, инопланетниками и инопланетчиками*. Даже в начале 70-х годов эта конкуренция была еще довольно острой. Существенное влияние на утверждение именно этой формы оказали теперь уже сами *земляне* как постоянные спутники-антиподы жителей иных миров, и, конечно же, *марсиане*, первыми из всех инопланетян поселившиеся в нашем языке (может быть, потому, что Марс — одна из ближайших к Земле планет?).

Трудно поверить, но этих фантастических существ пытался представить читателям еще В. Маяковский в своей поэме «150 000 000»:

Большеголовые,
в красном сиянье,
с Марса слетевшие, встали *марсиане*.

И пусть встреча с марсианами не состоялась. «...Их нет, они навсегда остались лишь на страницах книг землян», — утверждает В. Губарев в своем очерке «Наш марсианин», но уже сегодня лексикографы могли бы составить своеобразный словарь предполагаемых жителей иных планет. Ведь внимание писателей-фантастов, ученых, публицистов переключилось теперь на *венериан* и *юпитериан*, наряду с которыми продолжают свое существование и *луниты*, *лунянки*, *лунатики*, *селениты* (как называют иногда воображаемых жителей Луны). Правда, большинство из них все еще носят индивидуально-авторский или, как говорят лингвисты, экзказиональный характер, не являясь достоянием литературного языка наших дней (по этой причине, между прочим, они нередко остаются и за пределами словарей-справочников).

Примечательно, однако, что значительная часть подобных

слов получает тот же суффикс *-ане*, что и *земляне*, *марсиане*, *инопланетяне*. Активность этой словообразовательной модели сегодня применительно к словам, обозначающим жителей различных планет, вероятно, закономерна: куда бы ни залетала фантазия человека, его воображение неизменно придает облику неких братьев по разуму человекообразный, как правило, вид.

Не одинаковы биографии и слов-долгожителей и ново-рожденных. Как бы, однако, ни складывались их судьбы, они всегда неразрывно связаны с жизнью народа, его историей, культурой, мироощущением, потому что каждый из нас, художник или инженер, учитель или врач, сознательно или неосознанно может подняться до творца и в такой повседневной деятельности человека, как речь.

Т. А. Корованенко,
кандидат филологических наук
Ленинград

Человеческий фактор

Слово *фактор* в основном своем значении — это «движущая сила, причина какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или одну из его характерных черт» (см.: ССРЛЯ, т. 16). Мы говорим, например, *фактор времени*, *фактор победы* и *фактор внезапности* (в военном деле), *фактор роста*, *существенный фактор*, *немаловажный фактор* и т. п. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово *фактор* сопровождается стилистической пометой «книжное».

В русский язык оно пришло в последней четверти XVIII века, впервые зафиксировано в Словаре И. Нордстета (ч. II, СПб., 1782).

По своему происхождению *фактор* восходит к латинскому *factor*, что буквально означает «делающий, производящий» (от глагола *facere* «делать»). Именно поэтому первоначальные, ныне устаревшие значения слова *фактор* были связаны, как правило, с названиями лиц, деятелей, производителей каких-либо работ и т. п. *Фактором* (и *фактоумом*) называли, например, посредника или комиссионера; агента при продаже или сдаче в аренду недвижимого имущества. Другое «личное» значение слова *фак-*

тор — название управляющего технической частью типографии, распорядителя наборного цеха. Известное слово *фактория* «поселение или торговая контора, обычно иностранная, на территории полуколоннальных окраин», пришедшее в русский язык из английского (*factory*), исторически также восходит к латинскому *factor* «управляющий предприятием, агент».

Кроме того, слово *фактор* издавна имеет еще и специальное, теперь малоупотребительное значение: в математике так называют каждое из перемножаемых чисел, сомножителей. Сравн. также *факториал* — «произведение всех целых чисел от единицы до некоторого данного числа» (в математических формулах обозначается так: $n!$).

Можно полагать, что именно это, теперь, правда, довольно редкое, «математическое» значение слова *фактор* легло в основу современного обобщенного его употребления как «существенное слагаемое», «характерная или определяющая черта» или «необходимая составляющая часть» — в таких сочетаниях, как *важный фактор*, *действенный фактор* и т. п.

Академический словарь

1847 года приводит три описанных выше значения слова *фактор*: «распорядитель в типографии», «исполнитель частных поручений» и «в арифметике: множитель». Но уже в начале 60-х годов XIX века словари иностранных слов отмечают и более широкое истолкование этого последнего специального значения: «Вообще действующие составные силы, от взаимного действия которых происходит целое, как продукт» (см.: А. Д. Михельсон. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1865).

Употребление слова *фактор* в новом обобщенном и отвлеченном значении «составляющая часть, слагаемое, действующая сила в ряду других» восходит к научной литературе и демократической русской публицистике 50—60-х годов XIX века, к произведениям Писарева, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина. Например: «...Мысль есть главный и неизбежный *фактор* всех человеческих действий» (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Недоразумение». Повесть в трех частях Данкевича, СПб., 1869). Сравн. с этим старое употребление слова *фактор* в значении «посредник, комиссионер» (перепосно) в одной из статей В. Г. Белинского, относящейся к 40-м годам XIX века: «Журнал есть не наука и не ученость, но, так сказать, *фактор* науки и учености, посред-

ник между наукою и учеными» (Белинский В. Г. Несколько слов о «Современнике»). Граница «разлома» в употреблении слова *фактор* в этих двух примерах выявляется со всей очевидностью.

Новое значение слова *фактор* — «одна из действующих сил» — стало господствующим в русской публицистике последней четверти XIX века и дало начало таким выражениям, как *социальный фактор*, *исторический фактор*, *психологический фактор* и т. п.

К концу XIX века слово *фактор* в новом обобщенном значении окончательно вытеснило такие его синонимы, как *деятель*, *агент*, которые могли обозначать не только лицо, но и любую действующую силу (Подробно об истории употребления слова *фактор* см. в книге Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века». М.—Л., 1965).

Новое значение слова *фактор* закрепляется в биологической, медицинской терминологии. Например: «*Фактор риска* (мед.). Один из *факторов*, способствующих возникновению заболевания. Например, курение — *фактор риска* по отношению к инфаркту миокарда или раку легкого» (см. «Советский Энциклопедический Словарь»). Характерно при этом, что физико-математическая терминология сохраняет традици-

онное значение слова *фактор*. Сравн. в том же «Советском Энциклопедическом Словаре»: «*Фактор магнитного расщепления* — то же, что Ланде множитель; или множитель в формулах, определяющих величину расщепления уровней энергии в магнитном поле».

В последние годы к известным определительным сочетаниям со словом *фактор* (таким, как *психологический фактор*, *географический фактор*, *демографический фактор* и мн. др.) добавилось рожденное буквально на наших глазах сочетание *человеческий фактор*. Выражаемое им содержание связано с коммунистической сознательностью, инициативой, творческим отношением к делу. Терминологическое словосочетание *человеческий фактор* встречается в работах советских экономистов и социологов с конца 70-х — начала 80-х годов. См., например: «*Человеческий фактор* становится важнейшей движущей силой научно-технического прогресса» (С. Шаталин, О. Пчелинцев. Урбанизация в условиях НТР.— «Общественные науки», 1984, № 4).

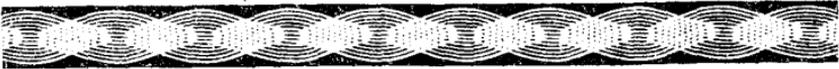
В материалах XXVII съез-

да КПСС повышение роли *человеческого фактора* прямо связывается с совершенствованием социалистических производственных отношений, с ускорением социально-экономического прогресса. Во второй части новой редакции «Программы Коммунистической партии Советского Союза» об этом говорится так:

«Успешное решение намеченных задач партия связывает с **повышением роли человеческого фактора**. Социалистическое общество не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни. Чем масштабнее исторические цели, тем важнее *по-хозяйски* заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижении» (М., 1986, с. 24—25).

Активизация человеческого фактора в наши дни является основой ускоренного социально-экономического и научно-технического развития советского общества.

Л. И. Скворцов, доктор
филологических наук

Нужен хороший УЧЕБНИК

Свободное владение русским языком — неперенное условие активного творческого участия каждого советского человека в производственной и общественной жизни нашей страны. Как улучшить преподавание русского языка в школе, как полнее использовать эти уроки для формирования материалистического мировоззрения, патриотического и нравственного воспитания, как раскрыть перед молодежью неповторимую красоту русской речи? Перед каждым учителем встают эти вопросы. И найти ответы на них во многом поможет хороший учебник, в котором так нуждается современная школа, активно реализующая идеи реформы.

Вот почему Коллегия Министерства просвещения РСФСР приняла решение — объявить конкурс на создание учебника русского языка для VIII—IX классов средней общеобразовательной школы. Учебник создается по утвержденной Минпросом РСФСР программе, в которую авторы могут вносить свои изменения и уточнения. Авторам разрешается также самостоятельно разработать программу с условием сохранить установленное количество часов и соблюсти преемственность с программой V—VII классов.

В содержание программы русского языка VIII—IX классов входят систематический курс синтаксиса и пунктуации, общие сведения о языке, значительное место отводится развитию связной речи, обучению сочинениям разных жанров.

Представленная на конкурс рукопись должна отвечать требованиям реформы к содержанию образования, целям и задачам изучения русского языка в школе.

Высокая идейность и научность должны сочетаться с доступностью и краткостью, ясностью и непременно с живостью изложения.

Методический аппарат учебника должен основываться на принципах советской дидактики; опираться на приемы, выработанные современной методикой и оправдавшие себя в практике школы; пацеливать на постоянное повторение, закрепление и систематизацию всего изученного из области фонетики, лексики, словообразования, морфологии. Необходимо иметь в виду, что учебник является главным компонентом учебно-методического комплекса по русскому языку.

Рукопись представляется в Министерство просвещения РСФСР (Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 6) в двух экземплярах с девизом на титульном листе. Вместе с рукописью автор присылает запечатанный конверт с девизом, в котором сообщает сведения о себе.

Срок представления рукописи учебника русского языка для VIII—IX классов — до 1 марта 1988 г.

Лучшие учебники будут премированы: первая премия — 4000 рублей, вторая — 2000 рублей. Премии выплачиваются после утверждения результатов конкурса.

С автором (авторским коллективом) рукописи, рекомендованной конкурсной комиссией к изданию, издательство «Просвещение» заключает договор в установленном порядке.

Министерство просвещения РСФСР приглашает ученых-лингвистов принять участие в конкурсе на лучший учебник русского языка.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что значит выражение „загорелся сыр-бор?“»

Н. В. Погодина, *Петрово-Дальнее, Московская обл.*

Загорелся сыр-бор — переносно: «затаялось какое-нибудь шумное дело, начался скандал, переполох» и т. п.

Устойчивое образное выражение возникло из старинных поговорок: *загорелся сыр-бор* из-за сосенки, или от искры *сыр-бор загорелся*. Буквальное их значение — большая беда (пожар сырого леса) может возникать из мелочей, из-за пустяков.

ОТ РЕДАКЦИИ

В связи с многочисленными вопросами читателей сообщаем, что подписка на журнал «Русская речь» принимается без ограничений всеми отделениями связи.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Прочел в „Правде“ (24 июня 1985) поэму Егора Исаева „Убил охотник журавля“. Есть в ней такие строки: „А с ночи встал — опять налей,/Не всклень, так взресь...“ Что означает это выражение? Рылся в словарях, но так и не нашел ответа».

И. З. Подолян, с. Мытково Винницкой области.

Выражения *всклень* и *взресь* означают: полно, доверху, до краев. Диалектизм *всклень* бытует в Пензенской, Тамбовской, Саратовской и других областях, *взресь* — в Вологодской области, на Дону, на Алтае (см. Словарь русских народных говоров, Л., Наука, 1969, вып. 4 и 5).

ОТВЕТЫ
НА ШКОЛЬНЫЙ КРОССВОРД
«И. С. ТУРГЕНЕВ. МУМУ»

По горизонтали: 7. Гостиная. 8. Постунок. 10. Калач. 11. Кухня. 12. Работница. 15. Дружба. 18. Шортик. 19. Сеновал. 20. Трактор. 21. Родинки. 24. Калитка. 26. Одеждо. 27. Степан. 31. Коро-

стели. 33. Шорох. 34. Кучер. 35. Горемыка. 36. Солдатка.

По вертикали: 1. Богатырь. 2. Страх. 3. Кафтан. 4. Солнце. 5. Тулуп. 6. Волнение. 9. Петушок. 13. Обожатель. 14. Должность. 16. Великан. 17. Каморка. 22. Милость. 23. Одеждоно. 25. Насмешки. 28. Молоко. 29. Климов. 30. Совет. 32. Гусак.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

Заведующая редакцией

Т. С. Колмакова

Художественный редактор

Е. Н. Сапожникова

Корректоры

В. В. Белаяев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.06.86

Подписано к печати 07.08.86

Т-13837. Формат бумаги 84×108/32.

Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.

Усл. кр.-отт. 507,1 тыс. Уч.-изд.

л. 10,2. Бум. л. 2,5. Тираж 58900.

Заказ 2670.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25

2-я типография издательства «Наука»,

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6